ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1/2015

Учредитель издания:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Главный редактор:
О. И. Александрова, канд. юрид. наук, доцент
O. I. Alexandrova, PhD in law

Заместитель главного редактора:
Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф.
B. V. Yatselenko, the doctor of law

Ответственный секретарь:
Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.
G. A. Nasimov, PhD in law

Редакционная коллегия:
В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
V. N. Babenko, the doctor of historical sciences;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
V. A. Vinogradov, the doctor of law;
В. Л. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
V. L. Geyhman, PhD in law;
А. Герлох, проф. (Чехия);
A. Gerloh, the professor (Czech Republic);
Л. Гоцян, проф. (Китай);
L. Gotsyan, the professor (China);
В. А. Гуреев, д-р юрид. наук, доц.;
V. A. Gureev, the doctor of law;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
N. G. Ivanov, the doctor of law;
М. Н. Илюшина, д-р юрид. наук, доц.;
M. N. Ilyushina, the doctor of law;
Л. Казертано, проф. (Италия);
L. Kazertano, the professor (Italy);
В. И. Красиков, д-р филос. наук, проф.;
V. I. Krasikov, the doctor of philosophy;
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
A. A. Lebedeva, the doctor of philology;
Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
B. N. Malkov, the doctor of philosophy;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
A. V. Morozov, the doctor of law;
И. А. Попов, д-р юрид. наук, проф.;
I. A. Popov, the doctor of law;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
B. V. Rossinsky, the doctor of law;
О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, проф.;
O. Y. Rybakov, the doctor of law;
С. Ю. Чашкова, канд. юрид. наук, доц.
S. Y. Chashkova, PhD in law.

© Вестник Российской правовой академии, 2015

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел./факс: 8-499-613-4754, 8-499-613-7218
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:
В. А. Тимофеева, Е. В. Болотова, О. В. Спиридонова
Дизайн: *Ю. С. Соколова*
Верстка: *Ю. А. Гребнева*

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
Формат 60´90 1/8. Печ. л. 12,25.
Подписано к печати 13.03.2015.
Тираж 1 000 экз. Заказ № ___.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Федорченко Е. В.
О наименованиях судебных актов в российском процессуальном законодательстве 3

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Дробышев М. Г.
Определение страхового интереса при страховании интеллектуальной собственности 7

Сапрыкин К. Н.
Основания представительства прав и интересов ребенка по семейному законодательству Российской Федерации 12

Сушкова О. В.
Влияние решений Европейского суда по правам человека на развитие сферы интеллектуальной собственности в Российской Федерации 16

Чашкова С. Ю.
Основные подходы к правовой природе дистрибьюторских соглашений, выработанные теорией и судебной практикой 20

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Борсученко С. А.
Требования международных актов к тюремному персоналу 25

Брыка И. И.
Принцип социальной справедливости в уголовно-правовой политике Российской Федерации 29

Вольдимарова Н. Г.
Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем уклонения от исполнения имущественных обязательств 33

Воронова О. С.
Профилактический аспект в виктимологических и криминологических исследованиях зарубежных и отечественных ученых 39

Гилязутдинов Р. К.
К вопросу о сущности преступного поведения 43

Горемычкин И. Е.
Соотношение групповых образований Общей и Особенной частей уголовного закона России (на примере статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) 46

Иванов А. Л.
Категоризация преступлений в законе и в правоприменении 50

Огурцов С. А.
Основания для применения принудительных мер медицинского характера 53

Чупрова А. Ю.
Новые медицинские технологии: уголовно-правовые аспекты 58

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Будай С. Н.
Право многодетной семьи на бесплатное получение земельного участка 62

Савельева А. В.
К вопросу об участии прокурора в арбитражном процессе по делам, связанным с нарушением бюджетного законодательства 67

Черепанова И. В.
Полномочия прокурора при возбуждении им дел об административных правонарушениях за нарушение трудовых прав граждан 72

Административное право; административный процесс

Сибилёв Ю. Н.
Критерии эффективности деятельности как основные ориентиры системы оценки Федеральной службы судебных приставов 75

События

Заслуженное признание 80

Наши ветераны (к 70-летию празднования Великой Победы) 82

Сокращения, принятые в издании 89

Наши авторы 90

Перечень статей и материалов, опубликованных в 2014 году 94

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии» 99

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

347.188

Е. В. Федорченко
E. V. Fedorchenko

О наименованиях судебных актов в российском процессуальном законодательстве

About the Name of Judicial Decisions in the Russian Remedial Legislation

В данной статье затронута проблема отсутствия единой терминологии для обозначения всех судебных актов, выносимых судами первой инстанции. В работе рассмотрены родовые и видовые наименования актов суда в различных процессуальных кодексах.

This article touches upon the problem of the lack of common terminology to refer to all judicial acts passed by the courts of first instance. The work discusses the generic and specific names of acts of court in procedural codes.

Правовая культура; юридическая техника; судебный акт; классификация судебных актов

Legal culture; legal technique; judicial act; classification of judicial acts

Согласно наблюдениям российских ученых в настоящее время тенденция развития судебной власти такова, что по мере становления общества правосудие становится «все более изощренным и искусным» [1]. Действительно, роль судов в жизни нашего общества увеличилась, что позволяет говорить и о возрастающей значимости правосудия, причем правосудие сегодня охватывает те стороны жизни общества, которых ранее не касалось. В качестве относительно новых категорий судебных дел можно назвать, например, дела о ненадлежащем медицинском обслуживании, о суррогатном материнстве, об эвтаназии, о преступлениях в сети Интернет и т. д. Круг лиц, обратившихся в суды за защитой своих прав, соответственно, также увеличивается. Более того, судебная власть не только стала рассматривать споры между гражданами и организациями, но и выступать в роли арбитра между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Однако возросшая нагрузка на суды не должна никоим образом сказываться на эффективности судебной деятельности. Как известно, эффективность судебной, да и в целом правоприменительной, деятельности во многом зависит от юридико-технического используемого в осуществлении правосудия арсенала средств, который разрабатывается юридической наукой и законодателем, а также от уровня профессиональной подготовки судебного корпуса, искусно применяющего все эти правовые средства в процессе индивидуального правового регулирования.

Учитывая вышеизложенное, а также то, что в нашем государстве в последнее время много внимания уделяется воспитанию и развитию правовой культуры, как внешней, связанной с представлениями и установками общества в целом,

© Федорченко Е. В., 2015
© Fedorchenko E. V., 2015

так и внутренней, связанной с образованием и информированностью тех, кто участвует в юридической практике, представляется возможным и необходимым прояснить некоторые вопросы, касающиеся судебной терминологии.

Важнейшим и решающим этапом судебного процесса является вынесение решения. Заключительный шаг в общей схеме действий суда на этом этапе — «вынесение умозаключения, в котором факты подводятся под нормы права» [2]. Однако в российском законодательстве отсутствует единая терминология, которая обозначала бы в обобщенном виде все судебные акты, выносимые судами первой инстанции, вне зависимости от категории дела и вида судопроизводства.

В соответствии с гражданско-процессуальным законодательством для актов, выносимых судами общей юрисдикции по гражданским делам, в качестве родового понятия используется термин «постановления». Суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений, определений суда (ч. 1 ст. 13 ГПК [3]). Так, в ч. 1 ст. 121 ГПК дается определение судебного приказа: «судебный приказ — это судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм…» В ч. 1 ст. 194 ГПК сказано, что «постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу, принимается… в форме решения суда». И наконец, в ч. 1 ст. 224 ГПК говорится: «Судебные постановления суда первой инстанции, которыми дело не разрешается по существу, выносятся в форме определений суда».

В арбитражно-процессуальном законодательстве в качестве родового понятия используется термин «судебный акт», который охватывает и решения, и определения, выносимые арбитражными судами при рассмотрении дел по первой инстанции (ч. 1 и ч. 2 ст. 15 АПК [4]).

В уголовно-процессуальном законодательстве используется термин «решение» как обобщающее понятие для актов, выносимых судом в уголовном процессе. В ст. 5 УПК [5] даются определения различным понятиям. Так, в п. 5 читаем: «вердикт — решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей».

Пункты 23, 25 и 28 дают дефиниции понятий «определение», «постановление» и «приговор»:

- «определение — любое решение, вынесенное коллегиально судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, за исключением приговора и кассационного определения»;

- «постановление — любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления»;

- «приговор — решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции».

Таким образом, определения всех видов актов, выносимых судами при рассмотрении уголовных дел, даются через термин «решение», который является родовым понятием в данном случае.

В рамках административного судопроизводства по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносятся решения (ч. 2 ст. 30.1 КоАП [6]). Возможные виды решений в административном судопроизводстве — это собственно решения, определения и постановления.

В Конституционном Суде РФ в качестве родового понятия для процессуальных актов, выносимых в ходе производства по делу, используется термин «решение» (ст. 6 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7]). Решения Конституционного Суда РФ принимаются в виде постановлений, заключений и определений (ст. 71 указанного Закона).

Обобщая вышеизложенное, делаем вывод: все судебные акты, выносимые в ходе производства по делу судами первой инстанции, по видам судопроизводства могут быть представлены следующим образом:

Вид судопроизводства	гражданское судопроизводство	арбитражное судопроизводство	уголовное судопроизводство	административное судопроизводство	судопроизводство в Конституционном Суде РФ
Род судебного акта	постановления	судебные акты	решения	решения	решения
Виды судебных актов	- решение; - определение; - приказ	- решение; - определение	- приговор; - постановление; - определение; - вердикт	- решение; - постановление; - определение	- постановление; - заключение; - определение

Как мы видим, какой-либо единый подход к терминологии процессуальных актов отсутствует, что затрудняет построение единой системы этих актов и, следовательно, препятствует эффективности осуществления правосудия. Обнаруживается подмена видового понятия родовым (постановления), причем данную ситуацию не проясняет и Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [8], в котором также используется общий термин «судебные постановления».

Помимо единого подхода к терминологии актов, выносимых судами, отсутствует и классификация, позволяющая четко систематизировать довольно значительный перечень судебных актов.

Т. В. Кашанина предлагает в качестве классификационного критерия выбрать значимость актов в судебном процессе [9]. Таким образом, все судебные акты, по ее мнению, можно разделить на три группы: основные, вспомогательные и дополнительные.

Основным судебным актам принадлежит особая роль, поскольку они разрешают дело по существу. Это судебные решения и приговоры.

Вспомогательные судебные акты сопровождают различные действия суда. Они фиксируют суждения суда по отдельным вопросам, которые возникают в процессе рассмотрения дела: отложить судебное разбирательство, приостановить производство по уголовному делу и т. п. В гражданском процессе это определения, в уголовном процессе — постановления.

Сопровождают судебное производство дополнительные акты: протоколы судебного заседания, вопросный лист присяжным заседателям и др.

На наш взгляд, данная классификация большой пользы для систематизации судебных актов не приносит, поскольку рассматриваются лишь виды актов, тогда как родовые понятия не учитываются. Предложенный подход не проясняет, например, употребление термина «постановление» в качестве родового понятия для всех судебных актов в гражданском судопроизводстве и употребление того же термина в качестве видового понятия вспомогательного судебного акта в уголовном судопроизводстве.

Думается, такая разница в терминологии вполне обьяснима. Научные взгляды трудившихся над проектами процессуальных кодексов неминуемо отражаются на содержании этих кодексов, и, безусловно, эти различия прослеживаются не только в данном вопросе. Думается, что на помощь здесь должна прийти юридическая техника, которая, хотя и ориентирована на решение практических задач, продолжает оставаться областью знаний, являющейся частью теории государства и права, и решает в первую очередь вопросы юридической терминологии.

Российскими юристами высказывались предложения о необходимости введения единого понятия «судебные акты» для определения всех процессуальных актов, выносимых судами в рамках всех типов судопроизводства [10]. Однако, например, протокол судебного заседания или вопросный лист присяжным заседателям также могут именоваться судебными актами.

Во избежание этого некоторые исследователи данной проблемы предлагают разделить судебные акты на собственно судебные акты и акты суда. Именно акты суда должны выступать в качестве разрешающих дело по существу [11]. На наш взгляд, в данном случае с точки зрения лингвистики происходит лишь замена синтаксической связи с согласования на управление, а словосочетания остаются синонимичными, т. е. обозначающими одно и то же.

Для единообразного понимания и применения понятия «судебный акт», для уяснения его сущности высказывалось предложение о создании отдельного правового акта — федерального закона «О судебных актах Российской Федерации» [12]. А. В. Малько и Д. С. Семикиным, авторами предложения, была представлена достаточно полная классификация судебных актов, однако вопрос с наименованиями родовых и видовых понятий судебных актов по-прежнему остается открытым. Несмотря на это, учитывая отсутствие единства юридической терминологии в данном вопросе, предложение, безусловно, заслуживает внимания. Однако введение подобного документа потребует приведения в соответствие с ним всего законодательства, а это трудоемкий и небыстрый процесс. Возможно, поэтому законодатель по-прежнему использует различную терминологию для обозначения процессуальных актов применительно к различным видам судопроизводства.

Нами уже было отмечено, что юридическая техника в первую очередь касается вопросов юридической терминологии. А уровень юридической техники во многом говорит об уровне юридической культуры. Термины из области права не являются достоянием одних лишь юристов, тем более когда речь идет о терминах, применяемых в судебной деятельности, поэтому формирование единой терминологии в этой области — сегодня одна из первоочередных задач.

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 439.
2. Там же. С. 443.
3. См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Там же. № 30. Ст. 3012.
5. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Там же. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
6. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Там же. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
7. См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
8. См.: Там же. 1997. № 1. Ст. 1.
9. См.: Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 444.
10. См.: Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2006; Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 6.
11. См.: Широкопояс Ю. А. Акт суда и судебный акт: соотношение понятий // Проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности. Сер. «Право». 2006. Вып. 10. С. 138.
12. См.: Малько А. В., Семикин Д. С. Судебные акты как особая разновидность правовых актов // Рос. юрид. журнал. 2010. № 5. С. 34–39.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

349.3

М. Г. Дробышев
M. G. Drobyshev

Определение страхового интереса при страховании интеллектуальной собственности

Insurance Interest in Intellectual Property Insurance

Статья посвящена вопросу определения понятия страхового интереса. В ней рассмотрены и проанализированы различные подходы к определению страхового интереса, выделены ключевые характеристики этого понятия в рамках новых и развивающихся страховых практик, предложены изменения в законодательство.

This article is dedicated to clarify the definition of insurance interest. In this article various approaches to the definition of insurance interest are being considered, as well as key features of this institute in the area of new and developing insurance techniques, and legal changes are being suggested.

Страховой интерес; страховой риск; объект страхования; предмет страхования; интеллектуальная собственность

Insurance interest; insurance risk; object of insurance; subject of insurance; intellectual property

Для определения конструкции страхования интеллектуальной собственности необходимо разобраться, что страхуется, почему и от чего, т. е. выяснить содержание понятий «страховой риск», «объект страхования», «предмет страхования» и «страховой интерес» применительно к этому классу объектов. В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о сути страхового интереса при отношениях по страхованию интеллектуальной собственности. Страховой интерес является одним из ключевых элементов, составляющих сущность страховых правоотношений. Согласно ГК [1] отсутствие страхового интереса является основанием для признания договора страхования недействительным. На значимость страхового интереса указывали такие исследователи, как В. Р. Идельсон, В. И. Серебровский, С. В. Михайлов, Ю. В. Абрамов и др. [2]

Несмотря на основополагающую роль понятия страхового интереса в составе страхового правоотношения, определения этого понятия действующее российское гражданское законодательство не содержит, и этот вопрос остается исключительно в области научных исследований. Так, Ю. Б. Фогельсон считает наиболее удачным определение английского судьи Лоуренса, который в 1806 г. в решении по делу *Lucena v. Craufurd* постановил, что «интерес не обязательно предполагает какие-то права на предмет интереса или на его часть и также не обязательно, чтобы имелось нечто, что могло бы быть физически утрачено, но необходимо наличие таких связей с предметом страхования, чтобы в результате воздействия опасности, от которой страхование производится, застрахованному лицу был причинен вред» [3]. Таким образом, Ю. Б. Фогельсон видит

© Дробышев М. Г., 2015
© Drobyshev M. G., 2015

страховой интерес как обратную реакцию со стороны заинтересованного лица на случай применения вреда, которая может возникнуть и со стороны лица, не обладающего правом собственности на застрахованное имущество, но заинтересованного в его сохранности. Подобный подход обоснован и используется в современной страховой практике, например в тех случаях, когда выгодоприобретателем по договору страхования является банк-кредитор. Аналогичным образом можно допустить страхование интеллектуальной собственности не автором, а другим лицом по договору отчуждения исключительного права (лицензионному договору), и это лицо, не являясь автором, также будет заинтересовано в ее сохранении.

Другие рассматривают страховой интерес как обязательный атрибут страхового правоотношения, обладающего определенным набором юридических свойств. Советский цивилист В. И. Серебровский в своей работе 1926 г. указывал, что страховой интерес должен быть:

1) имущественным;

2) основанным на каком-либо юридическом отношении (данное требование было актуально для ГК 1933 г. [4], по ныне действующему ГК может быть застрахован любой фактический интерес);

3) частным, субъективным, т. е. принадлежать какому-либо лицу;

4) правомерным. Интерес является правомерным, если правомерным является поведение заинтересованного лица, в результате которого оно извлекает выгоду (пользу) из предмета интереса [5].

Так, Л. Н. Клоченко и К. И. Пылов предъявляют еще одно требование к страховому интересу — возможность его денежной оценки [6]. Однако Ю. Б. Фогельсон не согласен с этим критерием, указывая на то, что здесь идет смешение понятий «страховой интерес» и «страховой риск»: интерес в отличие от риска не имеет атрибута, который всегда имел бы оценку, и возможные выгоды и возможный вред, являющиеся атрибутами интереса, далеко не всегда могут быть количественно оценены. Как мы увидим в дальнейшем, данный подход излишне формализован и тем самым ограничивает свободу страховых отношений.

Например, М. Я. Шиминова называет две основные концепции страхового интереса [7]. Первая — объективная — рассматривает интерес как продукт экономических отношений людей, не зависящий от воли и сознания. По концепции субъективного страхового интереса, разработанной Т. С. Мартьяновой, страховой интерес состоит из двух элементов: экономического (то, что хочет сохранить страхователь) и правового (отношение страхователя к этому объекту) [8]. Интерес в отрыве от человеческого фактора представить себе довольно сложно, поэтому вторая точка зрения выглядит более удачной; правда, Т. С. Мартьянова в развитие своей позиции предлагает считать «отношение страхователя» объектом страхования, с чем уже нельзя согласиться: отношение объектом российского гражданского права не является.

Спорным является вопрос о соотношении страхового интереса и объекта страхования; часто между этими понятиями различий не проводится, что имеет место при подходе, представленном В. И. Серебровским. Например, С. В. Дедиков называет данный подход «абсолютной теорией страхового интереса» и дает ему негативную оценку, утверждая, что признание страхового интереса обязательным атрибутом договора страхования повлечет возникновение новых дополнительных признаков страхового интереса для каждого отдельного вида договоров страхования. Чем больше таких признаков, тем сильнее ограничивается свобода страхового рынка и тем больше у страховщиков возможностей для предъявления требований о признании заключенного договора страхования недействительным. В рамках абсолютной теории страховой интерес, по сути, не важен ни для одной из сторон: страхователь не задает себе вопрос о наличии у себя самого страхового интереса (т. е. может застраховать имущество и в отсутствие данного интереса) при заключении договора страхования, а страховщик начинает задаваться вопросом о наличии страхового интереса уже при заключенном и действующем договоре страхования. Эту теорию сложно признать удачной, так как страховой интерес в ее рамках представляет собой не более чем фикцию, что приравнивает страхование к области ставок и пари. Более разумной здесь видится точка зрения Л. В. Кузнецовой, согласно которой наличие страхового интереса как интереса в сохранении имущества должно иметь место в момент наступления страхового случая и обращения за получением соответствующей страховой выплаты [9].

В качестве альтернативы С. В. Дедиков предлагает «функциональную» теорию страхового интереса, основанную на норме п. 1 ст. 930 ГК, согласно которому имущество может быть застраховано по договору страхования в пользу лица (страхователя или выгодоприобретателя), имеющего основанный на законе, ином правовом акте или договоре интерес в сохранении этого имущества. Иными словами, обращение к категории страхового интереса происходит лишь тогда, когда страховщику необходимо защитить свои

интересы от страховых мошенников [10]. Применительно к этой теории С. В. Дедиков считает наиболее удачными определения, раскрывающие мотивировочную сторону страхового интереса. Точка зрения С. В. Дедикова представляется обоснованной применительно к тому факту, что бессмысленно говорить о страховом интересе как о необходимом элементе с определенным набором юридических признаков при заключении и действии договора страхования: если страхователь заключил договор со страховщиком и продолжает выплачивать страховые премии, то какой-то интерес у него точно присутствует.

В то же время весьма спорно выглядит критика С. В. Дедикова применительно к отождествлению страхового интереса и объекта страхования. Некоторые исследователи прямо поддерживают отождествление страхового интереса и объекта страхования [11]. М. Я. Шиминова отмечает, что в более поздних публикациях по страховому праву число сторонников, разделяющих точку зрения на то, что страховой интерес выступает объектом страхового правоотношения как в личном, так и в имущественном страховании, возрастает. Эта позиция также имела отражение в истории развития отечественной цивилистики, в частности в ГК 1964 г. (ст. 368, 371, 372, 380) [12]. В современном законодательстве страховой интерес и объект страхования отождествляются, например, в ст. 249 КТМ [13], ст. 4 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [14]. На наш взгляд, негативное отношение к отождествлению объекта страхования и страхового интереса происходит в результате того, что не проводится разница между объектом страхования и объектом страхования: предметом страхования является тот или иной объект гражданского права из числа указанных в ст. 128 ГК, в то время как объектом страхования вполне может являться интерес в сохранении этого имущества и (или) получении финансовой компенсации при наступлении событий, подпадающих под перечень страховых рисков. Применительно к интеллектуальной собственности при предмете страхования в виде, к примеру, топологии интегральной микросхемы, объектом страхования будет интерес страхователя в сохранности конфиденциальности топологии с целью предотвращения убытков. Страховым риском будут являться, соответственно, вероятность возникновения убытков как в форме вреда, так и в виде упущенной выгоды.

Заслуживают внимания позиции, раскрывающие страховой интерес как мотивировочную предпосылку страховых правоотношений. Так, К. А. Граве и Л. А. Лунц считают, что страховой интерес есть не предмет страховой охраны, не предмет страхового правоотношения, а одна из необходимых предпосылок возникновения и существования этого правоотношения [15]. Интерес как исключительно субъективное явление (явление сознания) определяется в юридической литературе посредством понятия потребности (как осознанная, отраженная в сознании потребность [16] или вовсе как тождественное потребности явление) [17]. Определяется понятие «интерес» и через цели [18], и через оценку обеих указанных категорий (целей и потребностей) [19]. Например, А. Я. Курбатов, специально подчеркивая недопустимость отождествления понятий «интерес» и «потребность» и проводя различия между ними, указывает, что «потребность отражает нужды субъекта, а интерес — меры (способы) их удовлетворения. Другими словами, интерес фиксирует те меры, осуществление которых ведет к удовлетворению потребностей» [20]. Близкой точки зрения придерживается и А. И. Экимов [21]. В том же духе определял интерес и В. Н. Лавриненко, отмечавший, что интерес фиксирует объективно целесообразный способ удовлетворения потребности [22]. Таким образом, понятие интереса все же находится ближе к потребностно-мотивировочной сфере, а не объектно-материальной. Довольно удачным следует признать определение В. С. Белых, который предлагает под страховым интересом понимать осознанную страхователем или застрахованным лицом потребность в получении имущественного блага в виде страховой суммы при наступлении страхового события [23]. Данным позициям следует дать положительную оценку вследствие того, что здесь страховой интерес еще больше отграничивается от материальной сферы в виде предмета страхования.

Учитывая это, представляется удачным решением рассматривать страховой интерес одновременно и в качестве мотивации к заключению договора страхования (без чего не могут возникнуть страховые правоотношения), и в качестве атрибута уже собственно договора страхования (если отказаться от этого, утрачивает смысл понятие страхового мошенничества). Так, Л. В. Кузнецова предлагает вести речь о наличии так называемой презумпции страхового интереса. Это означает, что во всех случаях, когда лицо владеет и пользуется имуществом и в силу этого приобретает определенные блага и имеет фактический интерес в сохранении имущества, наличие страхового интереса у такого лица должно презюмироваться, т. е. считаться имеющим место, пока не будет доказано обратное [24]. Этой позиции придерживается и судебная практика: с учетом того что страховщики часто злоупотребляли

данным требованием для отказа страхователю в выплате страхового возмещения уже после наступления страхового случая по действующему оплаченному договору страхования, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что при наличии заключенного договора страхования бремя доказывания отсутствия интереса лежит на лице, заявляющем о его отсутствии (см. информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.11.2003 № 75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» [25]). Другими словами, страховщику предлагается доказывать отрицательный факт, что всегда крайне затруднительно, а наличие интереса у страхователя судами презюмируется.

Страховой интерес необходимо отличать и от понятия страхового риска. Здесь критерий вполне однозначен: страховой интерес как имущественный интерес и осознанная субъектом права необходимость наличия определенных имущественных благ для удовлетворения тех или иных потребностей не может быть приравнен к риску, который в качестве цивилистической категории представляет собой возможность или опасность наступления неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), обладающую признаком неопределенности.

Таким образом, применительно к страховому интересу в страховании интеллектуальной собственности мы можем прийти к следующим выводам:

- страховой интерес не является фиксированной правовой категорией, его содержание зависит от вида страхования;

- страховой интерес носит субъективный, личностный характер заинтересованности страхователя;

- страховой интерес в мотивировочном смысле является неотъемлемым элементом страхового правоотношения;

- лицо, обладающее интересом в сохранении, имеет и страховой интерес;

- имеет место презумпция страхового интереса, что позволяет сохранять стабильность страхового рынка;

- страховой интерес является уникальной правовой категорией, отличаясь от предмета страхования и страхового риска. В то же время допустимо отождествление страхового интереса и обьекта страхования, но не в предметном (что страхуется), а в телеологическом (ради чего страхуется) аспекте.

Соответственно, страховой интерес в страховании интеллектуальной собственности можно определить как основанную на законе или договоре заинтересованность в минимизации убытков при утрате или неправомерном использовании интеллектуальной собственности.

К сожалению, как уже указывалось в самом начале, ГК понятия страхового интереса не содержит, а позиции ученых, как видим, крайне разнообразны. Представляется целесообразным закрепить понятие страхового интереса в ГК как заинтересованности имущественного характера, присущей страхователю по отношению к предмету страхования по защите предмета страхования от страховых рисков. Формулирование определения данного понятия будет способствовать установлению ясности в науке и практике страховых правоотношений. Дополнительное внимание следует обратить на отказ от имущественной составляющей при определении страхового интереса, что позволит гибко подходить к развитию новых видов страхования, в том числе к страхованию интеллектуальной собственности.

---

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

2. См.: Идельсон В. Р. Страховое право. М., 1992. С. 32; Серебровский В. И. Очерки советского страхового права // Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 366; Михайлов С. В. Страховой интерес // Страховое право. 1999. № 3. С. 19; Абрамов В. Ю. Страхование: теория и практика. М., 2007. С. 239.

3. Фогельсон Ю. Б. Страховое право: теоретические основы и практика применения : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. С. 153.

4. См.: Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Российская государственная библиотека онлайн просмотра : сайт. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003409294 (дата обращения: 10.10.2014).

5. См.: Серебровский В. И. Очерки советского страхового права. М. ; Л., 1926. С. 393.

6. См.: Клоченко Л. Н., Пылов К. И. Основы страхового права : учеб. пособие. Ярославль, 2002. С. 43.

7. См.: Шиминова М. Я. Интерес как необходимая предпосылка и конститутивный элемент договора страхования // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева / сост. и науч. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова, А. И. Муранов, Е. В. Вершинина. М. : Статут, 2013. С. 145.

8. См.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. Т. 2. С. 847.

9. См.: Кузнецова Л. В. Страховой интерес // Закон. 2008. № 5. С. 22.
10. См.: Дедиков С. Функциональная теория страхового интереса // эж-Юрист. 2010. № 10. С. 13.
11. См.: Гуров А. В. Вопросы применения правовой категории «страховой интерес» в период конца XVIII — начала XX века // История гос-ва и права. 2008. № 1.
12. См.: Тузова Р. Р. Чем отличается страховой интерес от страхового риска // ВВАС РФ. 2001. № 1.
13. См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
14. См.: РГ. 1993. 12 янв.
15. См.: Граве К. А., Лунц Л. А. Страхование. М., 1960. С. 38.
16. См.: Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 240–241.
17. См.: Михайлов С. В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Гос-во и право. 1999. № 7. С. 14.
18. См.: Дедов Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М., 2002. С. 18.
19. См.: Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 26.
20. Курбатов А. Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2001. С. 53.
21. См.: Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 5.
22. См.: Лавриненко В. Н. Проблема социальных интересов в ленинизме. М., 1978. С. 39, 188.
23. См.: Страховое право России : учеб. пособие. М. : Норма, 2009. С. 136.
24. См.: Кузнецова Л. В. Указ. соч.
25. См.: ВВАС РФ. 2004. № 1.

347.6

К. Н. Сапрыкин
K. N. Saprykin

Основания представительства прав и интересов ребенка по семейному законодательству Российской Федерации

Basements of Representation of the Rights and Interests of the Child under the Family Legislation of Russian Federation

В статье рассматриваются основания представительства прав и интересов ребенка по семейному законодательству. Автором в качестве оснований представительства признаны жизненные обстоятельства, которые влекут и подтверждают полномочия на представительство прав и интересов ребенка: рождение ребенка, родство, усыновление, опека (попечительство) и др. Объем представительства различается в зависимости от его оснований. Дано определение понятия «основания представительства».

In the article studies basements of representation of the rights and interests of the child under the family legislation. Author accepted life circumstances which lead and confirm authorities to representation of the rights and interests of the child as the basements of representation: child's birth, kinship, adoption, guardianship (trusteeship), etc. Range of representation varies depending on its basements. Definition of "basements of representation" is given.

Основания представительства; законные представители; ребенок; права и интересы ребенка

Basements of representation; legal representatives; child; rights and interests of the child

В ст. 2 Конституции [1] провозглашено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Отношения, участником которых является ребенок, в Российской Федерации подлежат особой защите, специальному правовому регулированию. Полномочия по осуществлению и защите прав и интересов ребенка семейным законодательством РФ предоставлены различным лицам, органам и организациям. По этой причине важно определить основания, по которым конкретные лица могут представлять права и интересы ребенка.

Представительство прав и интересов ребенка по семейному законодательству включает в себя законное представительство с особым субъектом — ребенком, который является обязательным участником данных отношений. Как справедливо отметил Ю. Ф. Беспалов, «в семейно-правовом представительстве законный представитель, реализуя права ребенка, совершает действия фактического и юридического характера. Часть из них сводится к воспитанию ребенка, его содержанию. Здесь представительство выступает как средство реализации всего комплекса прав ребенка, оно касается не только отношений ребенка с третьими лицами и сделок, что характерно для гражданско-правового представительства (ст. 182 ГК РФ), но и выходит за рамки совершения сделок; оно может состоять в реализации любого права ребенка, в том числе неразрывно связанного с его личностью (например, право на алименты, право на воспитание: гл. 11, 12 СК РФ,

© Сапрыкин К. Н., 2015
© Saprykin K. N., 2015

гл. 2 раздела II Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, гл. 8 КоБС РСФСР)» [2].

В научной литературе отмечается, что «обязательное (законное) представительство возникает при появлении какого-то юридического факта как бы автоматически, в силу указания закона» [3]. Однако среди ученых нет единого мнения относительно того, что является основанием законного представительства.

А. М. Баранов полагает, что «особым видом законного представительства… является семейное представительство, которое включает в себя: 1) представительство родителями детей, в основе которого лежит кровное родство; 2) представительство усыновителями усыновленных детей, в основе которого лежит судебный акт о передаче ребенка на усыновление; 3) представительство опекунами и попечителями подопечных, в основе которого лежит решение органов опеки и попечительства (в том числе патронатные воспитатели); 4) представительство приемными родителями приемных детей, в основе которого лежат решение органов опеки и попечительства и договор о передаче ребенка в приемную семью» [4].

Схожей позиции придерживается Н. Т. Челидзе, указывая, что «к основаниям возникновения законного представительства следует отнести иные, прямо предусмотренные законом юридические факты, помимо какого-либо специального соглашения представителя с представляемым: административные акты, действия в чужом интересе без поручения, факт наличия родственных связей, решение органов опеки и попечительства о назначении опекуна, назначение лица на должность» [5].

Иного подхода придерживается Е. В. Салогубова, которая основаниями законного представительства называет: «1) факт происхождения детей от соответствующих родителей, удостоверенный в установленном законом порядке (гл. 10 СК РФ); 2) факт усыновления детей (гл. 19 СК РФ); 3) административный акт о назначении опеки или попечительства (гл. 20 СК РФ)» [6].

Г. Осокина относит к основаниям законного представительства также постановление нотариуса или должностного лица соответствующего органа исполнительной власти о назначении лица для охраны и управления наследственным имуществом, договор о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью, а основанием возникновения отношений законного представительства в отношении усыновленных (удочеренных) детей считает вступившее в законную силу решение суда об установлении усыновления (удочерения) [7].

Ю. Ф. Беспалов отмечает, что законное представительство, предусмотренное семейным законодательством, «возникает на основании закона, административного или судебного акта, а также договора о передаче ребенка в приемную семью» [8].

Обратимся к нормам семейного законодательства, устанавливающим основания, по которым лицо считается законным представителем, а соответственно, уполномочено представлять права и интересы ребенка.

Одними из основных законных представителей ребенка являются его родители. Они осуществляют свои права в тех случаях, когда ребенок не наделен дееспособностью, необходимой для самостоятельного осуществления и защиты своих прав. В соответствии со ст. 47 СК [9] права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке. В Определении Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1008-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ледневой Анны Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» [10] разъяснено, что «таким порядком, согласно Федеральному закону от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния", является государственная регистрация рождения (глава II), в результате чего происхождение ребенка становится юридическим фактом и порождает правовые последствия; на основании регистрации выдается свидетельство о рождении ребенка (статья 23), которое является доказательством происхождения ребенка от указанных в нем родителей (родителя)». Следовательно, основанием для представительства родителями прав и интересов ребенка является происхождение ребенка от соответствующих лиц, которые удостоверяются административным или судебным актом (решением суда об установлении отцовства, регистрацией акта о рождении).

При наступлении определенных обстоятельств в виде лишения родительских прав, смерти родителей и т. п. ребенок остается без попечения родителей. В этом случае органы опеки и попечительства обязаны избрать в отношении ребенка одну из форм устройства: усыновление, опека (попечительство), приемная семья, патронатная семья, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Права и обязанности усыновителя и усыновленного ребенка (ст. 137 СК) возникают на основании и со дня вступления в законную силу решения суда об установлении усыновления ребенка (п. 3 ст. 125 СК). С. П. Гришаев справедливо отметил, что «усыновление относится к числу особых юридических фактов (актов гражданского

состояния), которые подлежат специальной регистрации в актовых книгах органов загса» [11]. Представляется, что основанием законного представительства усыновителей является решение суда об усыновлении, так как именно оно служит основанием возникновения отношений усыновления.

Если ребенок не усыновлен, то над ним могут быть установлены опека или попечительство. При этом устройство ребенка под опеку или попечительство может быть осуществлено в нескольких формах. Так, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 14 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [12] (далее — Закон об опеке и попечительстве) установление опеки или попечительства допускается по договору об осуществлении опеки или попечительства (в том числе по договору о приемной семье либо в случаях, предусмотренных законами субъектов РФ, по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании)). Опека или попечительство по договору об осуществлении опеки или попечительства устанавливаются на основании акта органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя, исполняющих свои обязанности возмездно.

Согласно ч. 6 ст. 11 Закона об опеке и попечительстве основанием возникновения отношений между опекуном или попечителем и подопечным является акт органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя.

Еще одной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является помещение их под надзор в специализированные организации.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 155.2 СК детям, помещенным под надзор в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, а также защите их прав и законных интересов возлагается на эти организации.

Следовательно, основанием законного представительства указанных организаций является передача им детей на попечение на основании административного акта.

В ряде случаев полномочия по защите прав и интересов ребенка возлагаются на орган опеки и попечительства. Так, в соответствии с Законом об опеке и попечительстве в случае, если лицу, нуждающемуся в установлении над ним опеки или попечительства, не назначен опекун или попечитель в течение месяца, исполнение обязанностей опекуна или попечителя временно возлагается на орган опеки и попечительства по месту выявления лица, нуждающегося в установлении над ним опеки или попечительства (ч. 3 ст. 11); к полномочиям органов опеки и попечительства относится представление законных интересов несовершеннолетних граждан и недееспособных граждан, находящихся под опекой или попечительством, в отношениях с любыми лицами (в том числе в судах), если действия опекунов или попечителей по представлению законных интересов подопечных противоречат законодательству РФ и (или) законодательству субъектов РФ или интересам подопечных либо если опекуны или попечители не осуществляют защиту законных интересов подопечных (ч. 8 ст. 8). Думается, что основанием представления прав и интересов ребенка органами опеки и попечительства является прямое указание на это в законе, т. е. предписание закона.

Однако органы опеки и попечительства участвуют в осуществлении прав и интересов ребенка не только как представители, но и как органы государственной власти. Например, к их полномочиям относятся: выявление и учет граждан, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства; обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности, а также о признании подопечного дееспособным, если отпали основания, в силу которых гражданин был признан недееспособным или был ограничен в дееспособности; установление опеки или попечительства; осуществление надзора за деятельностью опекунов и попечителей, деятельностью организаций, в которые помещены недееспособные или не полностью дееспособные граждане; освобождение и отстранение в соответствии с Законом об опеке и попечительстве опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей; выдача в соответствии с Законом об опеке и попечительстве разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных; заключение договоров доверительного управления имуществом подопечных в соответствии со ст. 38 ГК [13]; выдача разрешения на раздельное проживание попечителей и их несовершеннолетних подопечных в соответствии со ст. 36 ГК и иные (ст. 8 Закона об опеке и попечительстве).

Основаниями законного представительства по семейному законодательству следует считать те жизненные обстоятельства, которые влекут и подтверждают наличие полномочий на представительство. Ими могут быть решение суда, административный акт, договор, предписание закона и др.

Необходимо также учитывать, что семейное законодательство в ряде случаев наделяет

полномочиями по представлению прав и интересов детей иные органы, организации, не являющиеся законными представителями.

Например, должностные лица организаций (дошкольных образовательных организаций, общеобразовательных организаций, медицинских и других организаций) и иные граждане, располагающие сведениями о детях, указанных в п. 1 ст. 121 СК (в случаях смерти родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей недееспособными, болезни родителей, длительного отсутствия родителей, уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе при отказе родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, или аналогичных организаций, при создании действиями или бездействием родителей условий, представляющих угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующих их нормальному воспитанию и развитию, а также в других случаях отсутствия родительского попечения), обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения детей (п. 1 ст. 122 СК).

Согласно п. 3 ст. 56 СК должностные лица организаций и иные граждане, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. Такое право возникает в силу закона и (или) случая.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что основания представительства прав и интересов ребенка могут быть предусмотрены законом, договором, решением суда, административным актом, а также базироваться на случае, требованиях морали.

В целях совершенствования механизма осуществления, охраны и защиты прав и интересов ребенка необходимо в СК и Законе об опеке и попечительстве предусмотреть перечень оснований представительства, объем полномочий представителей, их ответственность.

---

1. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Беспалов Ю. Ф. Осуществление семейных прав через представителя // Нотариус. 2005. № 3. С. 45.

3. Гонгало Б. М., Демкина А. В., Кириллова М. Я. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность : постатейный комментарий к главам 9–12 / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2013. С. 202.

4. Баранов А. М. Законное представительство: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2008. № 1. С. 4.

5. Челидзе Н. Т. Основания возникновения, изменения и прекращения правоотношения представительства // Юрист. 2011. № 1. С. 38.

6. Аргунов В. В., Борисова Е. А., Бочарова Н. С. и др. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 403.

7. См.: Осокина Г. Понятие, виды и основания законного представительства // Рос. юстиция. 1998. № 1. С. 43–44.

8. Беспалов Ю. Ф. Указ. соч. С. 44.

9. См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

10. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

341.6

О. В. Сушкова
O. V. Sushkova

Влияние решений Европейского суда по правам человека на развитие сферы интеллектуальной собственности в Российской Федерации

The Influence of the Decisions of the European Court of Human Rights on the Development of Intellectual Property in the Russian Federation

Настоящая статья рассматривает влияние решений ЕСПЧ как органа Совета Европы на формирование и влияние эффективной системы исключительных прав в Российской Федерации. Вступившие в силу с 1 октября 2014 г. изменения должны стать регулятором уменьшения обращений авторов и правообладателей в ЕСПЧ. В работе приводится пример из правоприменительной практики (дело против Молдавии), показывающий роль Суда в формировании механизма реализации прав автора и прав человека.

This article examines the impact of decisions of the European court of human rights, a body of the Council of Europe, on the formation and impact of an effective system of exclusive rights in the Russian Federation. Enacted changes from October 01, 2014 should be a regulator to reduce roundtrips authors and right holders to the European court of human rights. The paper contains an example of law enforcement practice (the case against Moldova) showing the role of the Court in the formation of the mechanism of realization of the rights of the author and human rights.

Право интеллектуальной собственности; авторское право; Европейский суд по правам человека; Гражданский кодекс

Intellectual property law; copyright law; the European court of human rights; the Civil code of the Russian Federation

Со времен действия римского права и до настоящего момента права человека были и остаются наивысшей ценностью и их нарушение влечет за собой негативные последствия для тех лиц, которые впоследствии признаются судебными или иными органами нарушителями таких прав. В связи с этим объективной необходимостью становятся действия по защите прав человека. Одним из таких механизмов стала Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [1] (далее — Конвенция).

Однако необходимо указать, что права человека и его свободы не могут осуществляться хаотично. Их реализация возможна только при строгом соответствии той или иной классификации, основа которой предполагает деление прав человека, например, на политические, гражданские, естественные и т. д. Заметим, такое деление связано с историческим и мировым развитием цивилизации.

В российской и зарубежной доктринах существуют различные концепции прав человека: социалистическая, теологическая, естественно-правовая, позитивистская и универсальная концепции межгосударственного сотрудничества в области прав человека. Для целей настоящей статьи мы остановимся только на трех последних из перечисленных.

Все эти теории стали основой для принятия в различных государствах международных

© Сушкова О. В., 2015
© Sushkova O. V., 2015

документов, положения которых были направлены на защиту прав человека от неправомерных посягательств в различных сферах его жизнедеятельности. Например, одним из таких документов можно назвать принятую во Франции в 1789 г. Декларацию прав человека и гражданина, содержание которой отразило гуманистические идеи эпохи Просвещения — свободу, равенство, народный суверенитет, авторитет закона, права человека. В преамбуле Декларации отмечается, что представители французского народа считают «единственными причинами народных бедствий и развращенности правительств незнание, забвение или презрение прав человека».

Таким образом, необходимо говорить о тех фактах, что, во-первых, в рамках деятельности различных международных организаций, таких как ООН, Совет Европы, разработаны и совершенствуются международные стандарты по защите прав человека; во-вторых, в каждом государстве на основе вышеуказанных стандартов общего применения, а также с учетом отраслевых стандартов и национального многообразия складывается собственная система прав и свобод человека, которая в ряде случаев имеет отличительные характеристики даже в сравнении с теми странами, которые находятся с этим государством в одной правовой семье.

Все это указывает на необходимость проведения непосредственного анализа названной выше Конвенции с учетом реализации прав и свобод человека в правоприменительной практике.

Конвенция неоднократно дополнялась протоколами. В частности, при изучении ст. 1 Протокола № 1, которая связана с реализацией права собственности, необходимо указать, что этот термин толкуется достаточно широко. Безусловно, правы авторы работы «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Статья 1 Протокола № 1» [2], рассматривающие право собственности не только с позиции движимого и недвижимого имущества, но и материальных и нематериальных ценностей, таких как акции, патенты, экономические интересы, связанные с ведением бизнеса и ряд других.

При этом надо заметить, что в вышеприведенной работе дается достаточно подробный анализ реализации Конвенции, а именно тех норм, которые непосредственно урегулировали компетенцию ЕСПЧ как органа Совета Европы с точки зрения положений прецедентного права. В то же время в странах, которые относятся к романо-германской правовой семье (Россия, Беларусь, Германия и др.), где основным источником права является нормативный правовой акт, тем не менее в правоприменительной деятельности используется судебная практика с одним исключением — не в качестве прецедента, а с оговоркой на единообразие применения норм материального или процессуального права.

Именно такие трактовка и применение ЕСПЧ Конвенции дают нам возможность провести правовой анализ как положений самой Конвенции, так и решений Суда и их распространение на развитие сферы интеллектуальной собственности.

Как справедливо указано А. М. Эрделевским [3], положения ст. 46 Конвенции толкуются с учетом Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 19 января 2000 г. № R (2000) 2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека» [4]; основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции.

Действительно, ст. 41 Конвенции устанавливает, что, «если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд в случае необходимости присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне». Иными словами, присуждение ЕСПЧ справедливой компенсации за страдания зависит как от того, допускает ли право государства-нарушителя возможность полного устранения последствий нарушения, так и от того, сочтет ли ЕСПЧ такую компенсацию необходимой. Кроме того, допускается возмещение морального ущерба в связи с установленным Судом нарушением положений Конвенции.

Все это указывает на то, что национальным судам необходимо учитывать основания присужденной лицу справедливой компенсации во исполнение ст. 41 Конвенции. Если же ЕСПЧ не считает, что компенсация морального вреда в рассматриваемом случае является необходимой, то при пересмотре дела в национальном суде последний может отказать заявителю в возмещении морального вреда.

Интересным с точки зрения нарушения норм об авторском праве является решение ЕСПЧ по жалобе № 19247/03 «Балан против Молдовы» от 29 января 2008 г. [5]. Заявителем в 1985 г. была опубликована фотография «Замок Сороки» в альбоме «Политическая Молдавия». В результате такой публикации автор получил гонорар. Через 11 лет Правительство Молдавии приняло решение использовать фон, который заявитель ранее

опубликовал, для размещения его на удостоверении личности граждан Молдавии. Разрешения у автора на использование его фотографического произведения в общественных целях никто не спрашивал. В 1998 г. автор предложил МВД Молдавии выдать ему компенсацию за нарушение его авторских прав с последующим заключением договора на использование фотографии. Однако просьба заявителя не была удовлетворена. После этого автор обратился в судебные органы для разрешения сложившейся ситуации. В ходе рассмотрения дела Кишиневский областной суд частично удовлетворил требования заявителя и постановил выплатить ему компенсацию в размере 4 050 молдавских лев (эквивалентно 5 468 долл. США). Также решение суда обязывало МВД Молдавии опубликовать извинения. В то же время суд отказал заявителю в требовании заключения договора на использование фотографии с МВД Молдавии. Автор, не согласившись с той частью решения, в которой его требования не были удовлетворены, обратился в вышестоящий судебный орган. Апелляционная инстанция не согласилась с решением областного суда Кишинева и вовсе отказала заявителю, отменив ранее принятое решение. Верховный суд Молдавии, наоборот, согласился с решением суда Кишинева и отменил судебный акт апелляционной инстанции, однако выразил свое согласие с судом первой инстанции только в части выплаты компенсации автору и отказал в требовании о публикации извинений МВД Молдавии. Одновременно Верховный суд Молдавии обязывал судебные органы пересмотреть свои позиции в отношении отказа в заключении договора МВД Молдавии с автором.

Министерство внутренних дел Молдавии приняло достаточно ожидаемое решение в отношении судебных споров с автором: они перестали использовать фотографию в качестве фона на удостоверениях личности граждан с 1 мая 2000 г. К указанной дате было уже отпечатано и выдано более 260 тыс. таких документов. Однако автор обратился уже в суд с другим требованием, а именно: он просил суд взыскать 10 % от суммы, уплаченной владельцами удостоверений личности (общая сумма составляла 2 403 137 молдавских левов), а также компенсацию за нарушение его личных неимущественных прав. Основанием для подачи данного иска стало обстоятельство длительного рассмотрения спора в судебных органах. 6 ноября 2001 г. областной суд Кишинева присудил заявителю 180 тыс. молдавских левов в качестве компенсации материально ущерба и 3,6 тыс. молдавских левов в качестве компенсации морального вреда, вновь отказывая в требовании об обязании заключить с МВД Молдавии договор об использовании фотографии.

Апелляционная инстанция 26 марта 2002 г. отменила решение областного суда, ссылаясь на тот факт, что в предыдущем периоде авторство фотографии было установлено и решением от 24 марта 1999 г. заявителю присудили компенсацию. Кроме того, автору не запрещалось использовать фотографию в будущем. Также автор не просил ограничить или запретить выпуск удостоверений личности. В связи с тем что с 2000 г. МВД Молдавии прекратило производить выпуск удостоверений личности с фоном фотографии, сделанной автором, суд апелляционной инстанции не усматривал каких-либо нарушений авторских и смежных прав заявителя. Верховный суд Молдавии согласился с позицией апелляционной инстанции и отказал заявителю в удовлетворении заявления. Однако Верховный суд Молдавии сделал существенную оговорку, что фотография действительно является объектом авторского права, но удостоверение личности нельзя отнести к объектам интеллектуальной собственности, поскольку это официальный документ гражданина.

Европейский суд по правам человека при исследовании всех обстоятельств дела не согласился с выводами Верховного суда Молдавии и указал, что применение судебным органом ст. 4 Закона Молдавии «Об авторском праве и смежных правах» (1994 г.) не может являться допустимым. Данная норма прямо различает права автора в отношении произведений, созданных им, и имуществом, в котором такой объект находит свое воплощение. Другими словами, довод Верховного суда Молдавии о том, что удостоверение личности не относится к объектам авторского права, не имеет правового значения, в связи с чем ЕСПЧ встал на позицию заявителя и частично удовлетворил его требования.

Данное решение показывает, что объект авторского права признается «имуществом» по смыслу ст. 1 Протокола № 1, однако дальнейшее воплощение такого объекта в предметах объективной формы имеет другую правовую характеристику.

Сейчас в России происходит масштабная реформа гражданского законодательства, которая коснулась норм о защите прав на результаты интеллектуальной деятельности. Так, с 1 октября 2014 г. в ст. 1227 ГК [6] подтверждается особый статус интеллектуальных прав как самостоятельной категории гражданских прав. В частности, закрепляется положение о том, что интеллектуальные права самостоятельны не только по

отношению к праву собственности, но и к иным вещным правам. Кроме того, указанная статья дополнена общим положением о том, что к интеллектуальным правам не применяются положения о праве собственности и других вещных правах, если иное не установлено правилами разд. VII ГК.

Таким образом, решения ЕСПЧ, принятые в отношении нарушений в области защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности (как положения по нарушению права собственности) и выражения свободы слова, для формирования современного гражданского законодательства РФ имеют первостепенное значение.

Изменения, вступившие в силу с 1 октября 2014 г., должны стать тем необходимым регулятором правоотношений в области права интеллектуальной собственности, который повысит эффективность применения норм части четвертой ГК и снизит число обращений авторов и правообладателей в ЕСПЧ.

---

1. См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

2. См.: Карсс-Фриск М., Жеребцов А. Н., Меркулов В. В., Эртель А. Г. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Статья 1 Протокола № 1 / пер. с англ. В. А. Власихиной. М. : Рос. акад. правосудия, 2002. С. 5.

3. См.: Эрделевский А. М. Конвенция о защите прав человека в судебной практике. Подготовлено для справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2013.

4. См.: Журнал рос. права. 2000. № 9. С. 61–64.

5. См.: Case of Balan v. Moldova // HUDOC: European Court of Human Rights : сайт. URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/fra/pages/search.aspx?i=001-84720#{"itemid":["001-84720"]} (дата обращения: 16.02.2015).

6. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

347.4

С. Ю. Чашкова
S. Yu. Chashkova

Основные подходы к правовой природе дистрибьюторских соглашений, выработанные теорией и судебной практикой

Basic Approaches to the Legal Nature of Distribution Agreements Worked Out by the Theory and Judicial Practice

В статье исследуются сложившиеся в правоприменительной практике и в теории позиции к правовой природе дистрибьюторских соглашений, объединенные для удобства в два основных подхода. Обращается внимание на недостатки каждого из подходов с точки зрения защиты прав и интересов сторон дистрибьюторского соглашения, а также приводятся доводы о необходимости его специально-правовой регламентации.

The paper examines the existing law enforcement practice and theoretical approach to the legal nature of the distribution agreements separating them into two basic directions of analysis. The paper draws attention to the shortcomings of each approach in terms of protecting the rights and interests of the distribution agreement parties, and argues the need for its special legal regulation.

Дистрибьюторское соглашение; правовая квалификация; смешанный договор; непоименованный договор

Distribution agreement; legal qualification; mixed agreement; unnamed agreement

Процесс движения товара от производителя к конечному потребителю состоит из определенных функциональных звеньев, которые в условиях глобализации распределяются между различными участниками, специализирующимися на отдельных из них. Все чаще для продвижения и организации сбыта своих товаров на конкретной территории производители используют дистрибьюторскую модель построения сбыта.

Функция дистрибьютора заключается в выводе продукции поставщика на новый рынок и организации стабильно развивающегося сбыта посредством имеющихся у него в распоряжении инструментов развития продаж. В отличие от других договорных конструкций дистрибьюторское соглашение наделяет дистрибьютора большей коммерческой независимостью и самостоятельностью.

Согласно одному из наиболее распространенных в научной литературе определений дистрибьюторский договор «представляет собой договор, по которому одна сторона (дистрибьютор) в рамках ведения предпринимательской деятельности обязуется в течение определенного договором времени осуществлять и организовывать продвижение и распространение товара на определенной территории, для чего, в частности, будет приобретать этот товар у другой стороны (поставщика), а поставщик обязуется поставлять товар дистрибьютору и обеспечивать ему привилегированное положение на данной территории» [1].

Практически аналогичным образом он определяется и в судебной практике: «Дистрибьюторский договор представляет из себя договор, по которому одна сторона (дистрибьютор) в рамках

© Чашкова С. Ю., 2015
© Chashkova S. Yu., 2015

ведения предпринимательской деятельности обязуется приобретать товар у другой стороны (поставщика) и осуществлять его продвижение или реализацию на строго определенной договором территории, а поставщик обязуется не поставлять товар для реализации на этой территории самостоятельно или при участии третьих лиц, в том числе не продавать товар третьим лицам для распространения на этой территории» (см. постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 30.08.2010 по делу № А55-26891/2009).

Для дистрибьюторских соглашений характерными являются следующие черты:

1) товары, поставляемые в рамках дистрибьюторских соглашений, переходят в собственность дистрибьютора;

2) дистрибьютор действует от своего имени и за свой счет;

3) предметом дистрибьюторского соглашения являются товары, маркированные определенным товарным знаком;

4) на дистрибьютора возлагаются обязательства по осуществлению действий по продвижению продукции на определенной территории;

5) поставщик сохраняет контроль за дальнейшей реализацией товаров (устанавливаются цены перепродажи, способы продвижения и пр.).

Отсутствие в российском законодательстве определения дистрибьюторского договора обусловливает существующую как в науке гражданского права, так и в правоприменительной практике неопределенность относительно его правовой природы. Данное обстоятельство делает затруднительным для сторон дистрибьюторского правоотношения конструирование условий их взаимодействия и их фиксацию в договоре, поскольку неясным является вопрос применимых к данным правоотношениям правовых норм.

В научной литературе и в правоприменительной практике российских судов сложилось несколько позиций к квалификации дистрибьюторских соглашений, которые могут быть обьединены в два основных подхода.

В рамках первого подхода дистрибьюторские соглашения квалифицируются либо в качестве одного из видов договорных конструкций, урегулированных в ГК [2]: поставки (см. постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 01.04.2011 по делу № А09-4046/2010); купли-продажи (см. постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 05.12.2011 по делу № Ф09-7787/11); агентского (см. постановления федеральных арбитражных судов Западно-Сибирского округа от 09.03.2010 по делу № А45-7657/2008, Северо-Кавказского округа от 19.04.2005 № Ф08-1395/2005); коммерческой концессии (см. постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 04.11.1999 № КГ-А40/3549-99) и т. п., либо в качестве смешанного договора, состоящего из двух и более закрепленных в ГК договорных конструкций: смешанные договоры с элементами агентирования, поставки, коммерческой концессии и других договоров (см. определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.03.2014 № ВАС-3142/14 по делу № А45-30039/2012, от 30.11.2011 № ВАС-15001/11 по делу № А55-26891/2009; постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2010 № 07АП-10750/09 по делу № А45-19054/2009, федеральных арбитражных судов Западно-Сибирского округа от 17.12.2013 по делу № А45-30039/2012, Поволжского округа от 03.08.2011 по делу № А55-26891/2009) [3].

А. Г. Карапетов и А. И. Савельев считают, что «дистрибьюторский договор носит вполне отчетливый смешанный характер», поскольку «включает в себя обязательства, которые могут быть соотнесены с обязательствами, имеющими решающее значения для определенных поименованных договорных конструкций» [4].

Данный подход обусловливает необходимость применения к дистрибьюторскому соглашению норм ГК о поставке, коммерческой концессии, агентировании, оказании услуг и т. п., в том числе в соответствующих частях.

Однако в таком случае сторонам дистрибьюторского соглашения необходимо согласовать все существенные условия того вида договора, регулирование которого применяется к их правоотношениям, что вызывает определенные трудности на практике, поскольку зачастую весьма затруднительно спрогнозировать, каким образом будут квалифицированы их правоотношения судом.

Так, в случае квалификации дистрибьюторского договора в качестве договора поставки сторонам необходимо согласовать наименование (ассортимент) и количество товаров, которые дистрибьютор планирует приобрести у поставщика. Однако на практике дистрибьюторские соглашения содержат лишь рамочные условия поставки, подлежащие конкретизации в будущем, в том числе в части количества и наименования товара. Таким образом, существует риск его признания незаключенным, в результате чего поставки товаров, осуществлявшиеся во исполнение такого договора, будут квалифицированы судом в качестве разовых сделок купли-продажи, что означает, что на них не будут распространяться согласованные сторонами в дистрибьюторском соглашении условия взаимодействия. Данное обстоятельство невыгодно ни поставщику, который заинтересован в том, чтобы последующая реализация товаров

происходила под его контролем и на согласованных с ним условиях, ни дистрибьютору, который заинтересован в том, чтобы согласованная система скидок и бонусов применялась ко всем поставкам товаров, осуществляемым поставщиком в адрес дистрибьютора.

Кроме необходимости согласования существенных условий тех договоров, в качестве которых на практике суды могут квалифицировать заключенное дистрибьюторское соглашение, недостаток данного подхода заключается в том, что дистрибьюторское соглашение принципиально отличается от предусмотренных в ГК договорных конструкций. Не углубляясь в вопросы его разграничения с договорными конструкциями, в качестве которых оно обычно квалифицируется судами, остановимся на некоторых из них.

Наиболее распространенной является квалификация дистрибьюторского соглашения в качестве договора поставки или смешанного договора, содержащего предмет договора поставки и иных договорных конструкций. Однако дистрибьюторский договор имеет ряд специфичных условий, которые не свойственны договору поставки. Например, его цель — продвижение товаров, т. е. продажа товаров поставщика на согласованных в договоре условиях, тогда как в рамках договора поставки дальнейшая судьба реализуемых поставщиком товаров не является предметом интереса последнего. По договору поставки обязанность покупателя заключается в том, чтобы принять товар и уплатить за него обусловленную цену, при этом поставщик не может давать покупателю каких-либо рекомендаций по продаже товара покупателем и ограничивать его право собственности.

В дистрибьюторском соглашении определяются общие условия взаимодействия сторон, которые в части поставок товаров от поставщика к дистрибьютору конкретизируются в будущем при заключении договоров поставки товаров, которые дистрибьютор в последующем реализует конечным покупателям на согласованных в дистрибьюторском соглашении условиях.

Таким образом, реализация товара конечным покупателям на согласованных с поставщиком условиях, будь то оптовые покупатели или розничные потребители, является последней стадией в процессе исполнения дистрибьютором обязательств, принятых по дистрибьюторскому соглашению. Помимо реализации товаров конечным покупателям, дистрибьютор должен организовать продвижение товаров и систему их сбыта, складирование, а в некоторых случаях также наладить предпродажный сервис и обеспечить техническое обслуживание.

Довольно распространена позиция, в соответствии с которой дистрибьюторская деятельность является одной из форм посреднических отношений, а дистрибьютор — посредником между поставщиком и иными лицами, желающими приобрести товар, принимая на себя обязанность по дальнейшему распространению продукции своим покупателям.

Следует отметить, что в некоторых случаях стороны договора намеренно доказывают необходимость применения к их взаимоотношениям норм ГК об агентском или комиссионном договоре, что обусловлено наличием в соответствующих главах ГК положений о допустимости включения в агентский договор (договор комиссии) определенных ограничительных условий по отношению к принципалу и (или) агенту (комиссионеру) (например, обязательство агента не заключать с другими принципалами аналогичных агентских договоров, которые должны исполняться на территории, полностью или частично совпадающей с территорией, указанной в договоре (ст. 1007 ГК), или аналогичное положение, закрепленное в главе о договоре комиссии (п. 2 ст. 990 ГК)). Относительно же допустимости включения аналогичных ограничительных условий в дистрибьюторские договоры существуют споры, поскольку такие условия ограничивают право собственности дистрибьютора на приобретенные товары [5]. Однако подобные действия сторон обусловлены практическими, а не научно обоснованными соображениями и не должны приниматься во внимание при квалификации дистрибьюторского договора.

По своей экономической природе дистрибуция, безусловно, относится к посреднической деятельности, поскольку суть этих отношений заключается в том, что дистрибьютор — посредник между производителем продукции и ее конечными потребителями. Однако дистрибьютор действует в отношениях со своими покупателями от своего имени и за свой счет, что является безусловным свидетельством того, что дистрибьюторский договор не относится ни к одной из имеющихся в ГК договорных конструкций в рамках посреднической группы договоров.

Агент, за исключением случая, когда он принял на себя *del credere*, не несет никакого финансового риска за заключенные им сделки. Даже если он и продает товары от своего имени, то действует за счет принципала и экономический результат заключенных им сделок возникает для принципала, в отличие от дистрибьютора, который во всех случаях несет финансовый риск по заключенным им сделкам, что и является одной из причин выбора поставщиками дистрибьюторской модели сбыта [6].

Прибыль дистрибьютора обычно не ограничивается размерами комиссионных и складывается

из разницы между покупной и продажной ценой, что является безусловным преимуществом для самого дистрибьютора [7]. С другой стороны, дистрибьютор должен располагать свободными денежными резервами для возможности непрерывного осуществления новых закупок и обеспечения наличия необходимого количества товарных запасов на своих складах.

Имеются случаи, когда дистрибьюторский договор признавался договором коммерческой концессии, в результате суд приходил к выводу о его недействительности из-за отсутствия государственной регистрации (см. постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 04.11.1999 № КГ-А40/3549-99), в то же время существует и противоположная практика, когда суды отказывали в признании дистрибьюторского договора договором коммерческой концессии (см. постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 05.10.1999 № КГ-А40/3152-99, от 08.09.2004 № КГ-А40/7728-04).

Сходство дистрибьюторского договора с договором коммерческой концессии обусловлено тем, что в рамках отношений по передаче товаров для реализации на выделенной дистрибьютору территории поставщик обычно предоставляет дистрибьютору права на использование отдельных объектов интеллектуальной собственности, принадлежащие поставщику (чаще всего это права на использование товарных знаков, которыми маркируются товары поставщика).

Однако дистрибьютор имеет интерес в извлечении прибыли не от использования исключительных прав, а от продажи определенных товаров [8], а передача исключительных прав в рамках дистрибьюторского соглашения носит факультативный характер, поскольку обусловлена необходимостью реализации и продвижения товаров с использованием средств их индивидуализации.

В то же время преимуществом квалификации дистрибьюторского соглашения в качестве договора коммерческой концессии является то, что в настоящее время данная договорная конструкция не подпадает по ряд запретов российского антимонопольного законодательства.

В рамках другого подхода дистрибьюторские соглашения признаются непоименованными договорами, к которым применяются лишь общие нормы ГК о договорах, обязательствах и сделках (см. постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа от 17.10.2002 № Ф09-2547/02-ГК, от 15.07.2003 № Ф09-1828/03-ГК) [9]. В частности, М. Н. Илюшина считает, что дистрибьюторский договор является непоименованным договором, не имеет нормативного правового регулирования на уровне ГК как тип, вид или разновидность какого-либо договора [10].

Мы также придерживаемся позиции признания дистрибьюторского договора не поименованным в ГК типом договора и считаем, что обязательства, составляющие его предмет, в силу их специфики не могут быть соотнесены ни с одной из поименованных в ГК договорных конструкций, как и не могут быть квалифицированы в качестве предмета смешанного договора.

Тем не менее следует признать, что на практике такой подход также имеет свои недостатки. В частности, в таком случае к договору должны применяться только общие нормы ГК о договорах, обязательствах и сделках, что не всегда позволит сторонам дистрибьюторского соглашения получить эффективную судебную защиту. Именно то обстоятельство, что отношения сторон в рамках дистрибьюторского соглашения являются достаточно сложными и специфичными, затрудняет их правовую оценку, в результате чего возможны ситуации, когда сторона соглашения, чьи права нарушены, не будет иметь возможности требовать от другой стороны исполнения обязательств в полном объеме, в том числе по причине признания судами недействительными условий дистрибьюторского соглашения, которые каким-либо образом ущемляют права одной из сторон.

Как представляется, выходом из сложившейся ситуации является включение в ГК специальных норм, прямо регулирующих дистрибьюторские договоры, поскольку очевидно, что на данном этапе развития дистрибьюторской модели сбыта наметилась необходимость в специальной правовой регламентации возникающих в ее рамках правоотношений.

---

1. Борисова А. Б. Дистрибьюторский договор // Журнал рос. права. 2005. № 3. С. 64.

2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

3. См.: Варданян М. Л. Дистрибьюторский договор как форма осуществления иностранными компаниями предпринимательской деятельности на территории России // Законодательство и экономика. 2008. № 8. С. 4852; Маслова В. А. Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организации сбыта товаров : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

4. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2.
5. См.: Борисова А. Б. Указ. соч. С. 61–62.
6. См.: Шпаковский А. Н. Понятие и правовая природа соглашении о предоставлении исключительных и преимущественных прав продажи // Правовые аспекты осуществления внешнеэкономических связей : сб. науч. тр. М., 1985. С. 54.
7. См.: Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М. : Юрид. лит., 1993. С. 133.
8. См.: Руденко А. В. О дистрибьюторском договоре // Юрист. 2006. № 8. С. 3031.
9. См.: Волянская Р. В. Дистрибьюторский договор и особенности его применения в сфере оборота гражданского оружия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1. С. 4347; Илюшина М. Н. О новых договорных конструкциях в коммерческом обороте // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 3. С. 3436; Руденко А. В. Указ. соч.
10. См.: Илюшина М. Н. Указ. соч.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

343.8

С. А. Борсученко
S. A. Borsuchenko

Требования международных актов к тюремному персоналу

Requirements of International Acts Prison Staff

В статье анализируются нормы международных актов, закрепляющие основы правового статуса тюремной службы и ее сотрудников, а также фактические общественные отношения по их реализации, что актуально в связи с проблемами законодательного регулирования правового статуса персонала, учреждений и органов, исполняющих наказания, отсутствием его четкой регламентации в уголовно-исполнительном законодательстве РФ.

The article analyzes the norms of international instruments, fixing the basics of the legal status of the prison service and its employees, as well as the actual social relations on their implementation, which is important in connection with the problems of legislative regulation of the legal status of staff, agencies and bodies executing punishment, his lack of clear regulation in penal legislation of the Russian Federation.

Международные акты; тюремная система; тюремный персонал; закон; правонарушители

International instruments; the prison system; prison staff; law; offenders

Реформирование УИС РФ, ее социальная переориентация, практическая реализация международных стандартов по соблюдению прав человека во многом зависят от профессиональных и личностных качеств сотрудников. Не существует лучшей гарантии против жестокого обращения, унижающего человеческое достоинство лица, лишенного свободы, чем должным образом подготовленный сотрудник УИС. Чем выше уровень профессиональной подготовки, тем больше возможности выполнять свои обязанности без применения физической силы, специальных средств, оружия.

Проблемы законодательного регулирования правового статуса персонала, учреждений и органов, исполняющих наказания, отсутствие его четкой регламентации обусловливают необходимость изучения международных актов, которые содержат соответствующие рекомендации.

Требования к тюремному персоналу закреплены в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными Организации Объединенных Наций 1955 г. [1]; Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. [2]; Стандартных минимальных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. [3]; Резолюции Комитета Министров Совета Европы от 30 апреля 1966 г. № (66) 26 «Статус, набор и подготовка персонала тюрем» [4]; Резолюции Комитета Министров Совета Европы от 20 сентября 1968 г. № (68) 24 «Статус, отбор и подготовка руководящего персонала учреждений по

© Борсученко С. А., 2015
© Borsuchenko S. A., 2015

исполнению наказаний» [5]; Европейских тюремных правилах 2006 г. [6]; Европейских правилах в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера 2008 г. [7].

Согласно классификатору МОТ наиболее важных и нужных обществу профессий персонал пенитенциарных учреждений находится на втором месте, уступая первенство лишь профессии астронавта. Военным и полиции в этой иерархии отведены соответственно шестое и восьмое места [8].

В п. 46.3 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН подчеркивается, что с учетом задач, решаемых персоналом пенитенциарных учреждений, и роли в обеспечении общественной безопасности условия его работы признаются исключительно сложными, а труд — весьма важным и нужным.

Органы тюремного управления должны заботиться о тщательном отборе персонала всех категорий, поскольку хорошая работа тюремных учреждений зависит от добросовестности, гуманности, компетентности и личных качеств сотрудников (п. 46.1).

Тюремной администрации рекомендуется прививать своим сотрудникам (и обществу в целом) убеждение в том, что они выполняют работу большого общественного значения (п. 46.2).

Для достижения указанных целей сотрудников тюремной администрации следует назначать в качестве специализированных работников тюремного управления, пользующихся статусом государственных служащих и имеющих уверенность в сохранении должности при условии эффективности их работы и физической способности выполнять возлагаемые на них задачи. Они должны быть обеспечены достойной заработной платой, соответствующими льготами и условиями труда (п. 46.3).

Персонал должен быть достаточно образованным и развитым. Перед поступлением на работу требуется сдача экзаменов по общей и специальной подготовке. В процессе деятельности сотрудникам необходимо поддерживать и повышать свою квалификацию (п. 47.). Сотрудники тюрем также должны иметь особую физическую подготовку (п. 54.2).

Все сотрудники мест заключения должны вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для заключенных и завоевывать их уважение.

Учитывая Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские тюремные правила более подробно закрепляют требования к тюремной администрации и персоналу, которым посвящен самостоятельный раздел — ч. V.

Европейские тюремные правила рассматривают работу в тюрьме как государственную службу. Тюремная система не должна подчиняться военному ведомству или полиции (п. 71).

В настоящее время в большинстве европейских государств тюремные ведомства входят в состав министерства юстиции как достаточно самостоятельные службы или агентства. В структуре министерств созданы департаменты, ответственные за некоторые стратегические вопросы деятельности тюремной службы, в частности реализацию политики в пенитенциарной сфере.

Управление тюрьмами должно осуществляться в этических рамках, с признанием того, что к заключенным необходимо относиться гуманно и с уважением неотъемлемого достоинства человека (п. 72.1).

Персонал должен демонстрировать ясное осознание цели тюремной системы, администрация — служить примером на пути к достижению этой цели.

Обязанности персонала выходят за рамки обязанностей простых охранников и должны выполняться с учетом необходимости содействовать возвращению заключенных в общество после отбывания наказания на основе программы позитивной мотивации и помощи.

Персонал должен работать в соответствии с высокими профессиональными нормами и требованиями к личным качествам (п. 72.2).

Организация и управление пенитенциарными учреждениями должны строиться таким образом, чтобы работа с заключенными проводилась на неизменно высоком уровне, соответствующем международным и региональным документам в области прав человека, и обеспечивала надежную связь между тюрьмами и персоналом различных категорий в отдельно взятой тюрьме, а также необходимую координацию всех подразделений как в самой тюрьме, так и за ее пределами, которые предоставляют услуги заключенным, в частности в плане обеспечения их быта и социальной реабилитации (п. 83).

Таким образом, нормами международных актов определяется статус тюремного ведомства как социально ориентированной, демилитаризированной государственной службы, деятельность которой строится на принципах гуманизма и уважения прав человека.

Отдельные требования Европейские тюремные правила устанавливают при подборе тюремного персонала, а также его подготовке.

Так, например, при комплектовании штата сотрудников администрации тюрьмы рекомендуется уделять повышенное внимание необходимости

обеспечения их добросовестности, гуманности, компетентности и персональной пригодности к сложной работе, которую им предстоит выполнять (п. 77).

Заработная плата должна привлекать высококвалифицированных специалистов, отвечающих всем необходимым требованиям (п. 79.1). Льготы и условия труда должны соответствовать ответственному характеру работы в правоохранительном ведомстве (п. 79.2).

Подготовка всех сотрудников должна включать изучение международных и региональных документов и стандартов в области прав человека, особенно Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [9] и Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания 1987 г. [10], а также вопросов, связанных с применением Европейских тюремных правил (п. 81.1).

Тюремной администрации необходимо уделять первоочередное внимание соблюдению правил для персонала (п. 73).

В Пекинских правилах подчеркивается необходимость профессионализма и подготовки персонала, занимающегося делами несовершеннолетних. Так, согласно п. 22.1 для обеспечения и поддержания необходимой профессиональной компетентности всего персонала, занимающегося делами несовершеннолетних, следует использовать профессиональную подготовку, обучение в процессе работы, курсы переподготовки и другие соответствующие виды обучения.

Европейские правила в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера, содержат самостоятельный раздел, посвященный сотрудникам, исполняющим наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

В соответствии с п. 127.1 данных Правил в законодательстве, закрепляющем требования к подбору, расстановке, обучению сотрудников, а также их статус, обязанности и условия работы, должна быть сформулирована четкая политика в отношении персонала, исполняющего наказания и меры, связанные и не связанные с лишением свободы.

Эта политика должна установить этические нормы работы сотрудников с несовершеннолетними, выделив несовершеннолетних в особую категорию осужденных. Она также должна предусмотреть механизм реагирования на нарушение этических и профессиональных норм (п. 127.2).

Необходима специальная процедура подбора кадров с учетом особенностей характера и профессиональных качеств, которые требуются для работы с несовершеннолетними и их родителями.

Процедура подбора кадров должна быть четкой, понятной, справедливой и лишенной дискриминации.

При подборе кадров следует принимать во внимание важность в приеме на работу мужчин и женщин, обладающих качествами, необходимыми для работы с несовершеннолетними, имеющими различия в языке и культуре.

Сотрудники, исполняющие наказания и иные меры в отношении несовершеннолетних, должны иметь соответствующую первоначальную подготовку, включающую теоретические и практические аспекты работы, а также понимание ее особенностей, своих обязанностей и этических норм поведения.

Профессиональный уровень сотрудников должен постоянно повышаться и развиваться посредством обучения без отрыва от выполнения своих обязанностей, в ходе контроля за их деятельностью и с помощью поощрений.

Согласно п. 129.3 в организации обучения следует прежде всего уделять внимание:

- этическим и базовым ценностям профессии;
- национальному законодательству и международно-правовым документам по правам ребенка и защите несовершеннолетних от жестокого обращения;
- ювенальному и семейному праву, психологии, социальной и воспитательной работе с несовершеннолетними;
- обучению персонала тому, как руководить несовершеннолетними и создавать у них мотивацию, как завоевать их уважение, подавать им положительный пример поведения и указывать перспективы;
- установлению и поддержанию профессиональных взаимоотношений с несовершеннолетними и их семьями;
- проверенным методам воспитательной работы и передовому опыту работы;
- методам обращения с различными категориями несовершеннолетних;
- методам взаимодействия в группе специалистов в различных областях, а также с представителями других организаций в процессе обращения с каждым несовершеннолетним.

Персонал, исполняющий наказания и иные меры в отношении несовершеннолетних, должен быть достаточен по количеству для эффективного выполнения многочисленных функций и включать большой круг специалистов в различных областях для решения проблем несовершеннолетних (п. 130).

Сотрудники, работающие с несовершеннолетними, должны иметь нормальные условия для

работы и заработную плату, которые бы соответствовали характеру их работы и были сравнимы с условиями работы сотрудников сходных профессий.

Для того чтобы повысить эффективность взаимодействия между сотрудниками, работающими с несовершеннолетними в обществе, и теми, кто работает в исправительных учреждениях, следует поощрять совместную работу обеих категорий или проводить их обучение с тем, чтобы они могли работать и в тех и в других условиях (п. 134.1).

Анализ изложенного материала свидетельствует о том, что международные акты предъявляют высокие требования к сотрудникам учреждений и органов, исполняющих наказания. Чтобы персонал соответствовал этим стандартам, государство должно повышать престиж службы, проводить такую кадровую политику, которая обеспечивала бы качественный отбор, подготовку и переподготовку сотрудников. Необходимо создать достойные условия труда и предусмотреть дополнительные социальные гарантии.

---

1. См.: ГАРАНТ : информационно-правовой портал. URL: http://base.garant.ru/1305346/ (дата обращения: 09.02.2015).

2. См.: Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М. : Юрид. лит., 1990. С. 319–325.

3. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

4. См.: Совет Европы и Россия : сб. док. М. : Юрид. лит., 2004. С. 521–529.

5. См.: Там же. С. 530–531.

6. См.: Сборник документов Совета Европы / сост. и пер. В. Б. Первозванский, Н. Б. Хуторская. М. : PRI, 2011. С. 141.

7. См.: Там же.

8. См.: Хуторская Н. Б. Справка о функционировании пенитенциарных учреждений и условиях труда их персонала за рубежом. М. : НИИ ФСИН России, 2003. С. 6.

9. См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

10. См.: Там же. 1998. № 36. Ст. 4465.

343.2

И. И. Брыка
I. I. Bryka

Принцип социальной справедливости в уголовно-правовой политике Российской Федерации

The Principle of Social Justice in the Criminal Policy of the Russian Federation

В статье анализируется ряд вопросов, возникающих при применении отдельных норм права, содержащихся в Общей части УК, дается их оценка. Внесены предложения по изменению и дополнению содержания юридических терминов в некоторых нормах Общей части УК, а также рассмотрена ныне действующая уголовно-правовая политика государства. Предложения, содержащиеся в статье, способствуют, по мнению автора, более эффективной деятельности правосоздающих и правоприменяющих органов по выработке и применению норм уголовного права на всех этапах осуществления уголовной ответственности.

This article analyzes and assesses number of questions that arise when applying certain rules of Common part of the Criminal Code. Author offers number of proposals and changes to the meaning of legal terms in certain legal norms of Common part of the Criminal Code. In addition, this article covers currently acting criminal policy of the State. Author believes that these proposals would make activity of law-making and law-applying organizations more efficient during developing and applying criminal law on all the stages of proceeding the criminal responsibility.

Уголовный кодекс; принцип справедливости; категория преступлений; правовые последствия; уголовно-правовая политика; равенство граждан; конституция; штраф; принудительные меры медицинского характера; невменяемый; противоречия; несоответствия; криминализация; декриминализация; правовая культура; методы; цели; профилактика; суд; прокуратура; юстиция; эффективность мер

Criminal code; the principle of justice; category of crimes; legal consequences; criminal policy; equality of citizens; constitution; fine; compulsory medical measures; insane; contradictions; inconsistencies; criminalization; decriminalization; legal culture; methods; goals; preventive maintenance; the court; prosecutors; justice; efficiency measures

Если рассмотреть принцип справедливости, содержащийся в ст. 6 УК [1], то, с одной стороны, он довольно точно указывает на необходимость выделения факторов, характеризующих само преступление, обязывая при этом учитывать обстоятельства и причины его совершения, личность виновного, а с другой стороны, требует, тщательно взвесив совокупность таких факторов, применить справедливые меры наказания к виновному.

Естественно, прежде всего необходимо уделить внимание требованию об установлении правильной категории преступлений. Разделение преступлений на категории в конечном итоге выражается в назначении наказания конкретному лицу, т. е. в установлении для каждой категории преступлений строго ограниченных карательных рамок применения наказания к правонарушителю, или возможности в отдельных случаях такому лицу избежать применения наказания

© Брыка И. И., 2015
© Bryka I. I., 2015

в соответствии с определенными требованиями. Роль принципа справедливости в данном случае очень велика, так как отнесение совершенного преступления к какой-либо категории, причины и условия, способствующие его совершению, сама личность виновного влекут положительные или отрицательные правовые последствия, непосредственно связанные с самим наказанием, а также применением к виновному институтов отсрочки, условного осуждения, освобождения от наказания и ряда других.

В последние годы УК довольно интенсивно подвергается различным изменениям, т. е. законодательная власть весьма активно осуществляет уголовно-правовую политику, которая всегда предполагает использование целого комплекса методов правового регулирования, включающего в себя планирование законодательной деятельности, определение задач, методов, установление основных направлений правового воспитания населения, введение новых или исключение уже содержащихся в действующем УК норм и ряд других.

К сожалению, при таких изменениях не всегда соблюдаются требования, содержащиеся в ст. 6 УК, и в отдельных случаях они являются несправедливыми, спорными или противоречивыми, так как некоторые нормы, содержащиеся в УК, в том числе и введенные в него после принятия самого УК, сами, в свою очередь, вызывают споры, сомнения и противоречия.

Так, например, ст. 4 УК, предусматривающая принцип равенства граждан перед законом и находящаяся в прямой связи со ст. 6 УК, разъясняет, что любое лицо, совершившее преступление, равно перед законом и подлежит уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным обьединениям, а также других обстоятельств. Вроде сам принцип изложен довольно понятно и четко, однако нередко на лекциях или семинарах студенты задают вопрос о неприкосновенности отдельных категорий лиц, должностные полномочия которых содержатся в ст. 91, 98 и 122 Конституции [2], при этом они ссылаются непосредственно на ст. 4 и 6 УК, заявляя об их прямом нарушении. Приходится объяснять, что Конституция является основным законом страны и обладает правом верховенства, а ведь было бы достаточно дополнить ст. 4 УК уточнением примерно такого содержания: «за исключением отдельных случаев, предусмотренных Конституцией Российской Федерации», — и вопрос о нарушении или противоречии этих норм сразу же отпал бы.

Рассмотрим ч. 2 ст. 88 УК, согласно которой штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному по решению суда, может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Но уголовное право такую ответственность не предусматривает и исключает, поскольку это субсидиарная ответственность, которая может применяться в гражданском праве, в уголовном же праве штраф — один из видов наказания, содержащийся в п. «а» ст. 44 УК, а наказание, как известно, носит индивидуальный характер, т. е. оно назначается исключительно конкретному лицу, непосредственно виновному в совершении преступления.

В п. «а» ч. 1 ст. 97 разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК содержатся основания применения принудительных мер медицинского характера к лицу, признанному невменяемым, хотя в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК иные меры уголовно-правового характера устанавливаются за совершение преступлений. Получается, что указанные меры могут назначаться и за общественно опасный деликт, который преступлением являться не может, поскольку его совершило лицо, признанное невменяемым, а согласно ч. 1 ст. 22 УК такое лицо не может быть признано преступным и оно не может отвечать за свои действия. В то же время и оставлять данное лицо на свободе не всегда представляется возможным, поэтому оно и помещается в психиатрический стационар.

Это далеко не полный перечень несоответствий, которые имеют место быть как в Общей, так и в Особенной частях УК. Приведенные в качестве примеров нормы вступают в довольно жесткое противоречие со ст. 6 УК, в которой четко указано, что принцип справедливости наказания должен соответствовать совокупности трех критериев (характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного), а ч. 2 ст. 43 УК уточняет и существенно дополняет это положение разъяснением о том, что наказание должно применяться, помимо исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений, также и с целью восстановления социальной справедливости за совершенное противоправное деяние.

Если перейти к уголовно-правовой политике, то ее осуществление без применения принципа социальной справедливости невозможно, поэтому она и реализуется в трех основных направлениях деятельности государства: правотворчестве, применении права и правовой культуре граждан. Кроме этого, политика в области уголовного права имеет ряд целей, к которым можно

отнести: определение видов общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; установление методов правового регулирования видов общественных отношений; разработку оптимальных систем организации правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов; планирование основных направлений законодательной и правоприменительной деятельности на текущую и долгосрочную перспективу; определение содержания и методов правового воспитания населения и повышения его правовой культуры.

Одним из центральных вопросов является проблема криминализации и декриминализации деяний. Он служит основой деятельности самой системы уголовной юстиции, т. е. следственных, прокурорских и судебных органов по привлечению к уголовной ответственности и наказанию виновных. Помимо этого, он также имеет важное значение для содержания, направленности мер профилактического характера, которые оказывают непосредственное влияние на правовое воспитание населения.

Криминализация — общее понятие, оно охватывает как сам процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми. Процесс криминализации состоит в выявлении целей, оснований и возможностей установления уголовной ответственности за те или иные деяния и в издании уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации — это совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности и освобождения от нее.

Декриминализация — отмена, исключение уголовной ответственности за те или иные деяния, ранее признававшиеся преступлениями, в том числе перевод этих деяний в категорию менее значительных правонарушений (административных, дисциплинарных и др.). Декриминализацию можно рассматривать как противоположность криминализации, как криминализацию со знаком минус.

Элементом криминализации является пенализация, т. е. установление уголовного наказания за деяния, признанные преступными. Поскольку это признание предрешает необходимость установления уголовно-правовой санкции, проблема пенализации сводится к определению ее вида, размера, а также условий назначения, исполнения и освобождения от наказания лиц, виновных в совершении преступлений. Таким образом, степень пенализации есть, по существу, показатель интенсивности криминализации того или иного деяния.

Депенализация противоположна пенализации. Она заключается в снижении или отмене наказания за деяние, признававшееся преступным. В этом случае интенсивность криминализации становится меньше.

Следует отметить, что названные условия относятся к процессу создания или исключения норм права, практике их применения и формированию высокого уровня правосознания граждан. Во всех этих сферах должна вестись планомерная практическая работа, направленная на повышение эффективности уголовно-правовой политики. Для обеспечения ее оптимальности весьма важен высокий уровень подготовки и совершенствования уголовного законодательства. Главное условие этого — разработка и использование научных основ правотворческой деятельности, которые предполагают: изучение социальных, экономических и иных объективных процессов жизни российского общества, обусловливающих его поступательное развитие; изучение тенденций динамики и структуры антиобщественных явлений, в том числе преступности; анализ их причин; прогнозирование возможных изменений, происходящих в них; анализ и оценку эффективности мер борьбы с преступностью, включая меры уголовно-правового характера; сравнительно-правовое изучение методов уголовно-правовой борьбы с преступностью в зарубежных государствах; обеспечение на этой основе последовательного, перспективного планирования законодательной деятельности в области уголовного права, а также совершенствования организации и деятельности правоохранительных органов.

Основным моментом в подготовке, создании или исключении норм права является глубокое изучение объективных общественных процессов, позитивных и негативных, определяющих необходимость изменений в уголовном законодательстве в целом и в конкретном содержании отдельных норм в частности. Вся сложность заключается именно в том, чтобы найти научный переход от общих социальных процессов к конкретным правовым нормам и институтам. Необходимо четко определить, какие именно факты социальной действительности должны приниматься во внимание при разработке нового уголовного закона, в том числе и при разрешении проблем криминализации и декриминализации. Также важно точно знать, какие именно социальные процессы влияют на диспозицию и санкцию закона, о чем может свидетельствовать, к примеру, аналогичный опыт других стран. Следует учитывать и то, что можно ожидать в будущем, если

новый уголовный закон будет создан, и какие изменения надо будет внести в систему уголовного законодательства в связи с его принятием. Вот лишь некоторые из вопросов, которые всякий раз встают в законотворческой практике.

Именно эти и близкие к ним вопросы возникают и применительно к проблемам криминализации (декриминализации) при осуществлении уголовно-правовой политики. В законотворческой деятельности, например, криминализация общественно опасных деяний, которая в настоящее время осуществляется законодателем наиболее часто, производится двумя путями: 1) определение общих оснований и условий уголовной ответственности; 2) выделение конкретных видов общественно опасных деяний, за совершение которых предусмотрено уголовное наказание, что достигается закреплением в законе определенных признаков составов преступлений.

Развитие в последние годы научных исследований и законотворческой деятельности выдвинуло в число практических задач планирование правотворчества как на сравнительно короткое время, так и на длительную перспективу. Этот вопрос применительно к уголовно-правовой политике и проблеме реализации в ней принципа социальной справедливости связан с прогнозированием характера развития антиобщественных явлений в нашем обществе и с заблаговременным, перспективным определением тех уголовно-правовых мер, которые необходимы в борьбе с ними.

Так как право имеет своим источником материальные условия жизни общества, то планирование будущих изменений в правовых нормах, безусловно, требует глубокого анализа экономических и социальных процессов, а также свойственных им тенденций. Поэтому одной из основ уголовно-правового планирования является предвидение тех будущих изменений в жизни современного общества, которые потребуют изменения правовых норм.

Помимо всего прочего, уголовно-правовая политика представляет собой направление деятельности законодательных и правоприменяющих органов и организаций, заключающееся в выработке общих положений уголовного законодательства, установлении круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избрании справедливых и целесообразных мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений. Она также определяет направление деятельности соответствующих органов и организаций в сферах быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных, обеспечения правильного применения закона, правильной квалификации совершенного преступления, назначения справедливого и целесообразного наказания, исполнения назначенного судом наказания и закрепления положительных результатов воздействия наказания.

Осуществляя уголовно-правовую политику в области правотворчества, во время которой происходит криминализация или декриминализация отдельных уголовно-правовых норм, усиливая или смягчая наказание лицам, назначаемое виновным в совершении преступлений, законодатель должен быть ориентирован в том числе и на соблюдение принципа справедливости, содержащегося в ст. 6 УК, с исключением в дальнейшем допущения нарушений ее требований. Если же рассуждать более масштабно, то ныне действующий УК необходимо довольно серьезно проанализировать и переработать, чтобы устранить все содержащиеся в нем несоответствия и противоречия.

---

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Там же. 2014. № 31. Ст. 4398.

343.359

Н. Г. Вольдимарова
N. G. Voldimarova

Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем уклонения от исполнения имущественных обязательств

Qualification of Crimes in the Sphere of Economic Activity Perpetrated by Avoiding Execution Property Obligations

Автор исследует вопросы правового регулирования уголовной ответственности за преступления, совершаемые путем уклонения от исполнения имущественных обязательств (уклонение от уплаты таможенных платежей, криминальное банкротство, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица и организации, неисполнение обязанностей налогового агента и сокрытие имущества от взыскания недоимки по налогам и сборам); анализирует проблемы квалификации преступлений, совершаемых путем уклонения от исполнения имущественных обязательств, разграничивает указанные составы преступлений со смежными; указывает на недостатки действующего законодательства в сфере противодействия экономической преступности.

The author examines the legal regulation of criminal responsibility for crimes committed by avoiding execution property obligations (evasion of customs duties, criminal bankruptcy, tax evasion and (or) the fees of an individual and the organization, dereliction of duty and tax agent concealment of property from collecting back taxes and fees); analyzes the problem of qualification of crimes committed by avoiding execution property obligations, delineates these offenses with adjacent; indicates the shortcomings of the current legislation in the field of combating economic crime.

Налоги и сборы; налогообложение; налоговые (финансовые) правоотношения; налоговые преступления; налоговая дисциплина; налоговая декларация; налоговый агент; налоговое, финансовое, административное, таможенное законодательство; налоговое (финансовое) правонарушение, налоговый (административный) проступок; недоимка; гуманизация; либерализация; предпринимательская деятельность; освобождение от уголовной ответственности; бюджетная система; криминальное банкротство; регистрация незаконных сделок с землей; злоупотребление должностными полномочиями

The taxes and taxes; taxation; tax (financial) attitudes (relations); tax crimes; tax discipline; the tax declaration; tax agent; tax; financial, administrative, customs legislation; a tax (financial) offence; tax (administrative) offence; shortage; liberalization; enterprise activity; clearing of the criminal liability; budget system; criminal bankruptcy; register illegal land transactions; abuse of power

Исследуя проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые путем уклонения от исполнения имущественных обязательств, нельзя не рассмотреть ряд вопросов, касающихся квалификации отдельных преступных деяний, относящихся к преступлениям данной категории и до настоящего времени не получивших унифицированного решения в уголовно-правовой доктрине и судебной практике. В УК [1], помимо уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица и организации, содержится ряд составов, которым также присущи черты налоговых преступлений. В частности, речь идет о таких составах, как регистрация заведомо незаконных

© Вольдимарова Н. Г., 2015
© Voldimarova N. G., 2015

сделок с землей (в части искажения сведений государственного кадастра недвижимости и умышленного занижения размеров платежей за землю), незаконные производство, приобретение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, уклонение от уплаты таможенных платежей, злоупотребление полномочиями и др.

Преступление, предусмотренное ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с землей» УК, причиняет ущерб налоговым правоотношениям, когда виновным заведомо искажаются сведения государственного кадастра недвижимости и умышленно занижаются размеры платежей за землю. Умышленные искажение сведений государственного кадастра недвижимости и занижение размеров платежей за землю, совершаемые должностными лицами Росрегистрации, посягают на установленный порядок деятельности органов налогового контроля и, соответственно, на установленный государством порядок налогообложения.

Уклонение от уплаты физическими или юридическими лицами земельного налога (в случае причинения крупного или особо крупного ущерба бюджетной системе) подлежит квалификации по ст. 198, 199 УК. Конструктивными же признаками злоупотребления должностными полномочиями в сфере регулирования правоотношений землевладения и землепользования, сопряженного с фальсификацией сведений государственного кадастра недвижимости и занижением размеров платежей за землю, являются субъективные признаки состава преступления, в частности особый статус субъекта (должностное лицо органов Росрегистрации, использующее свое служебное положение) и соответствующий мотив (корыстная или иная личная заинтересованность).

При привлечении лица к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство имеющее место обстоятельство неуплаты налогов (в крупном или особо крупном размере) является полностью охваченным диспозицией ст. 171 УК, поскольку идеальная совокупность с уклонением от уплаты налогов в данном случае отсутствует. Осуществление незаконной предпринимательской деятельности является своего рода способом реализации уклонения от уплаты налогов. Однако следует заметить, что реальную совокупность названных составов преступлений не следует исключать, например, в случае одновременного выявления фактов осуществления лицом незаконной предпринимательской деятельности и уклонения от уплаты налогов от предпринимательской деятельности, осуществляемой легально.

Изложенная позиция на сегодняшний день является общепризнанной в науке и закреплена в решении высшей судебной инстанции. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» [2] решение вопроса о квалификации незаконного предпринимательства при наличии признаков налоговых преступлений регламентируется следующим образом. В п. 16 данного постановления, в частности, говорится: «Действия лица, признанного виновным в занятии *незаконной предпринимательской деятельностью* (здесь и далее курсив автора. — *Прим. ред.*) и не уплачивающего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного *статьей 171 УК РФ*. При этом имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате совершения этого преступления, в соответствии с пунктами 2 и 2.1 части 1 статьи 81 УПК РФ признаются *вещественными доказательствами* и в силу пункта 4 части 3 статьи 81 УПК РФ подлежат обращению в доход государства с приведением в приговоре обоснования принятого решения».

Вместе с тем вступление в силу Федерального закона от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» [3] повлекло за собой изменение уголовно-процессуального закона. *Вещественными доказательствами* в числе прочего (п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 81 УПК [4]) в соответствии с п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК признаются деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, которые, согласно п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК, подлежат возвращению законному владельцу. Далее, следуя п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК, конфискации в порядке, установленном Правительством РФ, подлежат деньги, ценности и иное имущество, указанные в п. «а» — «в» ч. 1 ст. 104.1 УК, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК. Статья 104.1 УК устанавливает, что конфискации имущества, т. е. принудительному и безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора суда, при отсутствии обстоятельств, предусмотренных п. «б» — «г» ч. 1 ст. 104.1 УК, подлежат деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 данной статьи, и любые доходы от

этого имущества, за исключением имущества и доходов, подлежащих возвращению законному владельцу. Поскольку ст. 171 УК законодателем не включена в перечень, содержащийся в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК, вопрос о применении конфискации денежных средств и иного имущества, приобретенных в результате незаконной предпринимательской деятельности, при условии отсутствия оснований, предусмотренных п. «б» — «г» ч. 1 ст. 104.1 УК, является спорным.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении квалификации незаконных организации и проведения азартных игр и незаконной банковской деятельности, сопряженных с уклонением от уплаты налогов, поскольку, как известно, незаконное предпринимательство с одной стороны и незаконные организация и проведение азартных игр и незаконная банковская деятельность — с другой соотносятся между собой как общая и специальные нормы, составляя их конкуренцию.

Что касается вопроса квалификации уклонения от уплаты налогов в соотношении с незаконным производством, приобретением, перевозкой или сбытом немаркированных товаров и продукции (ст. 171.1 УК), возможность установления совокупности названных составов преступлений весьма спорна ввиду того, что в данной ситуации прежде всего отсутствует легальный объект налогообложения. Согласно ст. 38 НК [5] объект налогообложения образуют реализация товаров, выполнение работ, оказание услуг, а также имущество, прибыль, доход, полученные на законном основании, а немаркированные товары и продукция, равно как и доходы, полученные от указанной незаконной деятельности, подлежат изъятию из оборота.

Если лицо, имея целью извлечение дохода, занимается преступными видами деятельности, совершая так называемые общеуголовные преступления, в частности незаконное изготовление или сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, содеянное квалифицируется по ст. 222 «Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», 223 «Незаконное изготовление оружия», 228 «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» или 228.1 УК. В соответствии с действующим налоговым законодательством объекты налогообложения, обусловливающие обязанность налогоплательщика уплатить налог, представляют собой юридические факты, выраженные исключительно в виде правомерных действий.

Уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК) также имеет общность с уклонением от уплаты налогов, однако совершается в сфере осуществления внешнеэкономической деятельности, т. е. у названных составов налицо различие объектов посягательства. Кроме того, уклонение от уплаты таможенных платежей отлично от налоговых преступлений по предмету (который образуют таможенные платежи: ввозная таможенная пошлина; вывозная таможенная пошлина; НДС, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию ТС в рамках ЕврАзЭС, таможенную территорию РФ и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией; акциз, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию РФ и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией, и таможенные сборы), способам совершения преступления и иным признакам объективной стороны.

Уклонение от уплаты таможенных платежей от уклонения от уплаты налогов также отличает особый субъект преступления. Согласно ст. 79 «Плательщики таможенных пошлин, налогов» ТК ТС [6] таможенные платежи подлежат уплате плательщиками таможенных пошлин и налогов, в качестве которых выступают декларант или иные лица, на которых в соответствии с таможенным законодательством, международными договорами государств — членов ТС и (или) законодательством государств — членов ТС возложена обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов.

В частности, в соответствии со ст. 186 ТК ТС декларантами могут являться: 1) лицо государства — члена ТС: заключившее внешнеэкономическую сделку либо от имени (по поручению) которого эта сделка была заключена; имеющее право владения, пользования и (или) распоряжения товарами — при отсутствии внешнеэкономической сделки; 2) иностранные лица: физическое лицо, перемещающее товары для личного пользования; лицо, пользующееся таможенными льготами в соответствии с ТК ТС (гл. 45); организация, имеющая представительство, созданное на территории государства — члена ТС в установленном порядке, — при заявлении таможенных процедур временного ввоза, реэкспорта, а также таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления только в отношении товаров, ввозимых для собственных нужд таких представительств; лицо, имеющее право распоряжаться товарами не в рамках сделки, одной из сторон которой выступает лицо государства — члена ТС; 3) для заявления таможенной процедуры таможенного транзита, помимо лиц, перечисленных в первых двух подпунктах, также: перевозчик, в том числе таможенный перевозчик; экспедитор — при условии, если он является лицом государства — члена ТС. Иными словами, в качестве субъектов

уклонения от уплаты таможенных платежей могут выступать любые вменяемые физические лица, достигшие 16-летнего возраста, на которых в установленном законом порядке возложены обязанности по уплате таможенных платежей (таможенных пошлин и налогов). Субъектом же уклонения от уплаты налогов является налогоплательщик (физическое лицо, на которое возложены обязанности по уплате налогов, — применительно к ст. 198 УК; руководитель и главный (старший) бухгалтер организации — в отношении состава, предусмотренного ст. 199 УК).

В судебной практике возникают сложности при квалификации злоупотребления полномочиями со стороны лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, в результате которого произошло уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с этой организации. В теории уголовного права по этому поводу существуют мнения о возможности квалификации такого рода действий по ст. 201 УК, так как в данном случае совершается деяние, противоречащее законным интересам коммерческой или иной организации [7]. Однако приведенная точка зрения является достаточно спорной, поскольку злоупотребление полномочиями можно рассматривать в качестве общей нормы, которая соотносится с целым рядом специальных норм, образуя с ними конкуренцию. В частности, в УК содержится ряд специальных норм об ответственности за злоупотребление полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, например: ст. 145.1 «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», 176 «Незаконное получение кредита», 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», 195 «Неправомерные действия при банкротстве», 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» УК и др. Общеизвестно, что при конкуренции общей и специальной норм предпочтение отдается норме специальной, которая и подлежит применению [8].

На практике в действиях лица, уклоняющегося от уплаты налогов и (или) сборов с организации, может быть установлена совокупность преступлений, предусмотренных ст. 199 и 198 УК. Такая ситуация, в частности, возможна при неуплате руководителем организации или главным бухгалтером, допустившими уклонение от уплаты налогов с организации, подоходного или иных налогов, подлежащих уплате ими как физическими лицами в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

В случае возникновения разногласий между руководителем организации и главным бухгалтером по осуществлению отдельных хозяйственных операций документы по ним могут быть приняты к исполнению с письменного распоряжения руководителя организации, который несет всю полноту ответственности за последствия осуществления таких операций.

Если ведение бухгалтерского учета в организации производится на основании гражданско-правового договора третьими лицами, которые не представили сведения, необходимые для осуществления налогового контроля, либо представили их с нарушением установленного законодательством срока или правил ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности, то это обстоятельство не освобождает руководителя организации от ответственности, поскольку в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [9] именно он несет ответственность за организацию бухгалтерского учета.

В случае совершения действий, связанных с незаконным возвращением НДС, возврат из государственного бюджета законно уплаченного налога совершается посредством обманных действий со стороны недобросовестного налогоплательщика, что содержит признаки хищения государственного имущества в форме мошенничества, а не налогового преступления (уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации или физического лица). В то же время в ситуации, когда по вине налогоплательщика происходит незаконный зачет якобы ранее излишне уплаченных сумм налога в счет погашения задолженности по иным налоговым платежам, имеет место уклонение от уплаты налога. Данная позиция является общепризнанной в уголовно-правовой науке [10].

Поскольку допустимо совмещение функций налогоплательщика и налогового агента, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов организацией или индивидуальным предпринимателем, одновременно выступающих в качестве налоговых агентов, в случае невыполнения ими в личных интересах обязанностей по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов (в крупном или особо крупном размере) подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 198 или 199 и ст. 199.1 УК. Если указанными лицами также совершаются действия по сокрытию денежных средств или имуще-

ства организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание недоимки по налогам и (или) сборам, содеянное при наличии к тому оснований подлежит дополнительной квалификации по ст. 199.2 УК (п. 18 постановления об ответственности за налоговые преступления).

Неисполнение налоговым агентом возложенных на него обязанностей, сопряженное с получением им незаконного вознаграждения, следует квалифицировать в зависимости от адресата, которому оно предоставляется (должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации), по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 199.1 «Неисполнение обязанностей налогового агента» и 290 «Получение взятки» УК или ст. 199.1 и ч. 3 или 4 ст. 204 «Коммерческий подкуп» УК.

Неисполнение обязанностей налогового агента и последующее противоправное, безвозмездное изъятие и (или) обращение денежных средств, подлежащих перечислению в бюджетную систему государства, совершенное с корыстной целью, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 199.1 и, в зависимости от обстоятельств содеянного, ст. 160 (либо ст. 159) УК.

На практике возникают проблемы при разграничении сокрытия денежных средств и имущества, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и сборам, и неправомерных действий при банкротстве, которые выражаются в сокрытии имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах либо сокрытии имущественных обязательств, передаче имущества в иное владение, отчуждении имущества, а равно сокрытии, уничтожении, фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность субъекта.

К числу подлежащих уплате субъектами экономической деятельности обязательных платежей по смыслу ч. 1 ст. 195 УК, как известно, закон также относит налоги и сборы. Таким образом, неправомерные действия при банкротстве могут выразиться в сокрытии имущества, за счет которого должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и сборам, что сходно с составом преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК.

Отличие сокрытия имущества от взыскания недоимки по налогам и сборам от неправомерных действий при банкротстве заключается в особенностях объективной стороны последних. В частности, необходимым признаком объективной стороны названного состава преступления является обстановка его совершения — наличие признаков банкротства, под которыми согласно ст. 3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [11] следует понимать определенные критерии, позволяющие выделить банкротство из иных случаев неплатежеспособности.

Подводя итог рассмотрению вопросов квалификации преступлений, совершаемых путем уклонения от исполнения имущественных обязательств, следует констатировать, что лишь при установлении комплекса объективных и субъективных признаков состава, а также при выявлении всех представляющих важность в юридическом отношении обстоятельств совершенного деяния и их всестороннем исследовании и объективном анализе может быть достигнута достоверная юридическая оценка содеянного. Составы преступлений, совершаемых путем уклонения от исполнения имущественных обязательств, представляют собой совокупность объективных и субъективных критериев, определение наличия которых является объективным юридическим основанием для установления уголовной ответственности за причинение ущерба бюджетной системе государства в виде неуплаченных (неисчисленных, неудержанных или неперечисленных) налогов (сборов), таможенных платежей или сокрытых денежных средств или иного имущества либо причинение ущерба кредиторам. Данные составы обособлены по ряду объективных и субъективных признаков, с одной стороны, от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, а с другой — от таможенных, налоговых, финансовых правонарушений и административных проступков. Уголовно-правовые нормы, закрепленные в ст. 194–199.2 УК, в процессе реализации в правоприменительной практике в современных условиях реформирования законодательства в сфере экономической деятельности нуждаются в дальнейшей доработке и совершенствовании.

---

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: РГ. 2004. 7 дек.
3. См.: Там же. 2006. 29 июля.
4. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

5. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Там же. 1998. № 31. Ст. 3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Там же. 2000. № 32. Ст. 3340.

6. См.: Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // Там же. 2010. № 50. Ст. 6615.

7. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 478.

8. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 445.

9. См.: СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

10. См.: Сапожников А. А., Щепельков В. Ф. Налог на добавленную стоимость: Механизм преступления и его выявление / рук. авт. кол. С. Г. Евдокимов. СПб., 2003. С. 95–120; Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. С. 716 и др.

11. См.: СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

343.98

О. С. Воронова
O. S. Voronova

Профилактический аспект в виктимологических и криминологических исследованиях зарубежных и отечественных ученых

The Aspect of Prevention in Criminological Studies of National and Foreign Scientists

В статье рассматриваются теоретические подходы зарубежных и отечественных ученых к пониманию виктимологической профилактики преступлений как результата взаимодействия государственных органов, общественных институтов и научных школ.

The article presents theoretical approaches of foreign and national scientists to the understanding of victimological crime prevention as a result of partnership of state bodies, public institutions and scientific schools.

Профилактика; виктимология; криминология; виктимность; преступление; жертва

Prevention; victimology; criminology; victimization; crime; victim

Основное внимание в существующих зарубежных и отечественных виктимологических и криминологических учениях уделяется обоснованию профилактики виктимности. Изучение идей, разработанных и апробированных западными виктимологическими школами, творчески преломляется в исследованиях отечественных виктимологов.

Рассмотрение профилактического аспекта в зарубежных виктимологических теориях требует определенного осмысления вопроса, что следует понимать под виктимологической профилактикой.

Существует несколько взглядов на определение данного понятия. Так, Д. В. Ривман считает, что «виктимологическая профилактика представляет собой целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением, а также на факторы, обусловливающие виктимность, связанную с подобным поведением. В равной мере ее объектом являются факторы и лица, положительное поведение которых, тем не менее, виктимоопасно для них» [1].

Т. Варчук и К. В. Вишневецкий рассматривают виктимологическую профилактику как элемент криминологической профилактики и считают ее включенной в социальную систему предупреждения преступлений подсистемой общесоциальных и социально-криминологических мер [2].

Н. Я. Шинкевич предлагает понимать под виктимологической профилактикой специфическую деятельность социальных институтов, направленную на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и в этом качестве детерминирующих совершение преступлений; установление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие

© Воронова О. С., 2015
© Voronova O. S., 2015

на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств; разработку либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации [3].

В. И. Задорожный, считая виктимологическую профилактику частью общей системы предупреждения преступлений, включает в нее следующие элементы: объекты воздействия и его участников (субъектов); меры предупреждения, в том числе общие и индивидуальные виды профилактического воздействия, его ранние и непосредственные формы, а также меры убеждения и социальной помощи (стимулирования и защиты); механизм реализации, состоящий из различных видов обеспечения (правового, информационно-аналитического, организационно-методического, программного, научного, ресурсного, кадрового). При этом он признает, что это исключительно теоретическая модель, так как на практике в Российской Федерации деятельность возможных субъектов данной профилактики отсутствует [4].

Таким образом, понятие «виктимологическая профилактика» является достаточно разработанным в современной отечественной правовой науке и включает в себя несколько смыслов: 1) профилактика как целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением (Д. В. Ривман, В. С. Устинов); 2) виктимологическая профилактика как элемент криминологической профилактики (Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий, В. И. Задорожный); 3) виктимологическая профилактика как самостоятельная специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение (Н. Я. Шинкевич).

По нашему мнению, виктимологическая профилактика — это всегда система мер, направленных на выявление, устранение и нейтрализацию возможных причин и условий превращения личности в жертву преступлений. Данная система основывается на соответствующей теоретической и нормативно-правовой базе. «Профилактический аспект» — более узкое понятие, применимое только к теоретическим учениям. Иначе говоря, понятия «виктимологическая профилактика» и «профилактический аспект виктимологических учений» используются как общее и частное.

При определении сущности профилактики виктимности западная наука исходит из общеметодологических и теоретических установок. Западные ученые признают в качестве императива следующее: «Только в том случае, когда общность, к которой принадлежит человек, обеспечивает защиту его прав, моральные требования к нему оказываются обоснованными. В этом проявляется одна из особенностей моральной формы регулирования поведения. В тех социальных группах, которые нарушают это требование, моральные запреты и поощрения неизбежно обесцениваются» [5].

Профессор Э. Виано считает: «Если мы все более и более начинаем опасаться сложностей современной жизни в обществе, новая наука должна быть определена и создана не только потому, что она в состоянии определить для себя относительно новый предмет изучения, но также и потому, что она видит новые взаимоотношения и динамику и предлагает интегрированный подход к исследованиям и прикладным методикам, которые объединяют существующие науки, получая то лучшее, что каждая из них может предложить» [6].

Сегодня основные идеи виктимологии обобщены в прикладной сфере, главным образом профилактики преступности. К ним относятся следующие:

1) поведение жертвы оказывает существенное влияние на мотивацию преступного поведения. Оно может облегчать и даже провоцировать его;

2) вероятность стать жертвой преступления зависит от особого феномена — виктимности. Каждая личность может быть оценена, насколько велика вероятность ее превращения в жертву преступления. Эта вероятность определяет виктимность человека (чем больше вероятность, тем выше виктимность);

3) виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение. Соответственно, выделяются личностная, ролевая и ситуативная виктимность;

4) виктимность зависит от ряда факторов: а) личностных характеристик; б) правового статуса должностного лица, специфики его служебных функций, материальной обеспеченности и уровня защищенности; в) степени конфликтности ситуации, особенностей места и времени, в которых эта ситуация развивается;

5) величина виктимности может изменяться. Процесс ее роста определяется как виктимизация, снижения — девиктимизация. Влияя на факторы виктимности, общество может снижать ее и тем самым воздействовать на преступность [7].

Отсутствие обобщающего монографического исследования и слабая доступность для российских исследователей работ зарубежных авторов объективно препятствуют глубокому изучению данного вопроса. Вместе с тем, обобщая опыт, накопленный отечественной правовой наукой, можно выделить несколько главных идей, составляющих

профилактический аспект в зарубежных виктимологических учениях.

Во-первых, это психологическое состояние потерпевшего. И. В. Ибрагимов, анализируя работы западных ученых, отмечает, что жертвам преступлений в ходе судебного разбирательства нередко приходится снова переживать стрессовые состояния, в которые они впадали в момент совершения против них того или иного насильственного преступления. Такие состояния жертв преступлений в зарубежной юридической литературе принято называть состояниями повторной виктимизации потерпевших *(double victimization)* [8]. Профилактический интерес теоретиков концентрируется на индивидуально-психологических характеристиках личности потерпевшего.

Во-вторых, современные зарубежные авторы пришли к выводу, что виктимизация населения зависит от социальных и экономических процессов, в частности урбанизации. К. В. Вишневецкий пишет, что «первые значительные шаги в этом направлении научных исследований связывают с именами американских криминологов С. Шоу и Х. Мак-Кея, которые, проводя виктимологические исследования в рамках криминологической концепции социальной дезинтеграции, разработали подробную картографию криминальной уязвимости различных районов Чикаго в 30-х и 40-х гг. А собственно виктимологические исследования в этом направлении стали проводиться лишь начиная с 70-х гг. В Великобритании были составлены схемы города, аналогичные схемам С. Шоу и Х. Мак-Кея» [9].

Начиная с 1980-х гг. в США и Великобритании проводились широкомасштабные социологические исследования, позволившие криминологам выявить взаимосвязь между нормами криминальной виктимизации и региональными характеристиками. В Великобритании эти данные были проанализированы таким образом, что позволили показать характер распределения криминальной виктимизации по всей стране. Наиболее виктимным оказалось население сравнительно небогатых предместий крупных британских городов, где число краж и насильственных преступлений против личности было особенно велико.

В-третьих, зарубежные ученые пришли к выводу, что современные миграционные процессы являются причиной роста преступности и виктимности. В. А. Шестак приводит сведения, что, по данным Хельсинкского института по предупреждению преступности при ООН (ХЕЮНИ), значительная часть преступлений (до 20 %) во всех европейских странах совершается иностранцами, причем доля их в общем количестве преступников несоразмерно больше удельного веса иностранцев в структуре населения. Растет и доля иностранцев в тюремной популяции той или иной страны (Швейцария — 40 %, Бельгия — 30 %, Швеция — 30 %), что, в свою очередь, создает неизвестные ранее криминологические проблемы [10]. Соответственно, ученые предлагают совершенствовать систему контроля над данным процессом, привлекать к нему государственные и неправительственные организации, совершенствовать национальное законодательство.

В-четвертых, западные правоведы отмечают, что профилактика преступности и виктимности может осуществляться не только государством, но и иными институтами. Так, норвежский криминолог Н. Кристи говорит: «У нас в Норвегии сейчас в любой местности есть комитеты (оплачивает их государство, но расходы небольшие), куда люди могут прийти со своим конфликтом. Туда можно прийти и с гражданскими делами, и с уголовными. И полиция может привести задержанного и попросить дать ему возможность встретиться с жертвой. Эти комитеты реально работают, и многие тысячи случаев преступлений в них разрешаются успешно» [11]. К. В. Вишневецкий указывает на признание зарубежными учеными: 1) мощного потенциала социального регулирования, способного нейтрализовать виктимизирующее воздействие на общество со стороны современных процессов, которым обладает общественное самоуправление; общественное самоуправление способно смягчить негативные последствия радикализации стратификационных процессов, прежде всего те, которые связаны с локальным сосредоточением и концентрацией в неблагополучных районах городов представителей низших страт; 2) элементом системы виктимологического предупреждения преступности являются общественные организации, созданные с целью защиты интересов жертв преступлений, оказания им помощи и противодействия рецидивной виктимизации [12].

В-пятых, зарубежные ученые в качестве профилактического фактора виктимности называют деятельность государственных органов. Государственная поддержка виктимологической профилактики заключается, с одной стороны, в предоставлении гражданам специальной информации, с другой — в финансировании специальных организаций.

Нельзя не признать тот факт, что виктимологическое направление профилактики преступлений в зарубежных странах реализуется на более высоком уровне, нежели в России. Это, на наш взгляд, связано с отсутствием не только должного финансирования данного направления, но и единой государственной программы и правовых

актов, которые бы в полной мере регулировали механизм реализации задач обеспечения безопасности, защиты жертв от преступлений, злоупотреблений властью, а также виктимологические мероприятия по профилактике преступлений. Так, например, в США, Германии, Японии и ряде других стран повсеместно действуют программы специализированной помощи жертвам преступлений, включающие меры оказания необходимой медицинской и психологической помощи, материальную поддержку, а для наиболее нуждающихся — услуги правового характера, в том числе по установлению опеки над потерпевшими в период следствия и судебного процесса.

Изучение опыта зарубежной виктимологии и криминологии позволяет нам говорить о перспективности профилактического аспекта в виктимологических исследованиях. Виктимологическое воздействие на преступность, по мысли отечественных ученых (Д. В. Ривман, В. С. Устинов, К. В. Вишневецкий, Т. В. Варчук), является весьма перспективным, потому что оно более гуманно (не предполагает вторжение в сферу личных прав и использование государственного принуждения), не требует материальных затрат и опирается на естественный человеческий инстинкт самосохранения [13].

Таким образом, профилактический аспект — неотъемлемый элемент зарубежных виктимологических учений. Наработанный западными учеными теоретический опыт активно применяется на практике различными институтами: правоохранительными органами, органами государственной власти и местного самоуправления, неправительственными (общественными) организациями. Обязательным условием успешной реализации профилактического аспекта виктимологических теорий на практике является наличие современной, отвечающей потребностям науки и запросам общества нормативно-правовой базы, а также соответствие ее международно-правовым стандартам.

1. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 241.

2. См.: Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 130.

3. См.: Шинкевич Н. Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии : дис. … канд. юрид. наук. Смоленск, 2004. С. 180.

4. См.: Задорожный В. И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 22.

5. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М. : Наука, 1985. С. 168.

6. Цит. по: Туляков В. А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса : Юрид. літ., 2000. С. 45.

7. См.: Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 187.

8. См.: Ибрагимов И. М. Зарубежные концепции защиты прав потерпевшего как жертвы преступления // Рос. юстиция. 2008. № 7. С. 50.

9. См.: Вишневецкий К. В. Урбанизация и ее влияние на процессы виктимизации населения // Юрид. мир. 2006. № 3. С. 67.

10. См.: Шестак В. А. Теория предупреждения преступности в России и за рубежом: история и современность // Lex Russica. 2008. Т. LXVII. № 2. С. 413.

11. Интервью норвежского криминолога Нильса Кристи // Российская газета : сайт. URL: http://www.rg.ru/2006/10/09/kristi.html (дата обращения: 12.04.2014).

12. См.: Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 32–33.

13. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. С. 216.

343.97

Р. К. Гилязутдинов
R. K. Gilyazutdinov

К вопросу о сущности преступного поведения

To the Issue of the Concept of Criminal Behavior

В статье обосновывается важность исследования критериев определения понятия преступления. Отмечается, что, несмотря на многовековой опыт изучения данной проблемы, юридическая наука до сих пор не имеет по этому вопросу ясной и четкой концепции. Делается вывод, что понятие преступного поведения напрямую связано с изменением определяющих это понятие социальных условий, что необходимо учитывать в процессе криминализации деяний.

The article explains the importance of studying the criteria of defining the concept of a crime. It is noted that despite centuries-old experience of studying this problem, legal science still has not got any clear and distinct conception in relation to this issue. It is concluded that the concept of criminal behavior is directly related to changes in social conditions defining this concept that shall be taken into account in the process of criminalization of acts.

Преступление; криминализация; декриминализация; социальная обусловленность уголовно-правового запрета; общественное правосознание и психология; конфликт уголовно-правовых и объективных социальных норм

Crime; criminalization; decriminalization; social conditioning of penal prohibition; public legal consciousness and psychology; conflict of criminal law and objective social norms

Преступление с древних времен осуждалось обществом как опасное и вредное для него явление, подрывающее его основы. Вместе с тем само понятие «преступление», издавна привлекавшее внимание философов, социологов, правоведов, трактуется ими неоднозначно. Так, например, с правовой точки зрения преступлением признается деяние, запрещенное уголовным законом. С позиций этики преступление — это зло, исходящее от человека и направленное против человека. Для социолога преступление — социально обусловленное следствие неспособности человека найти цивилизованные формы разрешения жизненно важных для него общественных и личных противоречий. Рассмотренное в антропологическом ключе, преступление является превратной формой самореализации, разрушительным способом самообнаружения отдельных свойств и граней человеческой природы.

Несмотря на многообразие существующих подходов, ни один из них не раскрывает сути преступления полностью. По мнению известного американского юриста П. Таппена, «существующая путаница в определении такого важного понятия, как преступление, внушает тревогу» [1].

Для отечественной юридической науки аксиоматично то, что преступность и наказуемость деяний определяет исключительно уголовный закон, однако буквальное восприятие этого утверждения приводит к достаточно интересным умозаключениям. Американский социокриминолог Э. Шур отмечает: «Если мы признаем, что преступность целиком определяется нормами уголовного

© Гилязутдинов Р. К., 2015
© Gilyazutdinov R. K., 2015

права и что дух и букву законов можно менять... мы поймем, что утверждение, будто главным источником преступности является само право, вовсе не выглядит софизмом» [2]. Вспомним известную формулу древнеримских юристов: *"Ex senatusconsultis et plebiscites crimina exercentur"* («Преступления возникают из сенатских и народных решений»). Широко известно также и высказывание К. Маркса о том, что «само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их» [3].

Следуя этой логике, напрашивается вывод о том, что наиболее эффективный способ сокращения уровня и масштабов преступности в стране — это последовательная и настойчивая декриминализация видов поведения, ранее зафиксированных в уголовном законе как преступные. Иными словами, чем меньше войдет в уголовный кодекс составов преступлений, тем ниже будет уровень преступности.

В попытке разрешить это противоречие американский профессор Э. Сатерленд апеллировал к так называемому дуалистическому подходу в определении понятия преступления. Суть последнего заключается в выделении двух категорий (видов) преступлений — деяний, преступных по своей сущности, и деяний, преступных потому, что они запрещены законом [4]. Однако главный вопрос, каковы критерии отнесения деяний к разряду «преступных по своей сущности», остался невыясненным, и до сих пор юридическая наука не имеет по этому вопросу четкой концепции. Г. Кайзер отмечает, что само понятие преступления зависит от времени и пространства, места и содержания социальной системы и в силу этого может быть различно. «Если ориентироваться только на юридическое определение понятия преступления, то невозможно объяснить процессы криминализации или декриминализации тех или иных деяний» [5].

Изложенное предопределяет необходимость исследования имеющихся в обществе представлений о сущности преступного поведения.

Некоторые ученые настаивают, что имеется группа деяний, относящихся к категории «вечных» преступлений, т. е. в любом обществе признаваемых общественно опасными и уголовно противоправными в силу очевидной опасности для всех (грабеж, убийство и т. д.). Однако с такой позицией вряд ли можно согласиться.

Преступное поведение — это форма человеческой деятельности вообще. Оно так же социально обусловлено, как и все формы человеческой жизнедеятельности. Ни один вид человеческого поведения не является преступным, противоправным, антиобщественным как таковой в силу внутренних, изначально присущих поведенческому акту свойств. Один и тот же по содержанию поступок в различные времена, в разных обществах и в разном социальном контексте может расцениваться и как антиобщественный, и как социально нейтральный, и как общественно одобряемый. Однако почему одно и то же деяние, существуя в рамках единого правового пространства, в один исторический период получает одобрение со стороны общества и государства, а в другой становится предметом правового запрета?

«Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории», — писал французский криминолог Г. Тард [6]. Им отрицалась возможность существования деяний, преступных по своей сущности. Вместе с тем он допускал, что некоторые определенные деяния, например убийство или кража, но только у лиц своей социальной группы (рода, племени, семьи), во все времена рассматривались как преступные.

Французский социолог Э. Дюркгейм также считал, что нет действий преступных самих по себе, независимо от того, как их оценивает общество. Развивая тезис о том, что преступление — это то, что признается преступным на данной стадии развития общества, ученый указывал, что согласно законам Афин Сократ был преступником и его осуждение имело бесспорное основание в действовавшем тогда праве. «Однако вменяемое ему в вину преступление, — говорил он, — а именно независимость мысли, послужило на благо не только человечеству, но и его собственной стране. Оно помогло сложиться новой морали и вере, в которой нуждались жители Афин, ибо традиции, в соответствии с которыми они жили до этого, не соответствовали более существовавшим условиям жизни». Далее Э. Дюркгейм справедливо замечает, что либеральная философия имела своих предшественников в лице всякого рода еретиков, которые в силу закона наказывались гражданскими властями на протяжении всех Средних веков [7].

Проблема социальной обусловленности уголовно-правового запрета в наиболее крайнем виде нашла выражение в тезисе «никакое поведение не является преступным до тех пор, пока оно не будет определено таковым государством в установленном порядке». В этом смысле преступное поведение отличается от непреступного только в связи с оценкой, даваемой поведению другими. Объявляя то или иное деяние преступным, уголовный закон формулирует либо дополняет систему социальных ценностей, служащих центром объединения большинства членов общества. При этом необходимо учитывать, что даже лишение человека жизни само по себе, вне зависимости от социальной оценки данного акта не может во всех случаях быть признано преступлением.

Так, например, уголовно-правовой запрет не распространяется на случай войны, необходимой обороны, смертной казни и т. п.

Таким образом, понятие преступного поведения напрямую связано с изменением определяющих это понятие социальных условий. Признание деяний преступными невозможно без учета социально-психологических, исторических и иных факторов, а также традиции выбора способа регулирования определенных общественных отношений и многого другого. Соответственно, для того, чтобы нормы уголовного закона могли реально воздействовать на поведение людей, они должны соответствовать характеру специфических ценностей и социально-психологических стереотипов, разделяемых членами различных социальных групп, в противном случае, действуя только благодаря государственному принуждению, они не будут выполнять свои функции.

Изложенное позволяет сделать вывод, что правовое регулирование, в том числе посредством криминализации и декриминализации отдельных деяний, представляет собой результат воздействия различных общественных явлений. Главный социально-психологический фактор криминализации состоит в том, что объявление деяния уголовно наказуемым должно одобряться обществом, т. е. должна быть получена поддержка большинства членов общества в связи с отрицательной моральной оценкой криминализируемого деяния. Меры правового (уголовно-правового) воздействия эффективны только в случае адекватного восприятия обществом предлагаемых государством запретов. В частности, в некоторых ситуациях исторические традиции могут служить препятствием для установления уголовно-правового запрета, поскольку запрещаемое деяние может быть традиционно-исторически признаваемо не только правомерным, но и необходимым (например, калым), в связи с чем уголовно-правовая новелла окажется мертворожденной, так как, находясь под влиянием исторических традиций, человек будет вынужден выбирать между различными социальными нормами. В такой ситуации, когда правовому воздействию противостоит моральное воздействие группы, выбор зачастую оказывается не в пользу правовых норм, в первую очередь ввиду реальной неотвратимости широкого спектра групповых санкций, чего, увы, не может продемонстрировать правовое воздействие.

Применительно к процессу криминализации следует констатировать, что характер уголовно-правового решения предопределяется как объективными характеристиками действий, опасных для господствующих общественных отношений, так и оценкой социальной ситуации со стороны общности, чья воля воплощается в уголовном законе. В таких условиях криминализация деяний, слабо осуждаемых моралью общества или даже безразличных с точки зрения морали, ведет к «вымыванию» из-под уголовного права более глубокого нормативного слоя и, тем самым, к разрушению убеждения, которое вместе с принуждением образует фундамент уголовно-правового регулирования общественных отношений. Такое расширение круга преступлений может создать ситуацию, о которой К. Маркс писал: «Народ видит наказание, но не видит преступления, и именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание» [8].

Таким образом, исследование представлений о сущности преступного поведения представляется крайне важным в плане обоснования уголовно-правового запрета. Обоснованный учет всех факторов, влияющих на формирование представления о преступном поведении в процессе законотворчества, позволит избежать конфликта между уголовно-правовыми и иными социальными нормами, что, в свою очередь, должно привести к повышению качества уголовного законодательства и уровня уголовно-правовой охраны интересов личности, общества и государства. Известный юрист А. Ф. Кони писал, что, «…выделяя из ряда схожих житейских явлений понятие преступного деяния, законодатель должен руководствоваться нравственными и общественными идеалами, потребностями государства и целями общежития» [9]. Только в этом случае можно вести речь о законе справедливом и отвечающем интересам не только государства, но и общества.

1. *Tappan P. W. Who is the Criminal? // American Sociological Review. 1947. 12 Feb. P. 96–102.*
2. *Шур Э. М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М. : Прогресс, 1977. С. 26.*
3. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 13. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 516.*
4. *Цит. по: Кикоть А. В. Эволюция идейно-теоретических представлений о преступности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 15.*
5. *Кайзер Г. Криминология: Введение в основы / пер. с нем. В. Д. Балакина. М. : Юрид. лит., 1979. С. 94–97.*
6. *Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.*
7. *См.: Социология преступности: (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 43.*
8. *Цит. по: Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. С. 125.*
9. *Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1955. С. 32.*

343.97

И. Е. Горемычкин
I. E. Goremychkin

Соотношение групповых образований Общей и Особенной частей уголовного закона России (на примере статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации)

The Ratio of Group Formations General and Specific Parts of the Russian Criminal Law (for Example, Article 210 of the Criminal Code)

В статье содержится анализ соотношения положений о соучастии Общей и Особенной частей УК. Автор предлагает внести изменения в действующее уголовное законодательство РФ в данной области.

The paper contains an analysis of the relation of the provisions of complicity general and specific parts of the Criminal Code. The author's proposal to amend the existing criminal laws of the Russian Federation in this field.

Уголовное право; организованная преступность; квалификация групповых преступлений; организованная группа; преступное сообщество

Criminal law; organized crime; qualification group crimes; organized group; criminal community

Вопросы, связанные с соотношением положений о групповой преступности Общей и Особенной частей УК [1], приобретают все более острый и дискуссионный характер. Несмотря на различное содержание норм, закрепленных статьями Общей и Особенной частей УК, по смыслу уголовного закона положения частей составляют внутреннее неразрывное единство. Они дополняют друг друга [2]. Более того, некоторые ученые полагают, что соучастие является дискретным институтом, складывающимся из взаимно корреспондирующих групп относительно обособленных нормативных предписаний. Об этом свидетельствует смысловое соподчинение соответствующих норм Особенной части УК и норм о соучастии, расположенных в Общей части УК [3]. Однако вышеизложенная позиция далеко не бесспорна.

Проведем анализ соотношения положений ст. 210 и ч. 4 ст. 35 УК, предусматривающей исчерпывающий перечень разновидностей криминальной кооперации.

Итак, диспозиция ч. 1 ст. 210 УК такова: «Создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений». Поражает громоздкость

© Горемычкин И. Е., 2015
© Goremychkin I. E., 2015

и запутанность данной конструкции. В свою очередь, п. 4 ст. 35 УК указывает, что преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Противоречивость определений преступного сообщества (преступной организации), данных в Общей и Особенной частях УК, очевидна. Так, положения ст. 35 УК обязательной целью деятельности преступного сообщества (преступной организации) предполагают совместное совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Однако для преступного сообщества (преступной организации), описание которого мы видим в ст. 210 УК, получение какой-либо финансовой или материальной выгоды необязательно.

Получается, что организованная группа, отвечающая всем требованиям положений ст. 210 УК, занимается исключительно убийствами по мотивам кровной мести или религиозной вражды и не может быть квалифицирована как преступное сообщество (преступная организация), поскольку совершаемые преступления не направлены на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, чего требуют положения ст. 35.

Пункт 4 ст. 35 УК обозначает преступное сообщество как структурированную организованную группу или объединение организованных групп. Прилагательные «структурированный» и «организованный» являются синонимичными [5]. Получается, если перефразировать определение преступного сообщества, предложенное в ст. 35 УК, преступное сообщество — это «организованная организованная группа» или дважды организованная группа. Кроме того, возникает вопрос: а разве организованная группа, определение которой мы находим в ч. 3 ст. 35 УК, не имеет структуры? Она неструктурированная или, иными словами, неорганизованная?

Пленум Верховного Суда РФ высказывает свое мнение по рассматриваемому вопросу в постановлении от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [6]. В п. 2 высший судебный орган России предписывает судам при решении вопроса о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК, опираться на положения ч. 4 ст. 35 УК. В п. 3 данного постановления раскрывается понятие преступного сообщества (преступной организации), указывается, что «под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации)». В п. 5 говорится: «Объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений».

Очень интересна позиция Верховного Суда РФ, изложенная в п. 9 рассматриваемого постановления: «Если участники организованной группы, первоначально объединившиеся для совершения преступлений небольшой и (или) средней тяжести, совершили одно или несколько тяжких и (или) особо тяжких преступлений, их действия подлежат квалификации по соответствующей части статьи 210 УК РФ при условии, что эта организованная группа до совершения тяжкого или особо тяжкого преступления преобразовалась в преступное сообщество (преступную организацию), то есть стала обладать признаками, предусмотренными частью 4 статьи 35 УК РФ». Таким образом, получается, что положения ст. 35 УК дают более точную характеристику преступного сообщества (преступной организации). Возникает закономерный вопрос: почему изложенные критерии преступного сообщества не применяются в диспозиции ст. 210 УК, в соответствии с которой лицо и привлекается к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества и участие в таковом?

Итак, при соотношении и сравнении положений ст. 35 и 210 УК приходим к выводу,

что они не соответствуют друг другу. Определения одной и той же формы криминальной кооперации по-разному зафиксированы в Общей и Особенной частях уголовного закона России.

Проблема, на наш взгляд, коренится именно в положениях ст. 35 УК. Перечисленные в ней групповые образования в науке и правоприменительном сообществе принято именовать формами соучастия, хотя законодатель подобной формулировки избегает. Однако, если обратить внимание, все разновидности криминальной кооперации, изложенные в ст. 35 УК, являются прежде всего группами. Законодатель различает их по абстрактному, на наш взгляд, признаку большей или меньшей сплоченности. Группа является основой любой совместной деятельности, в том числе и преступной. В свою очередь, в рамках действующего УК термин «группа» может использоваться только применительно к институту соучастия [7].

Под группой в социальной психологии понимается «реально существующее образование, в котором люди собраны вместе, объединены каким-то общим признаком, разновидностью совместной деятельности или помещены в какие-то идентичные условия, обстоятельства (также в реальном процессе их жизнедеятельности), определенным образом сознают свою принадлежность к этому образованию» [8].

Получается, что уголовно-правовое и социально-психологическое понятие группы практически ничем не отличаются.

В этой связи совершенно правильно отмечает Н. Г. Иванов, что факт практически полной аналогии социально-психологических и уголовно-правовых признаков группы свидетельствует о том, что вряд ли целесообразно изобретать некие специфические юридические черты, присущие криминальному ноумену «группа» [9]. Любую совместную преступную деятельность в уголовном праве именуют термином «соучастие». Таким образом, можно говорить о том, что понятия «группа» и «соучастие», по сути, идентичны. Следовательно, родовым признаком любого группового образования является группа, или соучастие, что одно и то же. Из того факта, что группа, или соучастие, — единственное родовое образование в отношении содержащихся в его рамках разновидностей, можно сделать вывод, что именно группа, или соучастие, есть единственная форма совместной преступной деятельности. Форма — это высший абрис явления и одновременно структурированная система конкретного образования. В отношении одного и того же образования может быть лишь одна форма [10]. Абсолютно справедливо, что «объективно-субъективная общность деятельности и интересов находит конкретное воплощение в совместной деятельности группы. Любая группа, в сущности, образуется для того, чтобы на основе совместной деятельности достичь максимально эффективной реализации общих интересов. Именно поэтому признак совместности законодатель ввел в число конститутивных признаков соучастия ст. 32» [11].

Действительно, если соотнести положения ст. 210 УК с определением соучастия, закрепленным в ст. 32 УК (совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления), мы не увидим каких-либо противоречий и несоответствий.

Социальная психология, в свою очередь, также выделяет разновидности групп (большие, малые, условные, реальные, естественные и т. д.), однако само единое понятие группы остается родовым определением для них всех. Полагаем, что в вопросах групповой преступной деятельности применим точно такой же подход.

На фоне единого понятия группы (соучастия) должны выделяться разновидности соучастия (разновидности преступных групп) на основании присущих только этим группам признаков или их «криминальной специализации». Так, обязательный признак для банды (ст. 209 УК) — вооруженность, для незаконного вооруженного формирования (ст. 208) — вооруженный мятеж или насильственный захват власти, для террористического сообщества (ст. 205.4) — осуществление террористической деятельности или совершение преступлений террористической направленности и т. д. В рамках данной статьи мы лишены возможности провести более детальный анализ соотношения всех групповых образований Особенной и Общей частей УК, однако наверняка можно говорить о том, что и другие виды криминальной кооперации Особенной части не корреспондируют с положениями ст. 35 УК.

Статья 35 УК, как показано выше, является неким прокрустовым ложем, в которое законодатель вынужден вмещать все разнообразие разновидностей криминальной кооперации. Полагаем, что в целях упрощения квалификации групповых преступлений, четкости разграничения разных видов криминальной кооперации, недопущения запутанности, громоздкости и дублирования норм ст. 35 должна быть исключена из УК.

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: Российское уголовное право: Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2013. С. 28.
3. См.: Кубов Р. Х. Трансформация института соучастия в современном уголовном праве // Рос. следователь. 2007. № 16. С. 20–21.
4. См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М., 2012. С. 1154.
5. См.: Сайт синонимов. URL: http://словарь-синонимов.рф/words/структурированный (дата обращения: 12.02.2015).
6. См.: БВС РФ. 2010. № 8.
7. См.: Российское уголовное право … С. 232.
8. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 176.
9. См.: Иванов Н. Г. Уголовное право: Общая часть. М., 2014. С. 356–357.
10. См.: Там же.
11. Иванов Н. Г. К вопросу о понятии группы в российском уголовном праве // Гос-во и право. 2000. № 11. С. 49.

343.23

А. Л. Иванов
A. L. Ivanov

Категоризация преступлений в законе и в правоприменении

Categorization of Crimes in the Law and in the Enforcement

В статье рассматриваются критерии деления преступлений на категории, предусмотренные в уголовном законе, и уточняется их значение. Обращается внимание на то обстоятельство, что фактически решение этого вопроса нередко находится в компетенции не законодателя, а правоприменителя, что не может способствовать единообразному применению уголовного закона, влечет нарушение принципов законности, равенства и справедливости.

Examines the criteria for dividing the crime categories provided for in criminal law and clarifies their meaning. Attention is drawn to the fact that the actual resolution of this issue is often not within the competence of the legislator and the law enforcer that can not contribute to the uniform application of the criminal law, a violation of the principles of legality, equality and justice.

Категоризация преступлений; критерии деления преступлений на категории; законодатель; правоприменитель; значение категоризации преступлений

Categorization of crimes; division criteria crime categories; the legislator; law enforcer; the value of categorizing crimes

Согласно ч. 1 ст. 15 УК [1] все преступления подразделяются на известные четыре категории в зависимости от характера и степени общественной опасности, которая, в свою очередь, применительно к каждой категории формализуется в предельном сроке наказания в виде лишения свободы с учетом еще и формы вины содеянного. Считается также, что решение вопроса об отнесении того или иного преступления к определенной категории находится в исключительной компетенции законодателя. Так ли это на самом деле?

Отвечая на этот вопрос прежде всего будет уместным воспроизвести справедливое замечание В. С. Прохорова о том, что категоризация преступлений в рамках ст. 15 УК («типологизация») осуществляется только по степени общественной опасности, а не по ее характеру, что как раз и объясняет нахождение в одной классификационной группе разных по объекту посягательства преступлений [2].

Также важнейшим критерием категоризации преступлений выступает форма вины. Как известно, по этому параметру неосторожные преступления рассредоточены в категориях преступлений только небольшой и средней тяжести, умышленные — по всем четырем категориям.

На первый взгляд, исчерпывающим образом законодатель определяет и порядок отнесения преступлений к той или иной разновидности: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 24 УК). Исчерпывающим образом еще

© Иванов А. Л., 2015
© Ivanov A. L., 2015

и потому, что в ст. 25, 26 УК раскрывается содержание каждой из названных форм вины. Дело, однако, в том, что далеко не во всех статьях (частях статей) Особенной части УК присутствует указание на форму вины и в таких случаях, как отмечал Б. В. Волженкин, вина должна устанавливаться не иначе, как путем толкования уголовного закона с учетом особенностей объективной стороны преступления, включенных в число признаков состава характеристик мотива и цели деяния и иных обстоятельств [3]. Следовательно, в таких случаях вопросы о признании преступления умышленным или неосторожным, а также об отнесении того или иного преступления к конкретной категории переходит из компетенции законодателя к правоприменителю. По мнению П. Яни, возлагать на судью и следователя столь тяжелую ношу нет необходимости, потому что наступление общественно опасных последствий при совершении преступлений с формальным составом специально доказывать не надо: возникновение этих последствий презюмируется фактом совершения действий (бездействия). В преступлениях же с материальным составом общественно опасные последствия подлежат установлению отдельно, так сказать, от действий. В понимании законодателя неосторожная форма вины определяется отношением лица не к действиям (бездействию), а к их последствиям. В ст. 24 УК речь идет не о совершаемом деянии, а о совершенном. «Иными словами, здесь говорится не о том, что то или иное деяние в принципе может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, а о признании преступлением конкретного, уже совершенного и *подлежащего оценке с позиций уголовного закона деяния* (курсив наш. — *А. И.*). А конкретное деяние — если не иметь в виду достаточно редкие случаи, в частности, выполнения материальных составов с несколькими последствиями — совершается либо умышленно, либо неосторожно» [4]. Соглашаясь с последним выводом, нельзя не отметить, что до него автор признал объективно существующую необходимость оценки содеянного с позиций уголовного закона. А последний в этой части дает основания для суждений различного рода. В этой связи, например, трудно согласиться с точкой зрения авторов одного из комментариев к УК, на которую ссылается П. Яни: «…В случаях, когда диспозиция статьи Особенной части не конкретизирует форму вины, соответствующее преступление может быть только умышленным» [5]. На наш взгляд, из содержания ч. 2 ст. 24 УК однозначно следует другое: преступление может быть признано только неосторожным, когда указание на такую форму вины присутствует в законе. Если такое указание отсутствует и не оговаривается умышленная форма вины, преступление может быть признано как умышленным, так и неосторожным. Однако и наше мнение, и приведенные выше — это всего лишь попытки комментирования несовершенного уголовного закона.

Наглядным примером возможности неоднозначного толкования уголовного закона в этом вопросе может служить ст. 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности» УК. Из содержания ч. 1, 2 данной статьи однозначно следует вывод о том, что предусмотренные в этих двух случаях преступления являются неосторожными, поскольку именно на такое отношение к последствиям нарушения требований в области транспортной безопасности указывает законодатель, причем само по себе нарушение названных требований уголовно ненаказуемо, а потому отношение лица к ним вообще нельзя называть ни умышленным, ни неосторожным (имеющиеся в литературе суждения о том, что такие преступления характеризуются изначально двумя формами вины, т. е. прямым или косвенным умыслом по отношению к самому нарушению требований, следует признать противоречащими ст. 27 УК [6]). Вопросы возникают при ознакомлении с содержанием ч. 3, 4 названной статьи, в которых речь идет о деяниях, предусмотренных ч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенных группой лиц по предварительному сговору (или организованной группой) либо повлекших по неосторожности смерть человека (или смерть двух и более лиц). Однако может ли неосторожное преступление характеризоваться наличием предварительного сговора или совершаться организованной группой? Учитывая понятие соучастия и отдельных форм его проявления, регламентированных в ст. 32, ч. 2, 3 ст. 35 УК, ответ может быть только один: нет. Могут ли названные квалифицирующие признаки (группа и организованная группа) «превращать» неосторожные преступления в умышленные? Не могут, потому что тогда преступления первого рода должны быть изначально умышленными. Так о каких же преступлениях с точки зрения формы вины в данном случае идет речь, а соответственно, к какой категории они относятся — к средней тяжести или тяжким?

Поэтому мы настаиваем, что на сегодняшний день (даже без учета ч. 6 ст. 15 УК) решение вопроса о категоризации преступлений в ряде случаев остается не за законодателем, а за правоприменителем.

В теории отечественного уголовного права долгое время незыблемым было положение о том, что правовые последствия, фактически последовавшие за содеянным, не должны влиять на категорию совершенного преступления, определить которую вправе только законодатель. Другими словами, если за совершение, например, тяжкого преступления, суд назначил наказание в виде лишения свободы на срок пять лет или менее того, данное преступление не переставало быть тяжким со всеми присущими названной категории преступлений уголовно-правовыми последствиями. Это положение разделяли даже те специалисты, которые саму категорию преступления

называли «явно умозрительной конструкцией» [7]. Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8] ст. 15 УК дополнена ч. 6, в соответствии с которой не только законодатель, но и суд может изменить категорию совершенного преступления (на менее тяжкую). Тем самым данный Закон, по существу, наделяет правом федеральный суд (судью) общей юрисдикции, а также мирового судью по своему усмотрению изменять ранее принятый с соблюдением конституционного порядка и уже действующий федеральный закон, каким является УК [9]. Судебная «трансформация» категории совершенного преступления пока не имеет надлежащего правового механизма реализации, нарушает внутриотраслевые связи в уголовном и уголовно-процессуальном праве [10]. Тем не менее она уже нашла свое отражение в нескольких постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (от 02.04.2013 № 6 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» (п. 4) [11]; от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (п. 26) [12]; от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» (п. 15) [13]), и остается ждать, как она будет реализована на практике.

Однако в этой связи уже сегодня можно обратить внимание на одно обстоятельство.

При неизменности категории преступлений небольшой тяжести их фактическое количество может отличаться от количества зарегистрированных преступлений данной категории только в сторону увеличения вследствие перевода в нее преступлений средней тяжести. Фактическое количество преступлений средней тяжести и тяжких может как уменьшаться, так и увеличиваться в сравнении с зарегистрированным. Количество особо тяжких преступлений может только уменьшаться в сравнении с зарегистрированным. И, как свидетельствует официальная статистика, такое движение преступлений между категориями уже регистрируется. Так, например, из 340 709 осужденных за преступления небольшой тяжести в 2013 г. 903 осужденным была изменена категория тяжести. По преступлениям средней тяжести эти показатели составили 182 332 и 596 соответственно [14]. Однако, как это было сделано при отсутствии в уголовном и уголовно-процессуальном законе полноценного механизма реализации положения, предусмотренного ч. 6 ст. 15 УК, остается только догадываться. Не совсем ясно и другое: в сводных статистических сведениях о состоянии судимости в России за 2013 г. (форма 11, графа 36 «Характеристики преступления, его рецидива и повторности») показатели изменения судом категории преступлений присутствуют напротив всех четырех категорий, чего в виде единого показателя, по нашему мнению, быть просто не может. По двум категориям преступлений — средней тяжести и тяжким — должно присутствовать указание на количество преступлений, во-первых, переведенных в менее тяжкую категорию, а во-вторых, «поступивших» в них из более тяжких категорий.

В свете принципов уголовного права, закрепленных в ст. 3, 4, 6 УК, приведенные примеры не совсем удачной категоризации преступлений на законодательном и правоприменительном уровнях, на наш взгляд, требуют первостепенного и безотлагательного внимания именно законодателя.

---

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. См.: Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 350.

3. См.: Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 59–60. См. также: Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 44.

4. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Рос. юстиция. 2002. № 12. С. 46.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Спарк, 2000. С. 41.

6. См., напр.: Шабунина А. Н., Горевой Е. Д. Специфика уголовной ответственности за необеспечение транспортной безопасности // Уголовный процесс. 2011. № 11. С. 42–43.

7. Колоколов Н. А. Категория преступления — величина переменная? // Мировой судья. 2012. № 7. С. 2.

8. См.: СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

9. См.: Малков В. П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. 2013. № 11. С. 36–37.

10. См.: Там же. С. 38; Никулин С. И. Вопросы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. 2012. № 5. С. 99–101.

11. См.: БВС РФ. 2013. № 6.

12. См.: Там же. № 8.

13. См.: РГ. 2014. 4 июня.

14. См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год по форме 11 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2041 (дата обращения: 15.02.2015).

343.225

С. А. Огурцов
S. A. Ogurtsov

Основания для применения принудительных мер медицинского характера

The Reasons for the Application of Compulsory Measuresof Medical Character

В статье исследуются основания для оказания психиатрической помощи лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости. В этих целях проводится межотраслевой анализ, базирующийся не только на нормах действующего уголовного закона, но и на нормах УПК, Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», постановлениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также прецедентной практике ЕСПЧ, критерия опасности для себя или окружающих либо возможности причинить иной существенный вред. К сожалению, в национальной правовой системе данный показатель не раскрывается, что является пробелом российского уголовного законодательства, в силу чего автором предлагается разработать шкалу общественной опасности психически больных лиц и внедрить ее в судебную и экспертную практику.

Невменяемость; принудительные меры медицинского характера; опасность для себя или других лиц либо возможность причинить иной существенный вред

The article analyses the grounds for rendering of mental health services for persons, who have committed socially-dangerous acts insanely. For this end, it is provided the cross-sectoral analysis, that is based not only on the norms of the effective criminal law, but also on the rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Federal Law "On psychiatric care and guarantees of citizens' rights in its provision", the rulings of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the decisional law of the European Court of Human Rights, the criterion of danger for own self and other individuals or the ability to inflict other substantial harm. Unfortunately, in the national legal system this measure is not disclosed, which is a deficiency of the Russian criminal law. Therefore, the author proposes to develop a scale public danger mentally ill persons and to implement it in court and expert practice.

Insanity; compulsory measures of medical nature; danger for own self and other individuals or the ability to inflict other substantial harm.

В гл. 15 УК [1] предусмотрены виды психиатрической помощи, которые могут оказываться лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости. Согласно ст. 97 УК психиатрическое лечение невменяемых может осуществляться в рамках назначения принудительных мер медицинского характера, а также в порядке применения непринудительных мер, предусмотренных Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [2] (далее — Закон о психиатрической помощи).

Основанием для применения принудительных мер медицинского характера в соответствии с ч. 2 ст. 97 УК является имеющаяся у лица опасность для себя или других лиц либо возможность причинения иного существенного вреда (далее — опасность). В связи с этим возникает вопрос: какие факторы

© Огурцов С. А., 2015
© Ogurtsov S. A., 2015

могут напрямую свидетельствовать о наличии у невменяемого критериев опасности?

К сожалению, в гл. 15 УК не раскрывается содержание оснований назначения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости. Хотя в абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 № 1531-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абламского Сергея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав главой 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3] говорится, что положения гл. 51 УПК [4], действуя в системной связи с соответствующими нормами уголовного закона, не предполагают возможности суда произвольно применять принудительные меры медицинского характера, в том числе в отношении лиц, не представляющих в силу своего психического состояния опасности для себя и для других лиц.

Более того, из смысла абз. 4 п. 1.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева» [5] следует, что отсутствие в законе формально определенных критериев понятия «психическое состояние», являющихся основанием для применения, продления, изменения или прекращения принудительных мер медицинского характера, которые базируются на критерии опасности для себя или других лиц, относится к категориальному аппарату наук, изучающих психическую сферу человека, само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные права лиц. Их содержание конкретизируется судом в каждом уголовном деле на основе подтвержденных доказательствами фактических обстоятельств с помощью специальных познаний экспертов в области судебной психиатрии. Исходя из их выводов о наличии или отсутствии у лица психического расстройства и о существовании в связи с этим опасности причинения им вреда себе самому или другим лицам, суд устанавливает соответствующие изменения в психическом состоянии данного лица, выступающие в качестве правообразующих, правоизменяющих или правопрекращающих юридических фактов, и тем самым обеспечивает справедливое разрешение уголовного дела либо возникающих в связи с применением принудительных мер медицинского характера процессуальных вопросов. Именно суд, исследуя вопрос о наличии оснований для применения, продления, изменения или прекращения применения к лицу принудительных мер медицинского характера, обязан проверить в судебном заседании обоснованность выводов специалистов-психиатров о наличии у лица психического расстройства и его возможных последствиях и в зависимости от психического состояния лица принять надлежащим образом мотивированное решение по делу.

Таким образом, решение вопроса о наличии или отсутствии критерия опасности, по мнению Конституционного Суда РФ, должно осуществляться на основании проверенных в судебном заседании выводов, изложенных в заключении судебно-психиатрической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, что, на наш взгляд, вряд ли является безоговорочно правильным по следующим причинам. Во-первых, у работников судебной системы отсутствуют специальные познания, позволяющие правильно оценить выводы, изложенные в заключении эксперта, и сопоставить их с материалами уголовного дела. Во-вторых, при возникновении у сторон, участвующих в деле, или у суда сомнений в обоснованности, научности и мотивированности заключения первичной экспертизы суд в соответствии со ст. 283 УПК может назначить повторную экспертизу. В случае получения результатов повторной экспертизы, которые имеют существенные расхождения с заключением первичной экспертизы, суд в приговоре или в постановлении о назначении принудительных мер медицинского характера должен детальным образом прописать, на основании чего он признает одно заключение законным, обоснованным, научным и мотивированным, а другое — не отвечающим вышеназванным требованиям, в силу чего оно не может быть положено в основу судебного акта.

Видится, что принимать решение об обоснованности того или иного заключения эксперта суд будет в подавляющем большинстве случаев субъективно, не опираясь на научные достижения современной судебной психиатрии.

Наконец, анализ судебной практики свидетельствует о том, что судьи в постановлениях о назначении принудительных мер медицинского характера либо указывают на наличие у лица опасности для себя или других лиц, не раскрывая содержания данного критерия (см. постановления Московского городского суда об освобождении от уголовной ответственности и о применении принудительных мер медицинского характера от 24.11.2010 № 2-108/10, от 12.12.2012 № 2-129/12, от 27.04.2012 № 2-36/12), либо вовсе игнорируют

его (см. постановление Московского городского суда об освобождении от уголовной ответственности и о применении принудительных мер медицинского характера от 08.12.2011 № 2-138/11).

Определенная попытка дать разъяснение формулы опасности была предпринята в абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [6], в соответствии с которым об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда могут свидетельствовать характер психического расстройства, подтвержденного выводами судебно-психиатрической экспертизы, склонность лица в связи с этим к совершению насильственных действий в отношении других лиц или к причинению вреда самому себе, к совершению иных общественно опасных действий (изъятию чужого имущества, поджогов, уничтожению или повреждению имущества иными способами и др.), а также физическое состояние такого лица, с учетом которого оценивается возможность реализации им своих общественно опасных намерений.

Однако приведенное в названном постановлении толкование формулы опасности не содержит в себе каких-либо четких критериев, однозначно свидетельствующих об опасности лица. Основной критерий, к которому сводится формула опасности, состоит в склонности к совершению общественно опасных деяний. Позиция, закрепленная в абз. 2 п. 17 данного постановления, базируется на доктринальных подходах, высказанных в юридической литературе [7], которые, к сожалению, исходят только из двух весьма расплывчатых показателей — склонности к совершению насильственных и иных общественно опасных деяний, а также физического состояния лица. В то же время в судебной психиатрии при решении вопроса о наличии или отсутствии опасности руководствуются также обстановкой, в которой находится лицо, совершившее общественно опасное деяние, спецификой протекания психического расстройства и личностными особенностями невменяемого.

Не обрисовывает четких границ понятия «опасность» и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [8] (далее – Конвенция), которая в п. «е» ч. 1 ст. 5 указывает, что заключение под стражу душевнобольного будет законным только в том случае, если заключение было осуществлено в порядке, установленном законом. Из буквального толкования Конвенции следует, что решение вопроса об изоляции психически больного должно осуществляться в рамках национальной правовой системы государств — членов Конвенции. Однако в процессе правоприменения и толкования Конвенции ЕСПЧ были выработаны три минимальных условия, позволяющих говорить о том, что индивид был лишен на законных основаниях свободы. К данным условиям относятся следующие: 1) необходимо наличие убедительных доказательств того, что лицо является психически больным; 2) психическое расстройство должно быть таким, которое предполагает принудительные меры лечебного характера; 3) продолжительность содержания в лечебнице должна быть обоснована течением болезни (см. постановления ЕСПЧ от 23 февраля 1984 г. «Люберти против Италии» [9], от 28 октября 2003 г. «Ракевич против Российской Федерации» [10]).

К сожалению, выделенные ЕСПЧ критерии не позволяют детально раскрыть содержание показателя опасности для себя или других лиц.

В судебной психиатрии разработаны различные направления по определению критерия опасности, которые получили широкое применение в процессе производства различного рода судебно-психиатрических экспертиз.

Общим началом в судебной психиатрии, на котором базируется выбор принудительной меры медицинского характера либо мер, реализуемых в соответствии с Законом о психиатрической помощи, является принцип необходимости и разумности как показатель наличия либо отсутствия опасности и возможности проведения лечебно-реабилитационных мероприятий [11].

Для оценки характера совершенного общественно опасного деяния, по мнению ряда психиатров, допустимо применение классификации преступлений по категориям, предусмотренным в ст. 15 УК. Таким образом, все общественно опасные деяния могут получить следующие индексы: 1 — деяния небольшой тяжести; 2 — деяния средней тяжести; 3 — тяжкие деяния; 4 — особо тяжкие деяния.

Психиатрами также разработана шкала вероятности совершения общественно опасных деяний, в которой: 0 — это отсутствие вероятности совершения общественно опасного деяния; 1 — малая вероятность (случаи, в которых имеется психопатологический синдром, предрасполагающий к совершению общественно опасного деяния, но механизм совершения последнего не сформирован); 2 — условная вероятность (случаи, в которых общественно опасное деяние может быть совершено по негативно-личностному или продуктивно-психическому механизму при определенном стечении обстоятельств); 3 — безусловная вероятность (случаи, в которых стремление к совершению общественно опасного деяния отмечается в любой обстановке); 4 — высокая вероятность.

Таким образом, степень общественной опасности больного можно определить как среднее арифметическое между суммой тяжести прогнозируемого деяния в баллах и вероятностью его совершения в баллах. Если использовать знаковые символы, то данное правило можно выразить следующим образом:

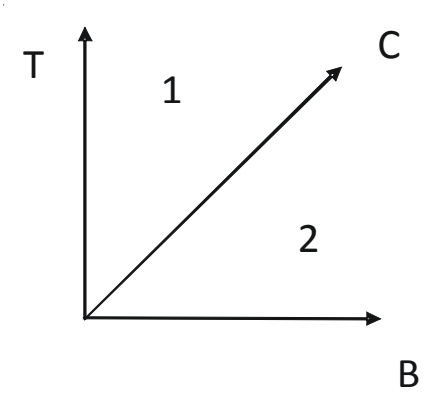
$$O = (T + B) : 2,$$

где *О* — степень общественной опасности больного;

Т — тяжесть прогнозируемого общественно опасного деяния в баллах;

В — вероятность совершения общественно опасного деяния в баллах.

Нужно иметь в виду, что индекс (коэффициент) общественной опасности больного может содержать не только целые, но и дробные показатели (0,5; 1,5; 2,5; 3,5), это дает возможность признавать данную шкалу восьмибалльной. Количественные показатели тяжести общественной опасности деяния и вероятности повторного совершения общественно опасного деяния предлагают изображать графически, что позволит определить степень общественной опасности больного:



Т — тяжесть совершенного деяния;

В — вероятность совершения общественно опасного деяния;

С — средняя линия с координатами больных, у которых *Т* и *В* равны между собой;

1 — зона преобладания продуктивно-психотических механизмов совершения общественно опасных деяний;

2 — зона преобладания негативно-личностных механизмов совершения общественно опасных деяний.

Судебными психиатрами отмечается весьма низкая вероятность повторного совершения общественно опасных деяний психически больными несовершеннолетними с продуктивно-психотическими механизмами [12]. Таким образом, большая часть психически больных будет располагаться в зоне, обозначенной цифрой 1.

Невменяемые с негативно-личностными механизмами совершают чаще всего менее общественно опасные деяния, чем лица из первой группы. Но при этом им свойственно повторное совершение общественно опасных деяний, приобретающих в некоторых случаях систематический характер, что значительно повышает индекс вероятности. По этой причине показатели, характеризующие общественную опасность невменяемого, будут располагаться в зоне, обозначенной цифрой 2 [13].

Получается, что в основу названного подхода положены свидетельствующие об опасности невменяемого факторы — продуктивно-психотические и негативно-личностные.

Другой подход к определению опасности осуществляется на основании концепции «синдром — личность — ситуация», поскольку опасность представляют конкретные антисоциальные действия, совершенные в определенном антисоциальном направлении с позиции личностного субъективного понимания места и роли своего «я» в данной конкретной ситуации [14].

Отметим, что в экспертных заключениях отсутствуют четкие и вразумительные для юриста критерии для понимания опасности, что исключает возможность оценить данное доказательство (экспертное заключение) в совокупности с другими доказательствами, проверить его на соответствие требованиям уголовного закона, а также приводит к выбору неадекватной принудительной меры медицинского характера либо вовсе к отказу в ее выборе.

Таким образом, единственным способом для решения рассматриваемой проблемы является разработка шкалы общественной опасности психически больных лиц, закрепленной в уголовном законе или ином нормативном правовом акте. Эта шкала должна базироваться на определенных показателях опасности, наличие либо отсутствие которых должно содержаться в экспертном заключении. Суду же при вынесении постановления необходимо соотнести такие показатели с закрепленными в нормативном правовом акте и принять соответствующее решение.

---

1. *См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.*
2. *См.: ВСНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.*
3. *Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».*

4. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

5. См.: СЗ РФ. 2007. № 48. Ст. 6030.

6. См.: РГ. 2011. 20 апр.

7. См.: Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера. М., 2008; Егоров В. С. Понятие и порядок применения принудительных мер медицинского характера. Пермь, 2007.

8. См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

9. См.: Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/lyuberti-protiv-italii-luberti-v-italy-postanovlenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 09.02.2015).

10. См.: Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: Постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 года. М. : Норма, 2005. С. 56–67.

11. См.: Критерии и обоснование дифференцированного применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния / под ред. В. П. Котова. М., 2008. С. 6. См. также: Принудительное лечение в психиатрическом стационаре / под ред. В. П. Котова. М., 2006. С. 326–338; Принципы проведения принудительного лечения психически больных / под ред. М. М. Мальцевой. М., 1988. С. 4–8; Кондратьев Ф. В. Судьба больных шизофренией: клинико-социальный и судебно-психиатрический аспекты. М., 2010. С. 237–251 и др.

12. См.: Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные деяния психически больных: психопатологические механизмы и профилактика. М., 1995. С. 13.

13. См.: Принудительное лечение в психиатрическом стационаре. С. 331–333; Макушкин Е. В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. М., 2009. С. 115–129.

14. См.: Кондратьев Ф. В. Указ. соч. С. 237.

351.77

А. Ю. Чупрова
A. Yu. Chuprova

Новые медицинские технологии: уголовно-правовые аспекты

New Medical Technologies: the Criminal-Legal Aspects

В статье рассмотрены проблемы применения уголовного законодательства в связи с развитием новых направлений в медицине, в частности дистанционного мониторинга состояния пациентов и применения электронной медицинской карты.

The problems of application of criminal law in connection with the development of new directions in medicine, in particular remote monitoring of patients and use of electronic medical records are analyzed in the article.

Телемедицина; служебный подлог; уголовная ответственность; официальный документ; дистанционный мониторинг здоровья; информированное согласие; электронная медицинская карта

Telemedicine; forgery; criminal responsibility; official document; remote health monitoring; informed consent; medical records

Одно из новых направлений медицины — дистанционный контроль за состоянием здоровья пациентов — создает определенные действительные и потенциальные правовые проблемы. Пока еще дистанционный контроль за состоянием больных с использованием Интернета в нашей стране проводится достаточно редко, в основном в виде пилотных проектов. В зарубежных странах в 2012 г. около 3 млн человек пользовались системами удаленного мониторинга для контроля за своим здоровьем, а объем рынка составил 6,9 млрд долл. США [1].

Однако дистанционный контроль за здоровьем пациентов нашел отражение в ближайших планах российской медицины. В августе 2010 г. Минздравсоцразвития России была опубликована программа «О приоритетных направлениях информатизации здравоохранения», где говорится о разработке решений по оперативному и постоянному сбору и дистанционной передаче сведений о состоянии здоровья человека его лечащему врачу, удаленном мониторинге состояния здоровья пациента круглосуточно, вне зависимости от его местоположения, с мгновенным анализом его биометрических показателей. Как указано в «Стратегии медицинской науки», для реализации бесконтактной диагностики будут применяться электронные браслеты, сетевые информационные технологии, датчики, малоразмерные сенсоры, портативные чипы и биочипы. Данные с них можно получать с помощью специального сканера. Биочип также имеет *GPS*-передатчик, благодаря которому можно выйти в Интернет через спутник, чтобы проверить состояние человека. Подобные браслеты («Опека») разработаны в Ростове ВНИИ «Градиент» и НПП «Тест». Телеметрические данные, полученные прибором, с помощью встроенного в него *SIM*-чипа передаются по мобильной связи в диспетчерский центр, где автоматически обрабатываются, в случае угрозы для здоровья пациента передается сигнал медицинскому персоналу.

© Чупрова А. Ю., 2015
© Chuprova A. Yu., 2015

В свою очередь, медицинский персонал через соответствующие устройства, подключенные к сотовому телефону или Интернету, может в любое время получить информацию о больных, их состоянии и местоположении. Эта система удаленного мониторинга состояния здоровья пациентов апробирована в России еще в 2010 г. Помимо браслетов, в пилотных проектах использовались и иные мобильные диагностические устройства, состоящие из набора беспроводных медицинских датчиков, смартфона, собирающего и анализирующего данные, и облачной программной платформы, производящей диагностику и передающей эти данные врачу, пациенту или его родственникам.

Все крупные операторы сотовой связи с 2010 г. начали предоставлять сервисы и заключать партнерские отношения в области мобильной медицины.

Интересно, что к системе мониторинга предполагается подключить не только больных людей, но и иные категории населения. В проведенном Высшей школой экономики в 2012 г. обзоре «Диагностическая медицина» отмечается, что крупнейшие заказчики этих направлений телемедицины — государство и корпорации, которые и получат всеобъемлющую информацию о состоянии здоровья граждан России. Причем все медицинские сведения будут аккумулироваться коммерческой организацией — Центром обработки данных [2].

Оснащение граждан электронными браслетами и иными электронными устройствами, позволяющими идентифицировать информацию о здоровье каждого человека, и предложенная методика ее обработки в коммерческих структурах, основной целью деятельности которых является получение прибыли, заставляет задуматься о сохранении не только врачебной тайны, но и иной конфиденциальной информации.

Информация, касающаяся здоровья конкретного лица, представляет значительную коммерческую ценность и может быть использована как в легальных, так и в противоправных целях (например, для криминального решения проблем с донорскими органами). Настораживает, что в решении заседания Президиума Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в России от 20.12.2010 № А4-18040 было предложено введение системы интегрированной электронной медицинской карты, карточки потенциального донора, формирование карточки донорского органа, учет его использования, подбор донор-реципиента. Поскольку вопросы, связанные с информацией о здоровье человека, напрямую затрагивают его основополагающие блага — жизнь и здоровье, представляется целесообразным обеспечить особый режим охраны этих данных и включить в УК специальную норму о медицинской тайне, что уже предлагалось российскими правоведами [3], но при этом возложить обязанность по ее хранению не только на медицинских работников, но и на иных участников отношений в сфере телемедицины — информационных посредников (провайдеров).

Все данные о здоровье конкретного человека, полученные с использованием электронных приборов, необходимо концентрировать в какомлибо документе, представленном или на бумажном носителе, или в электронной форме. В медицинской среде пока ведутся дискуссии, как этот документ будет называться: электронной историей болезни (рекомендовано ГОСТ Р 52636-2006 «Электронная история болезни. Общие положения» [4]), или электронной медицинской картой (далее — ЭМК), или интегрированной электронной медицинской картой (далее — ИЭМК), или персональной электронной медицинской картой (далее — ПЭМК). Различия между типами медицинских карт достаточно существенные: во-первых, место хранения, во-вторых, доступ пациента к содержащейся на карте информации, в-третьих, порядок установления уровня конфиденциальности.

Электронная медицинская карта — это совокупность электронных персональных медицинских записей, относящихся к одному человеку, собираемых, хранящихся и используемых в рамках одной медицинской организации. Интегрированная электронная медицинская карта представляет собой совокупность электронных персональных медицинских записей, относящихся к одному человеку, собираемых и используемых несколькими медицинскими организациями. Указанный документ может храниться как централизованно, так и децентрализованно в различных медицинских организациях. В последнем случае доступ к медицинским записям производится с помощью централизованного индекса, определенного организациями, создающими ИЭМК, и содержащего информацию о месте хранения каждой отдельной записи. Персональную электронную медицинскую карту можно охарактеризовать как совокупность электронных персональных медицинских записей, поступивших из различных источников и относящихся к одному человеку, который производит их сбор и управление ими. Хранение ПЭМК осуществляется либо ее владельцем, либо в специализированных хранилищах, доступ к которым предоставляется посредством сети Интернет провайдером на основе заключенного с владельцем карты договора.

Правила сбора, хранения и использования электронных карт, права доступа к ней устанавливаются для ЭМК медицинской организацией на основе национального стандарта ГОСТ «Электронная история болезни. Общие положения», а также в соответствии с требованиями законодательства, в том числе нормативными документами Минздрава России, для ИЭМК — организациями, ее создавшими на основе национального стандарта,

который пока отсутствует, но разработка которого ведется, для ПЭМК — специализированным провайдером. Доступ пациента к ЭМК, как правило, не предполагается; ИЭМК и ПЭМК для доступа пациенту открыты [5].

Поскольку ЭМК в любом ее варианте будет внедрена в медицинскую практику, помимо обеспечения конфиденциальности содержащихся в ней данных, возникает проблема определения ее статуса. В настоящее время медицинская карта стационарного больного (форма № 003/у, история болезни) или медицинская карта амбулаторного больного (форма № 25/у-87) муниципальных или государственных лечебных учреждений рассматриваются как медицинский документ, понятие которого дано в приказе Минздрава России от 22.12.2001 № 12 «О введении в действие отраслевого стандарта "Термины и определения системы стандартизации в здравоохранении"» [6]. Следует отметить, что перечень медицинской документации охватывает первичные (учетные) документы, отчеты, документы для правового обеспечения лечебно-диагностического процесса. С правовой точки зрения наиболее важна первичная медицинская документация (истории болезни и медицинские карты), большинство форм которой утверждено приказом Минздрава СССР от 04.10.1980 № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения» [7], отмененным приказом Минздрава СССР от 05.10.1988 № 750. Правомочность такого использования была подтверждена письмом Минздравсоцразвития России от 30.11.2009 № 14-6/242888 [8], в котором дается ссылка на соответствующую рекомендацию Минздрава России. Указанные документы удостоверяют определенные факты и события и ведутся во всех учреждениях, осуществляющих амбулаторный прием, общих и специализированных, городских и сельских, включая фельдшерско-акушерские пункты, а также в стационарах в соответствии с установленными Минздравом России требованиями.

Современная судебная практика относит медицинские карты в их бумажном варианте к официальным документам (см. дело № 1-11/2013 Когалымского городского суда; дело № 1-27/12 Унечского районного суда Брянской области; определение Верховного Суда РФ от 25.04.2002 № 83-002-13), хотя встречаются и исключения. Муравленский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа не усмотрел в действиях К. и В., занимающих должности в муниципальном учреждении здравоохранения, признаков преступления, предусмотренного ст. 292 УК [9], поскольку не признал медицинские карты стационарных больных, в которые были внесены не соответствующие действительности данные, официальным документом. Суд апелляционной инстанции оправдательный приговор отменил, указав, что названные медицинские документы обладали признаками официальных документов и являлись предметом служебного подлога, поскольку порядок их составления строго регламентирован государственными органами власти (см. приказ Минздрава России от 30.12.2002 № 413 «Об утверждении учетной и отчетной медицинской документации» [10], письмо Минздравсоцразвития России от 30.11.2009 № 14-6/242888) и они удостоверяли факт нахождения пациента на стационарном лечении, что, в свою очередь, является основанием для перечисления медицинскому учреждению соответствующей оплаты из ФФОМС.

Судебная практика, в том числе и практика Верховного Суда РФ, свидетельствует, что для признания документа официальным основное значение имеет его содержание, прежде всего удостоверение событий и фактов, имеющих юридическое значение или влекущих правовые последствия. В теории уголовного права это обстоятельство также признавалось главным, хотя и связывалось с особенностями тех лиц (представители государственных или муниципальных организаций и учреждений), которые этот документ выдавали [11]. Верховный Суд РФ отошел от обязательности такой взаимосвязи, признав в ряде дел, что официальные документы могут быть выданы и негосударственными структурами (см. Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2006 № 44-006-111; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 04.12.2002 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2002 года» [12]).

Позиция Верховного Суда РФ представляется вполне обоснованной в ситуациях, когда: документ свидетельствует о событиях, явлениях и фактах, имеющих юридическое значение; эти обстоятельства подлежат обязательному учету при принятии решений, связанных с предоставлением определенных прав или освобождением от обязанностей лица, которому такой документ выдается; порядок выдачи таких документов определяется законом или иным нормативным актом.

Исходя из этого медицинскую карту можно признать официальным документом вне зависимости от того, какой организацией она ведется — государственной, муниципальной или коммерческой, тем более что в настоящее время медицинские организации независимо от их организационно-правовой формы могут принимать участие в системе обязательного медицинского страхования, что в какой-то степени выравнивает статус частных клиник и государственных лечебных учреждений.

Внедрение в медицину информационных технологий, существенно расширивших возможности передачи данных диагностических приборов на расстояние, заставляет обратить внимание еще

на один вопрос: можно ли признать ЭМК официальными документами с учетом их особой формы как в случаях, когда записи выполняются медицинским работником и удостоверены его электронной подписью, так и в ситуациях, когда такая подпись отсутствует либо данные передаются непосредственно с диагностического устройства? Пока диагностические устройства отличались относительной простотой, презюмировалось, что соответствующие записи в ЭМК могли вноситься только управомоченным на то лицом — медицинским работником. В настоящее время такие записи могут производиться без участия человека специальной программой диагностического прибора или компьютером общего назначения. В зарубежной медицинской практике появился такой термин, как *Healthcare Agent* (агент медицинского учреждения), которым охватываются как человек, так и устройства, вносящие записи в ЭМК.

В этом случае представляется правильной позиция Конституционного Суда РФ, который указал, что «сложившаяся правоприменительная практика наступление ответственности за подделку официальных документов связывает не с формой, а с содержанием соответствующего документа, именно с тем, что документ предоставляет права или освобождает от обязанностей, т. е. с установлением юридически значимых фактов, имеющих непосредственное отношение к обстоятельствам конкретного дела» (см. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 575-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» [13]). Таким образом, исходя из того, что содержание документа имеет более важное значение, нежели форма его представления, можно сделать вывод, что медицинская карта в электронной форме может рассматриваться как официальный документ и тогда, когда запись сделана медицинским работником, и тогда, когда она внесена непосредственно с диагностического прибора без участия человека.

В связи с этим возникает вопрос: как следует оценивать действия лица, внесшего недостоверные изменения в результаты исследования, перенесенные затем в ЭМК? Как представляется, такие действия содержат совокупность подлога официального документа — электронной карты (ч. 1 ст. 327 УК) и неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации — программе диагностического прибора (ч. 1 ст. 272 УК), поскольку субъект своим поведением нарушил несколько объектов, охраняемых самостоятельными статьями уголовного закона — установленный подзаконными актами порядок внесения данных в официальные документы и установленный порядок доступа к компьютерной информации. В тех случаях, когда подобные манипуляции создали угрозу для жизни или здоровья пациента, но это не являлось целью субъекта, содеянное следует квалифицировать по ч. 4 ст. 272 УК — по признаку создания угрозы или наступления тяжких последствий. Если подобные действия были выполнены с целью причинить вред здоровью или жизни пациента в результате неправильного лечения или его прекращения, деяние следует оценить как совокупность посягательства на личность, подлога официального документа и неправомерного доступа к компьютерной информации.

---

1. См.: Руссо М. Мобильное здравоохранение в действии // Полит.ру : сайт. URL: http://polit.ru/article/2014/06/06/sk_mhealth/ (дата обращения: 06.06.2014).

2. См.: Царёва Г. Информационная телемедицина — путь к чипизации населения России: Выступление на Круглом столе в Госдуме 07.10.2013 г. // Комитет против внедрения универсальной медицинской карты : сайт. URL: http://protivkart.org/redaktor/3759-informacionnaya-telemedicina-put-k-chipizacii-naseleniya-rossii.html (дата обращения: 21.02.2014).

3. Никитина И. О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 15.

4. См.: ГОСТ Р 52636-2006 «Электронная история болезни. Общие положения». М. : Стандартинформ, 2007.

5. См.: Шкловский Н., Зингерман Б. Карт-бланш для пациента // Медицинский вестник. 2010. № 18.

6. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

9. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

10. См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

11. См.: Бриллиантов А. В. О содержании понятия «официальный документ» // Журн. рос. права. 2003. № 2; Борков В. Актуальные вопросы применения нормы о служебном подлоге // Уголовное право. 2008. № 5; Клепицкий И. А. Документ как предмет подлога в уголовном праве // Гос-во и право. 1998. № 5; Рарог А., Букалерова Л. Совершенствование уголовно-правовой охраны недокументированной официальной информации от незаконных деяний лиц, использующих должностное или служебное положение // Уголовное право. 2004. № 4.

12. См.: БВС РФ. 2003. № 3.

13. См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

349.3

С. Н. Будай
S. N. Buday

Право многодетной семьи на бесплатное получение земельного участка

The Right of a Large Family to Free Land Plot

Различные нормативные правовые акты определяют совокупность подходов государства к практической реализации прав граждан из числа многодетных в различных социальных сферах. При этом ситуация, когда закрепленное законодательством право данной категории граждан на землю не реализуется в силу различных причин, является достаточно распространенной.

В статье рассматриваются вопросы теории и практики реализации права многодетной семьи на получение земельного участка.

Normative legal acts of the state define a set of approaches to the practical implementation of the rights of citizens of the large number of different social spheres. In this situation, when the legislation enshrined the right of the category of citizens on the ground can not be realized due to various reasons, is quite common. The article deals with the theory and practice of the right to receive a large family land.

Многодетная семья; право на землю; защита прав; прокурор

Large family; land rights; protection of rights; the public prosecutor

Конституцией [1] гарантирована государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, направленная на обеспечение достойной жизни и свободное развитие человека (ст. 7).

Среди различных объектов этой поддержки со стороны государства многодетные семьи занимают особое положение. Безусловно, справедливо мнение Е. Г. Азаровой, что необходимость особого социального обеспечения многодетных семей обусловлена не только тем, что многодетные родители несут повышенную нагрузку по содержанию и воспитанию детей, уходу и присмотру за ними, но и располагают из-за этого меньшими возможностями для получения средств существования за счет оплачиваемой работы вне дома [2].

Законодательные и иные нормативные правовые акты определяют совокупность подходов государства к практической реализации прав граждан из числа многодетных в различных социальных сферах. При этом общими целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития (см. Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р [3]).

© Будай С. Н., 2015
© Buday S. N., 2015

Различные права рассматриваемой категории граждан в сфере земельных отношений занимают, на наш взгляд, одну из ключевых ролей. Эта позиция основывается на анализе как социально-экономической ситуации, так и нормативно-правовой базы федерального и регионального уровней.

В жизнеобеспечении любой семьи одним из актуальных вопросов является приобретение собственного жилья. При этом только четверть граждан проживает в отдельной квартире или доме со всеми коммунальными удобствами, где на одного человека приходится не менее 18 кв. м. Больше всех нуждаются в государственной поддержке в вопросе обеспечения жильем молодые и многодетные семьи. Согласно результатам комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2011 г., семьи с детьми в 2,5 раза чаще, чем семьи без детей, испытывают стесненность в жилищных условиях, семьи, имеющие трех и более детей, — чаще почти в четыре раза (см. названную Концепцию).

Позволить себе приобрести жилье финансово сложнее именно многодетным семьям. Возможным решением жилищного вопроса может стать бесплатное предоставление земельного участка, например для индивидуального жилищного, дачного строительства, личного подсобного хозяйства (из категории земель населенных пунктов).

Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» [4] в числе необходимых мер, которые должны приниматься правительствами республик в составе Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов РФ в целях проведения целенаправленной и адресной политики по усилению социальной поддержки многодетных семей, называет: оказание помощи многодетным родителям, желающим организовать крестьянские (фермерские) хозяйства, малые предприятия и другие коммерческие структуры, выделение для этих целей земельных участков, а также предоставление льгот по взиманию земельного налога и арендной платы в виде полного или частичного освобождения от налога на определенный срок либо понижения ставок налога; предоставление безвозмездной материальной помощи либо беспроцентной ссуды для возмещения расходов на развитие крестьянского (фермерского) хозяйства; полное или частичное освобождение от уплаты регистрационного сбора с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью; первоочередное выделение для многодетных семей садово-огородных участков.

К вопросу о понятии многодетности заметим следующее. Как правило, согласно региональному законодательству многодетной именуется семья, имеющая трех и более детей в возрасте до 16 (18) лет. Следовательно, если в такой семье со временем остаются несовершеннолетними лишь двое детей, она утрачивает статус многодетной. Таким образом, в настоящее время в России для признания семьи многодетной достаточно трех детей, хотя совсем недавно советские и российские демографы различали мало-, средне- и многодетные семьи. Исходя из этой формулы также формируется соответствующая нормативно-правовая база. Так, приказом Минрегиона России от 09.09.2013 № 372 [5] утверждены методические рекомендации субъектам Российской Федерации по порядку и случаям бесплатного предоставления земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей.

Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [6] определено, что в целях улучшения жилищных условий российских граждан, дальнейшего повышения доступности жилья и качества жилищно-коммунальных услуг Правительству РФ совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ следует разработать порядок бесплатного предоставления земельных участков под строительство жилья экономического класса, предусмотрев при этом ограничение продажной цены на такое жилье, а также комплекс мер по улучшению жилищных условий семей, имеющих трех и более детей, включая создание при поддержке субъектов РФ и муниципальных образований необходимой инфраструктуры на земельных участках, предоставляемых указанной категории граждан на бесплатной основе.

Таким образом, государство акцентирует внимание компетентных органов власти, прежде всего регионального уровня, на вопросе жесткой взаимосвязи реализации прав многодетных граждан на землю и получения ими при этом качественной и экономически доступной инфраструктуры. Анализ земельных отношений показывает, что земельный участок без надлежащей инфраструктуры малопривлекателен как в финансовом, так и в социальном отношении: отсутствие дороги, необходимость самостоятельного решения вопросов с подведением коммуникаций для электро-, газо-, водоснабжения могут стать непреодолимыми препятствиями для освоения гражданином земельного участка, хотя и бесплатно ему предоставленного.

Проблемы реализации прав на бесплатное предоставление земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей, места и роли в этих

правоотношениях органов прокуратуры рассмотрим на примере Московской области. Важно отметить, что ситуация, когда закрепленное региональным законодательством право многодетных семей на бесплатное получение земли не реализуется ввиду отсутствия свободной земли, необходимых бюджетных средств, иных причин субъективного характера, является сегодня типичной для многих субъектов РФ.

В соответствии со ст. 1 Закона Московской области от 01.06.2011 № 73-2011-ОЗ «О бесплатном предоставлении земельных участков многодетным семьям в Московской области» [7] (далее — Закон № 73-2011-ОЗ) многодетным семьям предоставляются бесплатно земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, а также земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, для целей индивидуального жилищного строительства, дачного строительства, ведения садоводства.

Согласно п. 2 ст. 3 данного Закона предоставление земельных участков многодетным семьям осуществляется на основании решений органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области, обладающих правом предоставления соответствующих земельных участков.

В соответствии с п. 5–6 ст. 3 Закона № 73-2011-ОЗ земельные участки бесплатно предоставляются в собственность многодетным семьям однократно. Земельные участки бесплатно предоставляются членам многодетных семей в долевую собственность в равных долях. Органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Московской области ежегодно не позднее 1-го февраля текущего года утверждают перечень земель и (или) земельных участков для предоставления многодетным семьям в целях реализации настоящего Закона (п. 8 ст. 6). Финансирование реализации положений Закона осуществляется в соответствии со ст. 6.2 из бюджетов муниципальных образований Московской области, бюджета Московской области, внебюджетных источников финансирования, а также иных не запрещенных российским законодательством источников.

В соответствии с указанной выше нормой Закона № 73-2011-ОЗ на органы местного самоуправления возложено возмещение расходов не только на приобретение самого земельного участка, но и возникающих в связи с его приобретением, проведением кадастровых работ, подготовкой документации по планировке территории, а также по обеспечению необходимыми инженерными сетями.

Таким образом, указанными выше нормативными правовыми актами закреплено право многодетных семей на землю. Однако на практике граждане сталкиваются со значительными проблемами, связанными с получением этой земли, хотя семьи состоят на учете в муниципальных образованиях Московской области и внесены в очередь граждан — членов многодетных семей на бесплатное получение земельных участков.

Отдельные шаги для решения данной проблемы в Московской области предпринимаются. Так, в июне 2014 г. под руководством первого заместителя Председателя Правительства Московской области был разработан План мероприятий («дорожная карта») органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области по обеспечению земельными участками многодетных семей, поставленных на учет на получение земельных участков по состоянию на 1 июня 2013 г., а также формированию земельных участков на долгосрочную перспективу (три года) для обеспечения землей многодетных семей. Согласно требованиям Правительства Московской области (п. VI «дорожной карты») срок обеспечения земельными участками всех многодетных семей, поставленных на учет до 1 июня 2013 г., определен до 1 марта 2014 г.

Однако в нарушение требований ст. 1, 3, 6, 6.2 Закона № 73-2011-ОЗ администрациями ряда городских округов с момента принятия Закона и до настоящего времени многодетным семьям не было предоставлено ни одного земельного участка. При этом в бюджетах муниципальных образований не планируются и денежные средства на обеспечение земельных участков подъездными путями и объектами инженерной инфраструктуры. Таким образом, многодетные семьи длительное время не могут реализовать предоставленные им права на получение земельных участков (данные на 1 декабря 2014 г.). Обращения в органы государственной власти, местного самоуправления оказались безрезультатными. Кто должен встать на защиту прав многодетных семей?

В социальном государстве органы прокуратуры выполняют важнейшую правозащитную функцию, обеспечивая полноценную реализацию права на достойную жизнь и свободное развитие человека, включая охрану труда и здоровья людей, материнства, отцовства и детства, прав инвалидов и пожилых граждан. Приказом Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [8] надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина определен как

основное направление деятельности органов прокуратуры (п. 1). При этом прокуроры в рамках предоставленных законом полномочий должны принять исчерпывающие меры реагирования, в первую очередь для защиты прав и законных интересов групп населения, трудовых коллективов, граждан, нуждающихся в особой социальной и правовой защите (п. 6).

Практика показывает, что многие социально незащищенные граждане стараются восстановить свои права именно на досудебной стадии, поскольку судебные процедуры сегодня весьма длительны и связаны со значительными материальными и временными затратами. Тем не менее полагаем, что в отдельных случаях именно судебный порядок является наиболее эффективным средством восстановления нарушенных прав граждан.

В рассматриваемой ситуации граждане, чьи права оказались нарушены, вправе обратиться в прокуратуру с заявлением о предъявлении в их интересах иска в суд о защите прав многодетной семьи на бесплатное предоставление земельного участка.

Согласно ст. 11 ГК [9] защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. Защита гражданских прав происходит путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; присуждения к исполнению обязанности в натуре; иными способами, предусмотренными законом (ст. 12 ГК).

Конституция возлагает на государство обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2).

В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК [10] заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав; защите семьи, материнства, отцовства и детства.

В рассматриваемой ситуации прокурор, руководствуясь ч. 1 ст. 45 ГПК, вправе обратиться с исковым заявлением в суд об обязании администрации муниципального образования предоставить многодетной семье бесплатно земельный участок площадью не менее установленной нормы.

Полагаем, что при этом прокурору предстоит выяснить ряд важных обстоятельств, связанных с нарушением прав многодетных семей на бесплатное получение земли. Так, выяснению подлежат вопросы, касающиеся:

- количества многодетных семей, состоящих на учете и поставленных на учет на получение земельных участков (из них отдельно: для индивидуального жилищного строительства; для садоводства; для дачного строительства);

- количества земельных участков, предоставленных многодетным семьям в муниципальном образовании в период реализации Закона № 73/2011-ОЗ;

- приобретения земельных участков на торгах на территории других муниципальных образований и оформления права собственности на приобретенные земельные участки муниципальным образованием;

- обращения администрации муниципального образования к губернатору Московской области о выделении земли для обеспечения многодетных семей либо о выделении денежных средств из областного бюджета на приобретение земли в целях обеспечения ею многодетных семей;

- запланированных денежных средств в бюджете муниципального образования на 2014 г. на приобретение земельных участков для нужд многодетных семей;

- планирования денежных средств в бюджете муниципального образования на 2014 г. на подготовку проекта планировки и проекта межевания территории;

- проведения торгов по выбору организации для подготовки проекта планировки и проекта межевания территории;

- планирования в бюджете муниципального образования на 2014 г. денежных средств на обеспечение земельных участков подъездными путями и объектами инженерной инфраструктуры;

- обеспечения земельных участков для многодетных семей подъездными путями и объектами инженерной инфраструктуры.

Полученная информация, ее комплексный анализ позволят сделать вывод, имеется ли нарушение прав рассматриваемой категории граждан, а также о необходимости использования прокурором всех предоставленных ему законом полномочий в целях их защиты. В случае подтверждения факта нарушения права многодетной семьи на получение земельного участка обращение прокурора с иском в суд является одним из

эффективных средств восстановления этого нарушенного права.

Применительно к исследуемой проблематике полагаем, что отсутствие экономических возможностей в регионе, иные факторы, ведущие к нарушению прав граждан в рассматриваемой сфере, не могут быть приняты в качестве причин объективного характера. Соблюдение законодательства при оказании поддержки многодетным семьям как направление, относящееся к жизненно важным вопросам, должно быть на постоянном контроле всех прокуроров [11]. При этом важно не дожидаться непосредственного обращения гражданина к прокурору, а на основе всех доступных источников информации о правонарушениях в рамках предоставленных прокурору законом полномочий принимать исчерпывающие меры реагирования.

1. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. См.: Азарова Е. Г. Многодетная семья и проблемы ее социального обеспечения // Журнал рос. права. 2014. № 3.

3. См.: СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

4. См.: ВСНД и ВС РФ. 1992. № 19. Ст. 1044.

5. См.: Нормирование в строительстве и ЖКХ. 2013. № 5.

6. См.: СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2337.

7. См.: Ежедневные новости. Подмосковье. 2011. № 98.

8. См.: Законность. 2008. № 3.

9. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Там же. 2002. № 46. Ст. 4532.

11. См.: Паламарчук А. В. Деятельность органов прокуратуры по надзору за соблюдением социальных прав граждан // Законность. 2012. № 9.

347.918

А. В. Савельева
A. V. Savelieva

К вопросу об участии прокурора в арбитражном процессе по делам, связанным с нарушением бюджетного законодательства

To the Question about the Participation of the Prosecutor in the Arbitration Process in Cases Associated with the Violation of the Budget Legislation

В статье рассматриваются актуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе по делам об оспаривании правовых актов и сделок, связанных с нарушением бюджетного законодательства. Анализируются полномочия прокурора в арбитражном процессе, приводятся примеры из судебной практики по делам указанной категории.

The article discusses current issues of participation of the Prosecutor in the arbitration process in cases of challenging legal acts and transactions associated with the violation of the budget legislation. Analyses of powers of attorney in the arbitration process, provides examples of judicial practice in cases specified category.

Прокурор; арбитражный процесс; оспаривание правовых актов; признание сделок недействительными; бюджетное законодательство; уполномоченные органы публично-правовых образований

Attorney; arbitration; appeals and legal acts; rescission of contracts; budget legislation; competent authorities public-law entities

В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [1] одним из приоритетных направлений прокурорского надзора является надзор за исполнением бюджетного законодательства.

Обращение прокурора в суды с исками и заявлениями — это действенная мера прокурорского реагирования, применяемая, как правило, тогда, когда иными мерами устранения нарушений действующего законодательства добиться не удалось.

В связи с этим хотелось бы рассмотреть особенности участия прокурора в арбитражном процессе на примерах судебной практики по искам и заявлениям прокурора, связанным с нарушением бюджетного законодательства.

6 августа 2014 г. вступили в силу изменения в АПК [2], внесенные Федеральным законом от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [3].

Как установлено указанным Законом, арбитражным судам неподведомственны дела об оспаривании нормативных правовых актов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, кроме дел, подсудных Суду по интеллектуальным правам. Такие дела с 6 августа 2014 г. подведомственны судам общей юрисдикции. В связи с этим прокурор в настоящее время не вправе направлять заявления об оспаривании нормативных правовых актов в бюджетной сфере в арбитражный суд.

О таком грамотном обращении прокурора в суд общей юрисдикции с заявлением о признании

© Савельева А. В., 2015
© Savelieva A. V., 2015

нормативного правового акта недействующим свидетельствует следующий пример судебной практики.

Правительством N-ской Республики 26 декабря 2008 г. принято постановление № 463 «О республиканской целевой программе "Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике на 2009–2012 годы"», которое официально опубликовано в «Правительственной газете» 3 февраля 2009 г.

Прокурор Республики обратился в суд с заявлением о признании противоречащим федеральному законодательству и недействующим названного постановления в части отсутствия в программе, утвержденной постановлением, положений, регламентирующих условия и порядок оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства, ссылаясь на положения ст. 16 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [4] (далее — Закон о развитии предпринимательства), согласно которой условия и порядок оказания поддержки малому и среднему предпринимательству устанавливаются федеральными и региональными программами развития субъектов предпринимательства.

Кроме того, абз. 3 п. 3 разд. III программы и п. 6 приложения к ней предусмотрено развитие системы микрофинансирования посредством предоставления микрозаймов малым и микропредприятиям, предпринимателям за счет федерального бюджета, что противоречит ст. 17 указанного Закона, ст. 11, 31 БК [5].

Оспариваемым постановлением в целях реализации государственной политики в области развития и поддержки малого и среднего предпринимательства Правительством Республики утверждена республиканская целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике на 2009–2012 годы».

Согласно паспорту программы основной ее целью является создание благоприятных и комфортных условий для устойчивого развития малого и среднего предпринимательства, развитие свободных конкурентных рынков путем реализации системы программных мероприятий, перечень которых определен разд. III программы и приложением к ней.

В соответствии с п. 1 ст. 17 Закона о развитии предпринимательства оказание финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, может осуществляться в соответствии с законодательством РФ за счет средств бюджетов субъектов РФ, средств местных бюджетов путем предоставления субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Согласно ст. 31 БК установление расходных обязательств, подлежащих исполнению за счет доходов других бюджетов бюджетной системы РФ, недопустимо.

Удовлетворяя заявленные прокурором требования в части оказания финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в виде предоставления микрозаймов, финансирование которых осуществляется за счет федерального бюджета (п. 6 приложения к программе), суд исходил из того, что субъекты РФ вправе предусмотреть меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в виде предоставления микрозаймов за счет средств собственного бюджета в рамках имеющихся у них полномочий, но никак не за счет федерального бюджета (см. определение Верховного Суда РФ от 06.03.2013 № 42-АПГ13-1).

В данном случае прокурор обратился с заявлением в суд в защиту интересов Российской Федерации, интересов неопределенного круга предпринимателей, так как наличие в программе заведомо невыполнимого положения о предоставлении микрозаймов за счет федерального бюджета фактически лишает субъекты малого и среднего предпринимательства поддержки, установленной оспариваемой программой.

В силу ст. 52, 198 АПК, а также позиции, изложенной в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» (далее — постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15), прокурор вправе также обратиться в арбитражный суд с заявлениями о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений, действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если такие акты, решения, действия (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и нарушают права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Эта позиция постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15 ограничила возможности прокурора по обращению с заявлениями по

указанной категории дел: прокурор не вправе обратиться в арбитражный суд в защиту конкретного лица, несмотря на то что на него возложена, в частности, защита прав субъектов предпринимательской деятельности. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением С. А. Халатова, что общим итогом разъяснения вопросов участия прокуроров явилось расширение полномочий прокурора в арбитражном процессе и исполнительном производстве [7].

Трудно считать расширением прав прокурора в арбитражном процессе возможность рассматривать в арбитражном суде дело после заключения сторонами третейского соглашения либо оспаривать решение третейского суда и возражать против его принудительного исполнения, так как в третейский суд, как правило, обращаются лица, не указанные в абз. 2 и 3 ч. 1 ст. 52 АПК.

Кроме того, если учесть, что прокурор обращается в арбитражный суд в защиту интересов публично-правового образования, иных публичных интересов и тогда, когда эти интересы в силу разных причин не хочет или не может защищать никто другой, то право получить исполнительный лист, направить его судебному приставу-исполнителю и контролировать его исполнение является вполне логичным продолжением полномочия прокурора по предъявлению исковых заявлений. Это вполне соответствует также ч. 4 ст. 19 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» [8], согласно которой надзор за исполнением законов при выполнении судебными приставами своих функций в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [9] осуществляют Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры.

Продолжая разговор об оспаривании ненормативных правовых актов, следует обратить внимание на то, что заявление прокурора об оспаривании такого акта должно соответствовать требованиям ст. 125, 126, 198, 199 АПК. В его мотивировочной части, кроме обстоятельств, на которых основаны заявленные требования, и подтверждающих эти обстоятельства доказательств, должна содержаться информация о нарушении оспариваемыми правовыми актами, решениями, действиями (бездействием) интересов неопределенного круга лиц или иных публичных интересов и о праве прокурора на обращение с таким заявлением в арбитражный суд, несмотря на то что такое право и так предоставлено прокурору положениями АПК.

Это может быть обьяснено тем, что на международном уровне рядом экспертов (Парламентская Ассамблея Совета Европы, Венецианская комиссия, ЕСПЧ) не отрицается возможность наделения прокурора полномочиями вне рамок уголовной юстиции, в том числе по защите государственных интересов в гражданском и административном судопроизводстве, а также инициирования рассмотрения дел в судах в интересах законности. При этом выдвигаются следующие жесткие требования: недопустимо дублирование функций органов власти; вмешательство прокурора в каждом конкретном случае должно быть обоснованно; такое вмешательство должно быть исключительным (если иначе невозможно защитить охраняемые интересы [10]).

Следует отметить, что именно на это понимание роли прокурора, в том числе и в арбитражном процессе, нацеливает прокуроров Генеральный прокурор РФ и именно поэтому прокуроры при подготовке заявлений (исковых заявлений) должны учитывать необходимость соблюдения указанных требований и иметь в виду, что их несоблюдение влечет оставление обращения прокурора без движения в порядке ст. 128 АПК.

Наибольшее распространение в сфере оспаривания нарушений бюджетного законодательства получила реализация прокурорами права на обращение в арбитражный суд с исками о признании сделок недействительными и о применении последствий недействительности ничтожных сделок. В соответствии с требованиями ст. 52 АПК прокурор оспаривает сделки, совершенные органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, юридическими лицами, в уставном капитале которых имеется доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов РФ, доля участия муниципальных образований.

В силу п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15 по делам об оспаривании сделок прокурор должен указать, кроме обоснования законности требований, публично-правовое образование, в интересах которого предъявляется иск, и уполномоченный орган, действующий от имени такого публично-правового образования. В случае несоблюдения этих требований арбитражный суд может также оставить исковое заявление без движения в порядке ст. 128 АПК. Публично-правовое образование в лице уполномоченного органа участвует в деле в качестве истца. Возникает ситуация, когда уполномоченный орган, совершивший от лица публично-правового образования незаконную сделку, выступает в процессе и как истец, и как ответчик, что вызывает на практике определенные трудности.

При рассмотрении исков и заявлений прокурора суды подходят к требованию об указании конкретного публично-правового образования неоднозначно. В одних случаях суд приходит к выводу, что неуказание прокурором публично-правового

образования не является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований (см. определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.11.2012 № ВАС-14096/12 по делу № А50-26636/2011), а в других — называет одним из оснований для направления дела на новое рассмотрение нарушение п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15 (см. постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.05.2014 по делу № А32-21231/2013).

В то же время, как установлено абз. 2 п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15, отказ истца от иска по делам, предусмотренным абз. 2 и 3 ч. 1 ст. 52 АПК, не препятствует рассмотрению дела, производство по которому возбуждено по заявлению прокурора. В связи с этим встает вопрос, так ли обязательно участие уполномоченного органа публично-правового образования в рассмотрении дела по иску прокурора, если его позиция известна до начала судебного разбирательства: орган совершал сделку и он не может быть согласен с ее недействительностью.

Кроме того, такая правовая позиция Высшего Арбитражного Суда РФ порождает у прокурора необходимость изыскивать возможность избежать подобных совпадений, т. е. по существу привлекать к участию в деле лиц, фактически не имеющих отношения к спорным правоотношениям (дело № А56-29388/2012).

При таких обстоятельствах, по нашему мнению, необходимо еще раз вернуться к вопросу о необходимости привлечения к участию в рассмотрении дела представителя публично-правового образования, так как прокурор, обращаясь с иском в арбитражный суд, в любом случае обязан указать интересы неопределенного круга лиц, публичные интересы, которые нарушаются оспариваемой сделкой.

Однако в настоящее время, обращаясь в арбитражный суд с исковыми заявлениями, в том числе и по делам, связанным с нарушением бюджетного законодательства, прокурор должен руководствоваться положениями постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15.

Согласно ст. 168 ГК [11] сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима.

Следует также отметить, что нормы ГК об основаниях и последствиях недействительности сделок (ст. 166–176, 178–181) применяются только к сделкам, совершенным после дня вступления в силу Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [12], т. е. после 1 сентября 2013 г.

Как и для заявления прокурора в арбитражный суд, требования к форме и содержанию исковых заявлений также установлены ст. 125, 126 АПК.

Так, например, прокурор N-ской области обратился в арбитражный суд области с иском о признании договора недействительным по следующим основаниям.

В ходе проверки было установлено, что между администрацией N-ского городского поселения N-ского района (далее — администрация, кредитор) и ООО «Тепловодоснабжение» (далее — ООО «ТВС», заемщик) заключен кредитный договор от 22.12.2011 № 01, поручителем по которому выступило ООО «Информационно-расчетный центр» (далее — ООО «ИРЦ»).

Согласно п. 1 ст. 93.2 БК бюджетный кредит может быть предоставлен юридическому лицу на основании договора, заключенного в соответствии с гражданским законодательством РФ, на условиях и в пределах бюджетных ассигнований, которые предусмотрены соответствующими законами (решениями) о бюджете, с учетом положений, установленных БК и иными нормативными правовыми актами, регулирующими бюджетные правоотношения.

Бюджетный кредит может быть предоставлен только юридическому лицу, которое не имеет просроченной задолженности по денежным обязательствам перед соответствующим бюджетом (публично-правовым образованием), а также по обязательным платежам в бюджетную систему РФ, за исключением случаев реструктуризации обязательств (задолженности), при условии предоставления заемщиком обеспечения исполнения своего обязательства по возврату указанного кредита, уплате процентных и иных платежей, предусмотренных соответствующим договором (соглашением), за исключением случаев, когда заемщиком является Российская Федерация или ее субъект.

Способами обеспечения исполнения обязательств юридического лица, муниципального образования по возврату бюджетного кредита, уплате процентных и иных платежей, предусмотренных законом и (или) договором, могут быть только банковские гарантии, поручительства, государственные или муниципальные гарантии, залог имущества в размере не менее 100 % предоставляемого кредита. Обеспечение исполнения обязательств должно иметь высокую степень ликвидности.

Не допускается принятие в качестве обеспечения исполнения обязательств юридического лица, муниципального образования государственных или муниципальных гарантий публично-правовых образований, поручительств и гарантий юридических лиц, имеющих просроченную задолженность по обязательным платежам или по денежным обязательствам перед соответствующим бюджетом (публично-правовым образованием), а также поручительств и гарантий юридических лиц, величина чистых активов которых меньше величины, равной трехкратной сумме предоставляемого кредита.

Исполнение обязательств по спорному договору обеспечивалось поручительством ООО «ИРЦ», величина чистых активов которого меньше величины, равной трехкратной сумме предоставляемого кредита. Более того, величина чистых активов поручителя за период с 2010 по 2011 г. снизилась, т. е. предприятие является убыточным. Прокурор подтвердил указанные доводы кредитным договором от 22.12.2011 № 01, договором поручительства от 22.12.2011, расчетами чистых активов за 2009–2011 гг., предоставленными ООО «ИРЦ».

Таким образом, подписанный 22 декабря 2011 г. между администрацией (кредитором), ООО «ТВС» (заемщиком) и ООО «ИРЦ» (поручителем) кредитный договор № 01 на сумму 3 млн руб. заключен с нарушением порядка предоставления бюджетного кредита, установленного п. 3 ст. 93.2 БК, является необеспеченной сделкой и, следовательно, ничтожен на основании ст. 168 ГК.

Заключением договора с нарушением требований законодательства РФ без соблюдения процедуры предоставления гарантий нарушаются публичные интересы городского поселения, так как это влечет несанкционированное расходование бюджетных средств.

Решением арбитражного суда области, оставленным в силе судами апелляционной и кассационной инстанций, требования прокурора удовлетворены. Определением Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.04.2012 № ВАС-5112/12 по делу № А56-20731/2011 в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ для пересмотра судебных актов в порядке надзора отказано (см. определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.04.2012 № ВАС 5112/12).

Помощь прокурорам в подготовке исков и заявлений по делам, связанным с нарушением бюджетного законодательства, может также оказать постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» [13] (при этом необходимо учитывать текущие изменения бюджетного законодательства).

В связи с изменениями в судебной системе следует отметить также, что в соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "Об арбитражных судах в Российской Федерации" и статью 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации"» [14] разъяснения по вопросам судебной практики, применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда РФ.

В заключение отметим, что подготовка прокурором исков и заявлений в арбитражный суд в рамках предоставленных ему федеральным законодательством полномочий позволяет обеспечить защиту интересов неопределенного круга лиц, иных публичных интересов в бюджетной сфере.

---

1. См.: Законность. 2008. № 3.

2. См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. № 30. Ст. 3012.

3. См.: СЗ РФ. 2014. № 26 (Ч. 1). Ст. 3392.

4. См.: Там же. 2007. № 31. Ст. 4006.

5. См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

6. См.: ВВАС РФ. 2012. № 5.

7. Халатов С. А. Отдельные замечания к постановлению Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Закон. 2012. № 7.

8. См.: СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

9. См.: Там же. 1995. № 47. Ст. 4472.

10. См.: Зайцева А. Г. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия в арбитражном процессе» // ВВАС РФ. 2012. № 7.

11. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

12. См.: СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

13. См.: ВВАС РФ. 2006. № 8.

14. См.: СЗ РФ. 2014. № 23. Ст. 2921.

349.2

И. В. Черепанова
I. V. Cherepanova

Полномочия прокурора при возбуждении им дел об административных правонарушениях за нарушение трудовых прав граждан

Powers of the Prosecutor with the Excitation of Affairs about Administrative Offences for Violation of Labor Rights of Citizens

В статье рассматриваются вопросы применения прокурором полномочий в сфере административного преследования лиц, нарушающих трудовые права граждан; проблемы определения правового статуса прокурора при производстве по делам об административных правонарушениях.

The article discussed the application of the Prosecutor's powers in the field of administrative prosecution of persons who violate labor rights of citizens; the problem of determining the legal status of the Prosecutor in the proceedings on administrative offences.

Полномочия прокурора; возбуждение производства по делу об административном правонарушении; постановление прокурора

Powers of the Prosecutor; the commencement of proceedings on the case on administrative offence; the decision of the Prosecutor

Конституция [1] гарантировала гражданам основные трудовые права: свободу распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; право на защиту от безработицы и др. При этом нельзя не согласиться с мнением Н. Пластининой, что «практически нет таких предприятий, на которых не было бы выявлено ни одного нарушения Трудового кодекса Российской Федерации» [2].

Как показывает практика, прокуроры повсеместно сталкиваются с нарушением работодателями установленных ст. 22 ТК [3] обязанностей соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров; предоставлять работникам работу, обусловленную трудовым договором; обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; обеспечивать работников оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения ими трудовых обязанностей; обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности; выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату в сроки, установленные в соответствии с ТК, коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка, трудовыми договорами, и т. п. Кроме этого, закон возложил

© Черепанова И. В., 2015
© Cherepanova I. V., 2015

на работодателя иные обязанности, предусмотренные трудовым законодательством, в том числе законодательством о специальной оценке условий труда, и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и трудовыми договорами.

Невыполнение работодателями установленных трудовым законодательством обязанностей влечет наступление ответственности, в том числе административной. При этом субъектами указанной ответственности являются как физические, так и юридические лица (организации), вступившие в трудовые отношения с работниками. В случаях, предусмотренных федеральными законами, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры. Перечень работодателей — физических лиц содержится в ст. 20 ТК.

Наделение прокурора полномочиями по возбуждению производств по делам об административных правонарушениях определяется необходимостью оперативного реагирования на нарушения работодателями прав граждан.

При осуществлении надзора за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на территории РФ, прокурор вправе возбудить производство по делу о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП [3] либо законом субъекта РФ.

Прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением трудовых прав граждан, в случае выявления нарушения трудовых прав граждан, влекущего административную ответственность, следует учитывать, что ст. 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4] (далее — Закон о прокуратуре) предоставляет прокурору выбор: либо возбудить производство по делу об административном правонарушении, либо передать материалы в органы, уполномоченные возбуждать производства по делам об административных правонарушениях.

Как представляется, прокурор должен разрешать данный вопрос исходя из обстоятельств совершенного правонарушения, личности правонарушителя, оценки возможности реального устранения нарушения и восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

В случае если прокурор принимает решение о самостоятельном возбуждении производства по делу об административном правонарушении, на него распространяются нормы КоАП, регулирующие вопросы осуществления производства по делам об административных правонарушениях (процессуальные нормы).

В частности, прокурор должен: принимать решение о возбуждении дела при наличии поводов, предусмотренных ст. 28.1 КоАП; вынести при наличии соответствующих оснований определение либо об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении согласно требованиям ч. 5 ст. 28.1 КоАП, либо о прекращении производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение согласно ст. 28.9 КоАП; осуществлять вынесение постановления по правилам, установленным ст. 28.2 КоАП, в сроки, предписанные ст. 28.3 КоАП. Кроме того, и Закон о прокуратуре, и КоАП наделяют прокурора правом в соответствии со ст. 28.7 КоАП осуществлять административное расследование в случае необходимости проведения экспертизы или иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат.

Большое значение для обеспечения законности постановлений и решений, принимаемых по делам об административных правонарушениях, возбужденным на основании постановлений прокурора, имеет определение круга прокурорских работников, уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, в том числе возбуждать производство по названным делам.

В ст. 25.11 КоАП указывается, что прокурор или его заместитель в пределах своих полномочий вправе возбуждать производство по делу об административном правонарушении. Аналогичные нормы есть в ст. 22, 25, 27 Закона о прокуратуре. Однако содержание указанных норм не позволяет сделать вывод о том, какие прокурорские работники уполномочены выносить постановления по делам об административных правонарушениях.

Восполнить этот пробел позволяет ст. 54 указанного Закона, которая содержит исчерпывающий перечень прокурорских работников, уполномоченных осуществлять полномочия по возбуждению производства по делам об административных правонарушениях. К ним относятся: Генеральный прокурор РФ, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по особым поручениям, заместители Генерального прокурора РФ, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуроров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры управлений и отделов, действующие в пределах своей компетенции, т. е. осуществляющие

надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В то же время необходимо отметить наличие проблем, связанных с относительной неопределенностью правового положения прокурора, использующего полномочия по вынесению постановления о возбуждении производства по делам об административных правонарушениях. На пробельность и несовершенство различных процессуальных норм законодательства об административных правонарушениях обращали внимание многие ученые, например П. П. Серков, С. В. Щепалов и др.

Произвольная трактовка содержания норм КоАП, регламентирующих порядок производства по делам об административных правонарушениях, не во всех случаях позволяет правильно оценить характер полномочий прокурора, «может включить механизм судейского усмотрения» [5] при рассмотрении дел об административных правонарушениях, возбужденных на основании постановления прокурора.

Упраздненный ныне Высший Арбитражный Суд РФ полагал, что при возбуждении дела об административном правонарушении прокурор пользуется правами и несет обязанности органа (должностного лица), уполномоченного в соответствии с КоАП составлять протоколы об административных правонарушениях (см. постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [6]).

Такая позиция в определенной степени оправдана отсутствием в отдельных нормах КоАП указаний на особый статус и полномочия прокурора. Более того, полномочия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях установлены гл. 25 «Участники производства по делам об административных правонарушениях» КоАП. По нашему мнению, тем самым законодатель приравнивает прокурора к остальным участникам производства по делам об административных правонарушениях, таким, например, как потерпевший, свидетель, эксперт и т. п.

Как представляется, такой слишком ограниченный подход был выработан без учета положений Конституции и Закона о прокуратуре, устанавливающих особый статус прокурора как лица, осуществляющего от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на территории РФ, и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

1. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Пластинина Н. Нарушения, выявляемые государственной инспекцией труда: анализ и профилактика // Трудовое право. 2013. № 5. С. 15.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

4. См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

5. Серков П. П. К вопросу о современном понимании административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 10.

6. См.: ВВАС РФ. 2003. № 3.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

342.9

Ю. Н. Сибилёв
Y. N. Sibilyev

Критерии эффективности деятельности как основные ориентиры системы оценки Федеральной службы судебных приставов

Criteria of Efficiency of Activity as the Basic Guidelines of the Evolution System of the Federal Bailiff Service of Russia

В статье рассматривается понятие «критерий эффективности» как отражение правовых норм, требования и принципы, предъявляемые к ним, и особенности их установления для ФССП России.

The article discusses the concept of performance criteria as f reflection of legal norms, requirements and guidelines applicable to them and feature their establishment for the Federal bailiff service of Russia.

Федеральная служба судебных приставов; критерий эффективности; система оценки; требования к критериям; принципы установления

Federal bailiff service of Russia; criteria as reflection; evaluation system; requirements criteria; the principles of establishing

Следует отметить, что термин «критерий эффективности» употребляется в юридической литературе в самых различных значениях.

Так, А. С. Пашков и Л. С. Явич в качестве критерия эффективности в обществе рассматривают эффективность правовых норм [1]. В общественных отношениях «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [2]. Цели, установленные этими нормами, являются, по мнению В. И. Никитинского и И. С. Самощенко, критериями оценки их эффективности [3].

Вместе с тем, по нашему мнению, проблема состоит в том, что термин «эффективность деятельности» употребляется часто, но его точного измерения в конкретных показателях не дается. «Если нет точного определения и измерения, то и работа руководителей государственных служб не оценивается с точки зрения эффективности» [4].

Эмпирическая интерпретация понятий, характеризующих критерии эффективности деятельности ФССП России, дает возможность обнаружить в реальной действительности те факты, явления, события, которые служат своего рода ее индикаторами. Так, по количеству реально оконченных исполнительных производств можно в какой-то степени судить об эффективности правосудия в государстве, а по количеству остатка исполнительных производств — об уровне эффективности действия правовых норм и отношении к ним граждан. Но в целом подобные суждения являются достоверными на определенном уровне. Дело в том, что абсолютные данные о количестве рассматриваемых нами процессов, как правило, не могут являться основанием для общих выводов об эффективности (или неэффективности) соответствующих действий.

© Сибилёв Ю. Н., 2015
© Sibilyev Y. N., 2015

К примеру, в 2008 г. ФССП России фактическим исполнением окончила свыше 55 % исполнительных производств, а в 2013 г. — около 38 %. Вместе с тем фактически взысканная сумма составила соответственно 203,2 млрд руб. и 390,7 млрд руб. [5]. В каком периоде работа была более эффективной? Ответ не может быть однозначным, так как зависит от приоритетов в оценке и требует пояснений.

Рассмотрим данные, представленные в ведомственной статистической отчетности ФССП России и характеризующие структуру исполнительных производств. Так, самым напряженным годом в работе с остатком исполнительных производств можно считать 2010 г.: остаток в сравнении с 2009 г. увеличился на 73 %. В то же время за 2013 г. этот показатель в сравнении с 2012 г. превысил лишь 15 %. Можно ли на основании этих данных сделать категорический вывод о том, что деятельность эффективна? Очевидно, нет. Вывод об эффективности работы здесь, казалось бы, напрашивается, и тем не менее он будет преждевременным, ведь мы не знаем, какова динамика работы по данным направлениям. Между тем вполне вероятно, что за счет значительного увеличения поступлений исполнительных документов сокращение остатка идет более медленными темпами, чем окончание фактическим исполнением.

Таким образом, на основе абсолютных данных в лучшем случае возможно осуществить простейшую количественную оценку эффективности в форме сравнения. Она позволяет вынести суждения о количественной стороне сравниваемых величин лишь на уровне самых общих тенденций по шкале «больше — меньше», но не может дать ответа на вопрос, насколько отличаются друг от друга сравниваемые объекты [6]. Следует отметить, что ситуация с продолжительным исполнением судебных решений в Российской Федерации не является критической, если сравнивать ее со многими другими государствами — членами Совета Европы. Так, например, согласно исследованиям Европейской комиссии по эффективности правосудия, проведенным в 2010 г., в Италии решение суда в среднем исполняется 413 дней, в Испании — 1 242 дня, а в Португалии — 2 185 дней [7].

Формулирование критерия эффективности дает в руки исследователю инструментарий, применяя в котором достигнутое значение результата действия нормы, можно получать количественные значения эффективности. Но, прежде чем перейти к его рассмотрению, нужно выразить цель и результат в однозначных (т. е. сравнимых) величинах, ведь оперирование с абсолютными величинами, как было показано выше, не позволяет этого сделать. Абсолютные величины, приведенные в сравнимый вид, именуются в статистике обобщающими показателями. Они характеризуют количественные соотношения, присущие конкретным общественным явлениям, выражая в отвлеченной форме соотношение суммарных или индивидуальных абсолютных величин.

По общему правилу, чем меньше критериев, тем проще проводить сравнение. Иными словами, число критериев желательно минимизировать, в идеале — свести к одному. Перечнем критериев, включающим в себя десятки, сотни позиций, на практике пользоваться крайне затруднительно. Однако, применяя один критерий, в большинстве случаев удовлетворительно оценить качество рассматриваемого обьекта не удается, приходится вводить дополнительные [8].

Определение критериев в процессе государственного строительства важно еще и потому, что указанные критерии в дальнейшем подменяют цели всей работы, поскольку оптимизация по критериям обеспечивает максимальное приближение к цели [9]. Для каждого критерия вводится как минимум три признака (показателя, индикатора): один должен характеризовать качественную сторону, другой — количественную, третий — временную.

По нашему мнению, критерии оценки должны отвечать следующим требованиям: существенность (критерии должны быть ориентированы на оценку эффективности); точность (критерии должны быть достаточно конкретны и проверяемы); надежность (критерии должны подкрепляться соответствующими фактами либо поступать из авторитетных источников); согласованность (критерии должны быть согласованы между собой). На практике возможна двойственность оценки показателей эффективности. Так, например, рост фактического окончания исполнительных производств может, с одной стороны, показывать результативность деятельности судебных приставов-исполнителей, а с другой — являться отражением так называемых приписок и искажений.

Следует согласиться с суждением ряда ученых, которые рассматривают критерии эффективности в тесном взаимодействии с модернизацией правовых норм [10], так как очевидно, что цели правовых норм и являются критерием оценки их эффективности [11].

В современных условиях и с учетом сложившейся практики функционирования ФССП России следует выделять:

1) количественные и качественные критерии;

2) по степени динамичности: критерии, подлежащие изменению в правовых реалиях (интенсивность исполнения, степень реализации имуще-

ства), и статичные, т. е. сохраняющие важные жизненные установки и ценности;

3) по уровню применения функций государственного управления: организационно-управленческие, экономические, социальные, контрольно-надзорные и т. д.

Между тем, рассматривая концепцию эффективности как соотношение результата действия нормы и цели правового предписания, под критерием ее эффективности (т. е. эталоном оценки) следует понимать количественное выражение цели.

Конкретная формулировка критерия эффективности определяется формулировкой цели соответствующей правовой нормы. Впервые такие цели обозначены в постановлении Правительства РФ от 22.05.2004 № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» [12].

Являясь отражением стратегических целей, устанавливающих приоритеты государственной политики в сфере исполнительного производства, определяются подцели их достижения и порядок отчетности.

В целях реализации названного постановления Правительства РФ Минюстом России было издано распоряжение от 02.11.2006 № 597 «О мерах по реализации постановления Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 года № 249». Предусматриваются механизм по подготовке и структура докладов о результатах и основных направлениях деятельности. Федеральной службе судебных приставов предписано ежегодно информировать Минюст России о достижении целей и оценке эффективности деятельности территориальных органов. Однако количественные индикаторы не определяются, информация является отражением субъективного анализа выполнения территориальными органами полномочий по принудительному исполнению.

В настоящее время стратегические цели определены государственной программой РФ «Юстиция», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 [13]. Основные задачи в рассматриваемой сфере являются многокритериальными. Обобщенно их можно выразить как «развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма, поддержание устойчивого уважения к закону и повышение доверия к правосудию». Для ФССП России цели ее подпрограммы таковы:

- совершенствование статуса судебного пристава, правового положения и организации системы принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, противодействие коррупционным проявлениям в сфере исполнительного производства;

- оптимизация исполнительного производства, обеспечение баланса прав и интересов сторон исполнительного производства, правильного и своевременного исполнения требований исполнительных документов, совершенствование судебного контроля за исполнительным производством;

- совершенствование законодательства РФ в сфере обеспечения своевременного и в полном объеме исполнения требований исполнительных документов, должниками по которым являются публично-правовые образования и государственные (муниципальные) учреждения;

- внедрение современных технологий в систему исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц; повышение прозрачности и доступности системы принудительного исполнения;

- значительное повышение количества исполнительных документов, исполненных добровольно, без участия государственных органов принудительного исполнения.

На наш взгляд, названные цели недостаточно проработаны, допускают произвольное толкование по формам реализации, повторяются по содержанию. Вместе с тем принятие государственной программы, фигурантом которой стала ФССП России, является знаковым событием. Критериальный анализ данной программы показывает, что впервые определен перспективный перечень критериев эффективности государственного механизма в сфере исполнительного производства. Представленные критерии помогают по-новому подойти к их классификации, основу которой составляют:

1) средства, ресурсы функционирования государственного механизма;

2) соотношение поставленных целей, задач и практического результата, соответствующего законным интересам граждан и развитию общества;

3) место исходных, базовых принципов (начал) права в системе формируемых решений и принимаемых актов;

4) устойчивый и системный характер действия ключевых правовых средств в механизме правового регулирования и в организационно-управленческих правоотношениях;

5) повышение роли общественности и институтов гражданского общества в осуществлении государством действенного законотворчества и эффективной государственной политики.

Проведение анализа изложенных выше критериев позволяет прийти к выводу, что они являются многоступенчатыми или многокритериальными (их 11). Их нельзя отождествлять с показателями,

так как на практике единое понимание терминов «критерий» и «показатель» отсутствует. Рассмотрение данных критериев в качестве равноценных неверно. Под критерием (от греч. *kritȩrion*) следует понимать «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило суждения, оценки» [14].

При разработке критериев следует учитывать и соблюдать следующие требования:

1) они должны объективно отражать реальную обстановку с учетом прогноза ее развития, не противоречить законодательным и иным нормативным правовым актам, касающимся задач и функций ФССП России, а также быть обеспеченными финансовыми, материально-техническими и кадровыми ресурсами;

2) мероприятия по целям, срокам, формам и методам их реализации должны соответствовать мерам, осуществляемым органами государственной власти РФ по обеспечению прав и законных интересов личности, общества и государства;

3) критерии должны быть системными и последовательными, что предполагает их взаимную согласованность с ранее установленными и обеспечивает необходимую полноту решения той или иной задачи (проблемы).

Определение критериев эффективности осуществляется на основе соблюдения следующих принципов:

- законности (соответствие требованиям законов и других нормативных актов, регулирующих деятельность ФССП России);

- целенаправленности (соответствие определений критериев общему замыслу (цели) деятельности органа (подразделения) на различных направлениях, а также управленческой стратегии руководства ФССП России);

- актуальности (выявление наиболее важных для данного периода критериев, обусловленных изменением обстановки и характера задач, решаемых органом (подразделением));

- обоснованности (выработка критериев эффективности на основе глубокого анализа обстановки, тенденций ее развития, а также проверенных данных и требований науки управления);

- оптимальности (выбор наиболее рациональных способов достижения поставленной цели, определение оптимальных сроков и подбор исполнителей мероприятий);

- конкретности (выделение вытекающих из общего замысла стратегии развития четко обозначенных задач, определение способов, последовательности и сроков их выполнения, обеспечивающих возможность контроля за ходом их реализации и проверку исполнения);

- гибкости (возможность корректировки критериев в связи с изменением обстановки (без ущерба основному замыслу и качеству достижения поставленных целей), а также изменения состава показателей (индикаторов) эффективности; гибкость подразумевает также, что критерий не должен определять цель, исполнение которой будет зависеть от неизвестных пока обстоятельств).

Учитывая это и руководствуясь рассмотренными выше требованиями, предъявляемыми к оценке критериев, следует заметить, что количество индикаторов (показателей), указанных в программе, не является исчерпывающим и не может способствовать объективной оценке эффективности деятельности территориальных органов ФССП России. В качестве индикаторов эффективности в программе указано всего три показателя, соответствующих требованиям:

1) доля оконченных фактическим исполнением исполнительных производств;

2) степень влияния реализации имущества должников на эффективность исполнения актов судебных и иных органов;

3) законность действий должностных лиц ФССП России.

Вместе с тем фактически отсутствуют показатели по оценке эффективности организации системы принудительного исполнения, своевременности исполнения исполнительных документов, количества исполнительных документов, исполненных добровольно, уровня внедрения и использования современных технологий в сфере противодействия коррупции и контроля. Необходимость их использования в качестве дополнительных критериев или показателей мы попытаемся обосновать в дальнейшем.

Выполнение программы, полагаем, будет зависеть от реализации функций государственного управления, которые являются «конкретным направлением управляющего воздействия государственного управления на объект управления» [15]. Вот почему обоснование критериев эффективности их достижения в системе оценки надо рассматривать через призму использования основных функций управления непосредственно территориальными органами ФССП России. Критерии являются определяющими признаками, которые создают и формируют структуру, внешний контур системы оценки эффективности деятельности управляемого субъекта.

Представляется, что наиболее значимыми функциями, существенно влияющими на эффективность функционирования этой системы, являются руководство и организация, планирование, прогнозирование и моделирование, учет, инфор-

мационное обеспечение, мотивация, координация и контроль. Очевидно, что только комплексное применение этих функций будет определяющим в достижении тех целей, которые установлены критериями эффективности. Качество их реализации (достижения) следует учитывать как один из основных критериев в системе оценки эффективности деятельности территориальных органов ФССП России. Игнорирование названных функций объектом оценки, как правило, в настоящее время является следствием необъективного анализа деятельности территориальных органов, что, в свою очередь, порождает пессимизм в низовом управляющем звене. Только умелое использование функций управления позволит сформировать в территориальном органе системность в работе.

1. См.: Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы // Сов. гос-во и право. 1970. № 3. С. 41.

2. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 21. С. 306.

3. См.: Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. С. 22.

4. Колганова Л. А. Повышение эффективности государственного управления. М. : Юрид. лит., 2005. С. 222.

5. См.: Ведомственная статистическая отчетность: 2008, 2009, 2012, 2013 // Федеральная служба судебных приставов : офиц. сайт. URL: http://fssprus.ru/statistics/ (дата обращения: 15.02.2015).

6. См.: Петров И. Н. Способы сравнения и измерения эффективности правовых норм // Уч. зап. ВНИИСЗ. Вып. 28. М., 1973. С. 188.

7. См.: Молинаро Г. Старые проблемы и новые тенденции в исполнительном производстве в специфической итальянской перспективе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 180–195.

8. См.: Глигич-Золотарёва М. В. Аудит эффективности с позиций управления в федеративном государстве. Часть 1: Общие подходы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 32.

9. См.: Тарасенко Ф. П. Прикладной системный анализ. М. : Кнорус, 2010. С. 138–141.

10. См.: Тепляшин И. В., Фастович Г. Г. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества : сб. докладов Междунар. науч. конф. (г. Красноярск, 30 сентября – 1 октября 2010 г.) : в 2 т. Красноярск : Центр информации, 2011. Т. 1. С. 114–116.

11. См.: Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. С. 22.

12. См.: СЗ РФ. 2004. № 22. Ст. 2180.

13. См.: Там же. № 18 (Ч. 2). Ст. 2158.

14. См.: Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978.

15. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. 4-е изд. М., 2009. С. 38.

СОБЫТИЯ

Заслуженное признание

В профессиях, связанных с работой на благо людей и общества, а к таковым, безусловно, относятся специальности юриста и педагога, большое значение имеет публичное признание. Одной из его наиболее авторитетных форм являются награды и звания, присуждаемые экспертным сообществом. Они подтверждают компетентность и профессионализм человека, а также свидетельствуют о немалом вкладе в формирование статуса и роли профессии.

3 декабря 2014 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова состоялась торжественная церемония вручения высшей юридической премии «Юрист года», премии им. В. А. Туманова и медали им. О. Е. Кутафина «За заслуги в юриспруденции».

Каждая из этих наград имеет особую ценность для юристов. Премия «Юрист года» — это знак высшего признания профессионального сообщества. Премия им. В. А. Туманова вручается за достижения в области конституционного правосудия, конституционного (государственного) права, сравнительного правоведения. Медалью им. О. Е. Кутафина награждаются за значительный вклад в формирование правового государства, укрепление законности и правопорядка, защиту прав и законных интересов граждан, общественное признание заслуг юриста, социально значимую деятельность в области юриспруденции, вклад в развитие российской правовой науки, развитие российского законодательства, юридического образования.

В 2014 г. премия «Юрист года» вручалась по пяти номинациям. В номинации «Правозащитная деятельность» лауреатом стала председатель Крымского регионального отделения АЮР, заместитель председателя Совета министров Республики Крым — руководитель Аппарата Совета министров Республики Крым **Л. Опанасюк**. В номинации «Правовое просвещение» премию получил член Президиума АЮР, полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ **М. Баршевский,** который также ведет совместный проект АЮР и «Российской газеты» под названием «Юридическая неделя». Специальная премия в рамках номинации «За вклад в правовое просвещение» получил генеральный директор ФГБУ «Редакция “Российской газеты”», член попечительского совета АЮР **П. Негоица**. В номинации «За вклад в юридическую науку» премию получила заведующая сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН **Т. Абова**. В номинации «Развитие законодательства» лауреатом стала член Совета Межрегионального отделения АЮР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, заместитель руководителя Администрации губернатора Санкт-Петербурга — председатель Юридического комитета **А. Митянина**. В номинации «Юридическое образование и воспитание» премию получил член Президиума АЮР, председатель

Красноярского регионального отделения АЮР, председатель Законодательного Собрания Красноярского края **А. Усс**.

Премия им. В. А. Туманова вручена заведующему кафедрой конституционного и муниципального права МГЮУ им. О. Е. Кутафина **В. Фадееву** (посмертно).

Медаль им. О. Е. Кутафина «За заслуги в юриспруденции» получили: председатель Совета Ингушского регионального отделения АЮР, Председатель Конституционного Суда Республики Ингушетия **А. Гагиев;** член Совета Кабардино-Балкарского регионального отделения АЮР, начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России **З. Шхагапсоев**.

Также медаль им. О. Е. Кутафина была вручена **А. Усиевич**, директору Ижевского юридического института (филиала) РПА Минюста России, председателю Удмуртского регионального отделения АЮР. Она стала седьмым человеком, удостоенным этой награды.

«Олег Емельянович Кутафин был одним из ведущих ученых, педагогов, юристов нашей страны. Он возглавлял Московскую государственную юридическую академию — ведущий юридический вуз в России и Европе, — отмечает А. Усиевич. — Рейтинг вуза и статус связанных с ним людей — взаимодополняющие понятия. Когда 12 лет назад мне доверили открыть в Ижевске филиал такого известного учебного заведения, как Российская правовая академия, это было неким авансом. За прошедшие годы многое было сделано, причем не для себя и не во имя себя, а для всех, поскольку с юриспруденцией люди увязывают свои ожидания покоя, законности, гарантии стабильности завтрашнего дня, а задача юристов — стремиться к тому, чтобы общество в целом жило и развивалось по закону и по совести. Поэтому важно организовать процесс так, чтобы нашим студентам было интересно жить в правовом поле, заниматься профессией и работать над развитием этой сферы. Когда ты отдаешь людям свои знания и опыт, а люди принимают и оценивают это именно так, как нужно, значит, ты идешь правильным путем. И сегодня я могу с гордостью сказать, что выданный мне аванс был оправдан. Полученная награда (а для меня она уже не первая) — это признание и оценка труда всего коллектива нашего института, РПА Минюста России, республиканского отделения АЮР.

На сегодняшний день в Ижевском юридическом институте учится около 2 тыс. студентов. Вуз лидирует среди учебных заведений республики по количеству бюджетных мест по специальности "Юриспруденция". Институт уделяет большое внимание трудоустройству выпускников — с их стороны за все время работы вуза не было зафиксировано ни одного обращения в центры занятости населения.

С 2011 г. в институте осуществляется подготовка кадров для МВД России по Удмуртской Республике по специальности "Правоохранительная деятельность".

Помимо обучения по программам высшего и среднего специального образования, вуз ведет работу по повышению квалификации. На этом направлении налажено взаимодействие с управлениями ФССП России по Удмуртской Республике, Пермскому краю, Кировской и Нижегородской областям, Республике Башкортостан.

В институте считают, что право — явление безграничное, и этим нужно пользоваться. Поэтому вуз помогает своим студентам открывать границы: они активно участвуют в мероприятиях, которые проводятся в 14 филиалах РПА Минюста России по всей стране, побеждают во всероссийских конференциях, выступают на международных конференциях в Европе, имеют возможность продолжить образование во Франции.

Возможности Академии велики, но есть и рубежи, которые юристу пересекать запрещено — это границы, определяемые профессиональной этикой. Деятельность, направленная на повышение этической составляющей в работе юриста, — одна из наиболее сильных сторон Ижевского юридического института.

Я глубоко убеждена, что, если человек понимает, в чем суть его профессии, он понимает и то, как должен себя вести. Если ты судебный пристав, то ты защитник, "возвращатель" долгов, а не "взиматель". Если ты полицейский, то ты не наказывающая сторона, а сторона, обеспечивающая покой граждан. В этом году выходит уже пятый учебник в подготовленной нами серии "Профессиональная этика юриста". Мы и дальше будем развивать эту тему, поскольку вопросы профессиональной этики включают все, о чем сегодня говорит общество: это и коррупция, которой не должно быть, и выборы, которые должны быть чистыми, и многое другое. Я занимаюсь этой работой с удовольствием и буду продолжать ее долго, всегда».

Наши ветераны
(к 70-летию празднования Великой Победы)

9 мая 2015 г. наша страна, весь мир будут праздновать 70-летие победы в Великой Отечественной войне. Это была самая жестокая, страшная война во всей мировой истории. Советское государство смогло в кратчайшие сроки мобилизовать все имевшиеся материально-технические и людские ресурсы и направить их на обеспечение обороны страны. Важнейшее значение при этом имел уровень развития общественного сознания и патриотического воспитания граждан. Невзирая на неоправданные массовые политические репрессии 1930-х гг. и определенные трудности социально-экономического характера, абсолютное большинство советских граждан встало на защиту своей Родины. На этой войне только в одной России погибло более 27 млн человек. По статистике, из 100 призывников, родившихся в начале 1920-х гг. и ушедших на фронт, вернулось домой лишь 3 %. Но доблестная Советская армия все же освободила большинство европейских стран от фашистской чумы.

Сейчас на Западе начинается кампания по умалению роли Советского Союза в Великой Отечественной войне, пытаются пересмотреть ее итоги и Второй мировой войны в целом, исказить факты. К сожалению, количество ветеранов с каждым годом сокращается, и наша основная задача — сохранить и донести до наших детей память об их подвигах.

Владимир Васильевич Зыков родился 22 июля 1923 г. в Островском районе в то время Ивановской, а ныне Костромской области.

Сам он так вспоминает начало войны: «В то время в нашем краю ни радио, ни газет, ни транспорта, ни порядочных дорог не было. Стоял теплый солнечный день, никаких предчувствий не возникало. Когда после обеда с базара вернулись женщины из райцентра Семеновского-Лапотного, они и принесли страшную весть. К вечеру мы с друзьями отправились в райцентр, у военкомата уже стояли подводы с призывниками, мужчин с ходу отправляли на фронт» [1].

Война разрушила планы молодого человека, который, имея склонность к гуманитарным наукам, мечтал поступить в педагогический институт на исторический факультет, пойти по стопам своего отца — стать учителем. После выпускного вечера он в числе других выпускников был направлен на трудовой фронт. За активную работу на строительстве оборонительной линии на левом берегу Волги, которое проходило в чрезвычайно суровых условиях зимы 1941 г., В. В. Зыков получает свою первую награду — почетную грамоту Ивановского областного совета депутатов.

В самом начале 1942 г. Владимир Васильевич призывается в Красную Армию и направляется на учебу в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, только что эвакуированное в Кострому. Обучение проходило по сокращенной программе, и уже 1 ноября 1942 г. в воинском звании лейтенанта В. В. Зыков был направлен в самое пекло боев — на Сталинградский фронт.

Ускоренная подготовка давала о себе знать: «Доучиваться, восполнять знания, недополученные в военном училище в результате резкого сокращения срока обучения, пришлось на фронте, порой на собственных ошибках. Невозможно забыть один случай. Еще в начале боевого пути наша батарея получила приказ завершить в тече-

ние ночи многокилометровый переход и занять огневую позицию на берегу реки. Мне, как командиру взвода управления, заранее было приказано установить к определенному часу телефонную связь с командиром пехотного батальона, находившимся на другой стороне реки. Событие происходило в марте, и, хотя лед на реке уже прошел, вода была очень холодная, никаких переправ в темное время установить не удалось, поэтому перебраться на другой берег с тяжелыми катушками кабеля можно было только вплавь. Я пожалел своих подчиненных и разрешил им немного поспать до рассвета. А когда рассвело, мы увидели буквально в нескольких сотнях метров пешеходную переправу, приказ вскоре был выполнен, но с некоторым запозданием. За это я был наказан в дисциплинарном порядке с весьма громкой формулировкой "за невыполнение боевого приказа".

Незначительное опоздание с выполнением приказа нисколько не повлияло на решение поставленной перед батареей задачи, наложенное на меня взыскание тоже не имело каких-либо отрицательных последствий в дальнейшей службе, но для меня это был весьма большой урок. Война есть война, каждый ее шаг регламентируется приказами командиров, они всеми должны выполняться беспрекословно, точно и в срок, так как от этого зависит судьба многих людей. Этот случай научил меня быть всегда исполнительным, не только на войне, но и на гражданской службе» [2].

Участвовал Владимир Васильевич и в особо ожесточенных боях за Донбасс в районе реки Миус. Там и сейчас неспокойно и происходят события, которые не должны оставить равнодушными всех, кто помнит и чтит историю, думает о судьбе своих соотечественников.

Антон Зыков, внук В. В. Зыкова, отмечает большую личную скромность своего деда, говорит о том, что при встречах с молодым поколением и представителями прессы он не любит говорить о себе и своих военных отличиях, утверждая, что не помнит причину награждения медалью «За отвагу» — наградой, пожалуй, самой почетной для любого солдата. Действительно, ветеран, как истинный солдат, предпочитает спокойно излагать ход военных действий, но всегда с особой теплотой и сердечностью говорит о своих боевых товарищах. Вспоминает о самых тяжелых страницах военной биографии, о том случае, когда, по мнению сослуживцев, погиб не он, а 18-летняя санинструктор Валя Никифорова: «Это в кино все выглядит романтично и героически. А на самом деле им (девчонкам-сверстницам. — *Прим. авт.*) в той же мере, что и нам, довелось хлебнуть, грязи, холода, фронтовых вшей, промерзлых окопов… и погибали они наравне с мальчишками. У нас на батарее служила лишь одна девушка — Валентина Никифорова из Астрахани. Она была санинструктором, но выполняла обязанности телефонистки. Валя погибла в июле 1943 года на моих глазах, не успев произнести ни слова. Ей не исполнилось еще и девятнадцати лет» [3].

Возвращаясь к ратному труду и личным заслугам Владимира Васильевича, стоит отметить, что графа «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» наградного листа, представлявшего его к медали «За отвагу», дает сухое, но емкое обоснование награждения: «Лейтенант Зыков Владимир Васильевич работает в 488-м армейском минометном полку на должности командира огневого взвода с декабря месяца 1942 года.

За время боевых действий с немецкими оккупантами взвод, которым командует лейтенант Зыков В. В., стал лучшим взводом в дивизии и наносит врагу сокрушительный удар.

В боях под селом Марьевкой взвод лейтенанта Зыкова нанес серьезный урон живой силе и технике противника. 17 июля 1943 года в районе Куйбышево, во время арт. обработки укреплений противника, лейтенант Зыков умело вел огонь своим взводом и подавил несколько огневых точек противника.

18, 19, и 20 июля 1943 года, несмотря на сильный огонь противника и бомбардировки, вел точный, сокрушающий удар по контратакующему противнику. В результате контратака противника была отбита».

В октябре 1943 г. В. В. Зыков был тяжело ранен, два месяца провел в госпитале, был признан инвалидом войны, но затем вернулся в свой полк, находившийся уже в районе Днепра. Однако служить в полку, ставшем к тому времени родным, долго не пришлось: В. В. Зыкова направили на курсы зенитчиков. Пройдя всю Польшу в составе 1936-го зенитного полка, он встретил День Победы в Бреслау: «Мы об этом узнали только под утро, — говорит наш герой, — когда командир отделения Миша Бирюков разбудил меня: "Товарищ старший лейтенант, война кончилась!" Мы тоже, как и поляки, отметили день Победы залпами из пушек. Отпраздновали очень скромно, денег хватило только на бутылку пива в местном шинке…» [4].

За ратные заслуги В. В. Зыков награжден орденами Отечественной войны I степени и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

После войны Владимир Васильевич не хотел оставаться на службе, мечтая пойти по стопам своего отца. Однако начальство не желало отпускать его из армии. И выход был найден:

осенью 1948 г., хотя и не без трудностей, бюрократических проволочек, В. В. Зыков поступает в Военно-юридическую академию на заочную форму обучения и через некоторое время переводится на службу в военную прокуратуру, где участвует в пересмотре уголовных дел репрессированных лиц; увольняется из армии по возрасту только в 1979 г. с должности заместителя начальника отдела — помощника Главного военного прокурора.

Буквально на следующий день Владимир Васильевич поступает на службу в Генеральную прокуратуру СССР и выполняет самую ответственную работу. Так, он поддерживает обвинение по громким делам, связанным с коррупцией.

Проработав в Генеральной прокуратуре СССР вплоть до ее ликвидации, В. В. Зыков переходит на работу в Минюст России. В трудные годы становления нового Российского государства он отстаивает его интересы и пытается сохранить отечественные традиции и ценные наработки в сфере юстиции. Владимир Васильевич вспоминает: «Незадолго до моего назначения в Минюст Верховный Совет РСФСР 24 октября 1991 года одобрил Концепцию судебной реформы. Суть этой концепции сводилась к умышленному развалу прежней судебной системы, охаиванию правоохранительных органов, глупому подражанию законодательству западных стран, для чего нашу страну заполнили в качестве консультантов и экспертов толпы американских юристов, зачастую не очень высокой квалификации. В результате такой "реформы" страну захватил преступный беспредел, честным гражданам пришлось ставить решетки на окнах, стальные двери с особо сложной системой замков, не выходить из домов в темное время суток, испытывать постоянный страх за себя и близких.

Уволен из Минюста 22 марта 2000 года в связи с достижением предельного возраста, установленного для госслужащих, с должности зам. начальника отдела судоустройства и процессуального законодательства Департамента законодательства о госбезопасности и правоохранительной деятельности, имея 60-летний трудовой стаж, из них 50 лет на службе закону (со 2 августа 1949 года по 22 марта 2000 года). Казалось, что я честно выполнил свой долг перед Родиной» [5].

Заслуги Владимира Васильевича на гражданской службе были также высоко оценены, ему присвоено почетное звание заслуженного юриста РСФСР, он награжден нагрудными знаками «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», «Почетный работник юстиции России», «За службу в военной прокуратуре», почетной грамотой Правительства РФ и медалями Анатолия Кони, «В память 200-летия Минюста России», «За усердие» I и II степени, «Патриот России» и «Ветеран прокуратуры».

Имя **Бориса Васильевича Кравцова** связано не только с первыми годами Советской власти и истории Великой Отечественной войны, но и с первыми годами восстановления народного хозяйства СССР после войны, укреплением социалистической законности и государственности СССР, борьбы наиболее дальновидных государственных деятелей за справедливость и гуманизм.

Судьба уготовила Б. В. Кравцову появиться на свет в труднейшее для молодого советского государства время — 28 декабря 1922 г., в святом для русской государственности месте — Московском Кремле. Дело в том, что его отец, участник Гражданской войны Кравцов Василий Алексеевич, являлся курьером Совнаркома, ежедневно встречался по долгу службы с Председателем СНК республики В. И. Лениным, к тому же отвечал за отопление его кабинета. Владимир Ильич, несмотря на огромную занятость, иногда беседовал с Василием Алексеевичем, расспрашивал о жизни и, узнав, что он малограмотный, но тянется к знаниям, помог поступить на рабфак, который тот успешно окончил, после чего стал работать в Совнаркоме РСФСР.

Б. В. Кравцов окончил десять классов московской школы № 131. Он готовился стать моряком, изучал военно-морское дело, на Останкинском пруду занимался практикой — греблей на шлюпках, увлекался боксом в секции ДСО «Спартак», готовился к экзаменам для поступления в Севастопольское военно-морское училище. К тому времени имел удостоверение и значок моряка.

11 августа 1941 г. Борис Васильевич, как и множество других молодых патриотов, был уже на сборном пункте Белорусского вокзала. Началась нелегкая военная служба курсанта отдельного 910-го учебного саперного батальона, а в сентябре того же года он был уже курсантом Одесского артиллерийского училища им. М. В. Фрунзе, эвакуированного в город Сухой Лог Свердловской области. В армии не хватало офицерских кадров, особенно артиллеристов. Кравцова, имеющего полное среднее образование, направили на ускоренные офицерские курсы. Трехлетнюю программу обучения он освоил за восемь месяцев.

В конце мая 1942 г. лейтенант Б. В. Кравцов заступил на должность командира топографического взвода второго дивизиона 722-го артиллерийского полка 300-й дивизии 38-й армии. Прошел не один десяток лет с того времени, а многое помнится до сих пор, словно это было вчера. Что сулил каждый новый день? Смерть? Ранение? Удачу? По военным меркам удача дружила с ним, долго берегла его.

Между тем войскам приходилось отступать. Приказ Наркома обороны от 22 июля 1942 г. № 227 «Ни шагу назад!» солдатами, старшинами, сержантами, офицерами на фронте был встречен с пониманием.

Пришло время, когда наши войска от отступления перешли в решительное наступление. Среди тех, кто наступал и каждый день ковал победу, не щадя себя, был и Борис Васильевич. Враг не сдавался, ожесточенно сопротивлялся, смерть косила однополчан. Много раз ходила она и около Б. В. Кравцова. 25 октября 1943 г. форсировали Днепр. Смерть была уже совсем рядом, когда он закричал: «Вызываю огонь на себя! Цель — наш наблюдательный пункт!»

За форсирование Днепра Борису Васильевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Обстоятельства получения этой высокой государственной награды были следующие. 24 октября 1943 г. части дивизии, где служил Борис Васильевич, получили задачу форсировать Днепр с целью захвата острова Хортицы. Гвардии лейтенант Кравцов совместно с пехотными частями, группой разведки и связистов под огнем противника переправился на остров, где выбрал наблюдательный пункт, связался с дивизионом по радио и вызвал огонь артиллерии для подавления огневых точек противника. Сразу же были уничтожены две минометных батареи противника и дзот. Противник предпринял яростную контратаку, которая была отбита огнем артиллерии. Но за ней последовала вторая, затем и третья. Положение оказалось тяжелым. Противник потеснил нашу пехоту к берегу, грозил быть сброшенной в реку. Наблюдательный пункт был окружен. Б. В. Кравцов вызвал прицельный огонь на себя. Атака была отбита, но были ранены сам Кравцов и начальник радиостанции, а последняя разбита. Раненный, Борис Васильевич поднял разведчиков и связистов и, вооружившись гранатами, вместе с пехотой пошел отражать немецкую контратаку. Когда связь с дивизионом была налажена, он продолжал корректировать огонь. Несмотря на приказ возвратиться на левый берег для оказания ему медицинской помощи, он отказался и в течение дня участвовал в отражении девяти атак. В результате умелого управления огнем артиллерии все контратаки были отбиты и захваченный плацдарм на Хортице был удержан. И только спустя сутки Кравцов переправился на левый берег и получил медицинскую помощь.

На этом ратные подвиги Б. В. Кравцова не закончились. Были и другие кровопролитные бои, потери друзей, сослуживцев. Армия наступала, продолжая побеждать, но были и контрудары и контратаки противника, нескончаемые бомбежки наших позиций.

В одной из таких бомбежек осколок вражеского снаряда нашел и Бориса Васильевича. Дальше — медсанбат, госпитали и инвалидность. Но он не сдался — не такой он был человек, чтобы, пройдя через тяготы сражений, сдаваться болезням, быть инвалидом. В 1944 г. он поступил в Московский автодорожный институт, однако был вынужден прервать учебу: раны напомнили о себе. Через несколько месяцев, почувствовав себя лучше, поступил учиться в Московскую юридическую школу, а по ее окончании — во Всесоюзный юридический заочный институт. Во время учебы работал судьей, а с 1950 г. — в аппарате Минюста СССР в должности старшего инспектора-ревизора, тогда же был избран секретарем парткома Минюста СССР. С ноября 1955 г. — инструктор отдела административных органов ЦК КПСС.

Как оказалось, профессию юриста Борис Васильевич выбрал удачно и на всю жизнь. 28 января 1960 г. он был назначен первым заместителем Прокурора РСФСР, а в январе 1971 г. — Прокурором РСФСР.

В апреле 1984 г. Б. В. Кравцов назначен на должность министра юстиции СССР и избран депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва.

В 1990 г. Борис Васильевич избирается членом правления Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы; с 1993 г. — вице-президент Российской ассоциации Героев.

Б. В. Кравцов награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Дружбы народов, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Украины», «За освобождение Запорожья», «За победу над Германией», Анатолия Кони, «За усердие» I и II степени. Почетный работник прокуратуры, почетный работник юстиции России, почетный гражданин городов Каменск и Дербент, действительный член Академии военно-исторических наук, автор книги «Записки прокурора республики», он также является автором более 100 публикаций в журналах «Советское государственное право», «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Огонек», «Ветеран» и др.

Алексей Владимирович Москалёв родился 23 октября 1926 г. в г. Шуе Ивановской области. В 1943 г. после вступления в комсомол он был зачислен в истребительный батальон, в составе которого участвовал в охране наиболее важных обьектов в родном городе, а также в изоляции дезертиров, бежавших с фронта.

Осенью 1943 г. 17-летний ученик 10-го класса шуйской школы А. В. Москалёв был призван в армию и зачислен в 375-й учебный батальон. После завершения обучения в июне 1944 г. все курсанты батальона были направлены на фронт. А. В. Москалёв был зачислен в 100-й гвардейский полк 35-й дивизии, располагавшейся на территории Западной Украины. Хотя первоначально полк находился в третьем эшелоне наступавших войск, он постоянно подвергался бомбежкам немецкой авиации.

1 августа 1944 г. 100-й полк дислоцировался на правом берегу Вислы и стал готовиться к наступлению. А. В. Москалёв принимал активное участие в форсировании реки и захвате Магнушевского плацдарма, который сыграл важную роль на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Войскам 8-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника В. И. Чуйкова удалось закрепиться на левом берегу реки в районе города Магнушева (Польша) и создать плацдарм до 15 км шириной и до 5 км в глубину. Затем при участии других корпусов и дивизий 1-го Белорусского фронта, а также подразделений 1-й армии Войска Польского его удалось расширить до 44 км по фронту и до 15 км в глубину. Попытки гитлеровских войск нанести контрудар и ликвидировать плацдарм не увенчались успехом.

Магнушевский плацдарм явился одним из важных подготовительных этапов начавшейся 12 января Висло-Одерской операции, которая позволила освободить 17 января 1945 г. Варшаву и значительную часть Польши, открыв войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов путь на Берлин.

При форсировании Вислы А. В. Москалёв проявил мужество и отвагу, уничтожив гранатами пулеметный расчет противника, расстреливавший в упор его однополчан. В боях с противником на Магнушевском плацдарме Алексей Владимирович был ранен и оправлен в госпиталь г. Бреста. «Вот так закончилось мое первое пребывание на фронте, — вспоминает А. В. Москалёв, — когда каждый день мог оказаться последним в жизни» [6]. После излечения он попал сначала в 390-й запасной полк, а затем в 117-й стрелковый полк 61-й армии и принимал участие в освобождении Варшавы и штурме Берлина.

Таким образом, А. В. Москалёв с ноября 1943 г. по май 1945 г. проходил военную службу и непосредственно участвовал в боевых действиях. Он был пулеметчиком, разведчиком, заместителем командира взвода. За участие в Великой Отечественной войне А. В. Москалёв был награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени и Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и др.

В послевоенный период, после окончания в 1948 г. Свердловского пехотного училища, А. В. Москалёв служил командиром парашютно-десантного взвода. В 1957 г. он окончил юридический факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина и был направлен для продолжения службы в частях военного трибунала. Он являлся членом военного трибунала танковой армии, Балтийского флота, Центральной группы войск, начальником отдела кадров Управления военных трибуналов, председателем военного трибунала Московского округа ПВО.

После увольнения в 1987 г. из Вооруженных Сил СССР Алексей Владимирович в течение четырех лет работал в центральном аппарате Минюста СССР старшим консультантом, а затем — исполняющим обязанности начальника отдела по обучению и воспитанию судей и работников юстиции Управления кадров того же ведомства. Как отмечает сам А. В. Москалёв, ему удалось написать новое Положение о Министерстве юстиции Советского Союза, которое не успели узаконить из-за развала нашего государства, а также Положение о квалификационных коллегиях судей [7].

Трудовые заслуги А. В. Москалёва, генерал-майора юстиции в отставке, заслуженного юриста РФ и почетного работника юстиции России, отмечены медалями Анатолия Кони, «В память 200-летия Минюста России», «За усердие» I и II степени, «Патриот России» и многими другими.

На встрече во студентами РПА Минюста России Алексей Владимирович подчеркивал, что в юридической деятельности «надо соблюдать объективность в оценке обстоятельств, справедливость», учитывать особенности личности, причины и условия и только «после этого применять закон» [8]. Выступления таких людей, как он, перед молодежью, его воспоминания о тяжелых военных испытаниях, преодолении трудностей послевоенного периода имеют неоценимое значение для патриотического воспитания подрастающего поколения.

Александр Яковлевич Сухарев родился 11 октября 1923 г. в селе Малая Трещевка Воронежской области. В 16 лет он пошел работать слесарем на Воронежский авиационный завод № 18, где трудился вплоть до начала Великой Отечественной войны. В июле 1941 г. его направили учиться в Воронежское военное училище связи. Когда немецко-фашистские войска стали угрожать Воронежу, училище вместе с молодым офицером Сухаревым было эвакуировано в Самарканд. В середине декабря 1941 г., после провала не-

мецкого наступления под Москвой, лейтенанта Сухарева направили в формирующуюся 69-ю стрелковую дивизию в пригород Ташкента, где он был назначен командиром взвода связи 237-го стрелкового полка.

После войны Александр Яковлевич вспоминал, что, когда воевал, о наградах и не думал, ведь каждый день на передовой мог оказаться последним.

«Понимаешь, какое дело, больше боялись не выполнить долг перед Родиной, боялись позорной смерти, а больше всего — плена, презрения товарищей за глупость или трусость. А что касается смерти… Кто ее боится, тот уже покойник. Боязнь смерти — мучительнее самой смерти. А я был в лапах у нее не раз. Командир взвода стрелкового полка в атаку идет первым, отступает последним. В этой должности я воевал около года, значит, встречался со смертью иногда по нескольку раз в течение дня. Вряд ли она сто́ит того, чтобы о ней все время думать» [9].

За годы Великой Отечественной войны А. Я. Сухарев был награжден четырьмя боевыми орденами.

Орден Отечественной войны II степени Александр Яковлевич получил в октябре 1942 г. Это было достаточно тяжелое время для нашей страны: немецко-фашистское командование все еще планировало победить СССР в войне и стремилось выйти к Волге и Кавказу. Дивизия, в которой служил А. Я. Сухарев, вела оборонительные бои на смоленском направлении, и командованию необходим был «язык» для выяснения планов противника. Взвод Александра Сухарева должен был обеспечивать бесперебойную связь с группой разведки на переднем крае. Ночью, приблизившись к позициям противника, бойцы ворвались во вражеский блиндаж. В ходе скоротечного рукопашного боя взять в плен живого немца не удалось, но удалось захватить важные документы.

Другую награду — орден Отечественной войны I степени А. Я. Сухарев получил за участие в Курской битве летом 1943 г. В ходе сражения 69-я дивизия, в которой служил Александр Яковлевич, на протяжении нескольких дней подвергалась непрекращающимся атакам немецко-фашистских войск. В ходе постоянных немецких бомбежек происходили обрывы связи, которую и должно было обеспечивать подразделение А. Я. Сухарева. Особенно драматическую ситуацию Александру Яковлевичу пришлось пережить в районах Новгород-Северского и Севска, когда при выходе из строя многих связистов ему самому, помощнику начальника штаба полка по связи, неоднократно приходилось под огнем противника восстанавливать нарушенные линии связи.

В начале 1944 г. А. Я. Сухарев был удостоен ордена Красного Знамени за освобождение Украины. Он принимал непосредственное участие в форсировании Днепра, которое происходило под ураганным вражеским огнем. Тогда Александр Яковлевич был контужен, но все же обеспечил связь между берегами, такую важную в момент форсирования и захвата плацдарма на вражеском берегу.

В ходе боев за Белоруссию под местечком Озаричи подразделениями дивизии, в которой служил А. Я. Сухарев, были обнаружены три немецких концентрационных лагеря, где содержалось 33,5 тыс. стариков, женщин и детей (только детей в возрасте до 13 лет было более 15 тыс.), почти поголовно зараженных сыпным тифом. Подступы к лагерям, представлявшим собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой, были заминированы. Никаких построек (даже землянок или шалашей) не было, охрана расстреливала каждого, кто пытался развести костер, чтобы обогреться. Находясь в таких нечеловеческих условиях, люди ежедневно умирали сотнями.

Несколько суток подряд службы дивизионного тыла мыли, кормили, оказывали первую медицинскую помощь бывшим узникам. Благодаря самоотверженной работе военных медиков были спасены десятки тысяч жизней и предотвращена опасность эпидемии сыпного тифа среди гражданского населения и в войсках.

За участие в окружении мощной немецкой группировки немцев под Бобруйском А. Я. Сухарев был удостоен еще одного ордена Красного Знамени. В ходе боев по уничтожению окруженной группировки противника ему вместе с несколькими солдатами удалось захватить 20 немецких солдат. Разоруженных, их заставили обратиться через громкоговорители к другим гитлеровским солдатам с предложением о сдаче. Это обращение сыграло немалую роль, так как в течение дня в расположение части пришли сдаваться около 300 немецких военных.

Потом были еще бои: освобождение многих городов и сел Белоруссии, форсирование Буга, выход на западную границу страны, освобождение Польши. В сентябре 1944 г. в ходе форсирования реки Нарев Александр Яковлевич получил тяжелое ранение и вплоть до конца войны лечился в госпиталях.

После демобилизации он 11 лет находился на комсомольской работе, в том числе в аппарате ЦК ВЛКСМ. В 1950 г. А. Я. Сухарев окончил Всесоюзный юридический заочный институт. В декабре 1959 г. был выдвинут на работу в аппарат ЦК КПСС, в сентябре 1970 г. — назначен первым заместителем министра юстиции СССР,

в 1984 г. стал министром юстиции РСФСР, с мая 1988 г. по октябрь 1990 г. занимал пост Генерального прокурора СССР. В июле 1996 г. А. Я. Сухарев был назначен директором НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

На постах министра юстиции РСФСР и Генерального прокурора СССР Александр Яковлевич многое сделал для преодоления последствий культа личности и тоталитаризма, при нем был взят плодотворный курс на раскрытие потенциала судебной и прокурорской системы в демократизации судопроизводства, предупреждении преступности, усилении правозащитной функции органов правоохраны.

Как видного общественного деятеля и участника войны, ветеранские и другие общественные организации избрали А. Я. Сухарева президентом Межрегионального общественного фонда «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», цель которого — сохранить и увековечить в памяти народа, его молодого поколения героический подвиг сынов и дочерей Отчизны, защищавших ее свободу от фашистских захватчиков, воздать должное величию русского полководческого таланта, патриотизму и мужеству прославленных маршалов и генералов.

Жизненный путь А. Я. Сухарева — это образец самоотверженного служения Родине и Закону. Его богатый жизненный опыт и знания востребованы и в настоящее время, а замечательные личные качества являют пример высочайшей скромности, порядочности и душевности. Советнику Генерального прокурора РФ А. Я. Сухареву в 2010 г. указом Президента РФ присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции.

Материал подготовлен
М. Б. Авериным, В. Н. Бабенко,
М. А. Горбуновым, П. В. Никитиным

---

1. Цит. по: Ветераны юстиции — поколение победителей / под ред. Н. С. Козлова ; сост. Е. В. Горбачева. М., 2010. С. 109–110.
2. Цит. по: Там же. С. 110.
3. Цит. по: Ветераны юстиции — участники Великой Отечественной войны и труженики тыла. М., 2008. С. 93.
4. Цит. по: Ветераны юстиции — поколение победителей. С. 111.
5. Цит. по: Там же. С. 108–109.
6. Цит. по: Там же. С. 226.
7. См.: Там же. С. 239.
8. Цит. по: Ветераны юстиции о времени и о себе: К 210-летию образования Министерства юстиции / под ред. В. В. Зубрина, сост. Е. В. Горбачева. М., 2012. С. 310.
9. Ветераны юстиции — участники Великой Отечественной войны … С. 126.

Сокращения, принятые в издании

абз. — абзац (-ы)

АЮР — Ассоциация юристов России

БВС — Бюллетень Верховного Суда

ВВАС — Вестник Высшего Арбитражного Суда

ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета

гл. — глава (-ы)

долл. — доллар (-ы)

ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека

МГУ — Московский государственный университет

МГЮУ — Московский государственный юридический университет

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минздравсоцразвития России — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации (до 2012 г.)

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн — миллион (-ы)

млрд — миллиард (-ы)

МОТ — Международная организация труда

НДС — налог на добавленную стоимость

ООН — Организация Обьединенных Наций

ООО — общество (-а) с ограниченной ответственностью

п. — пункт (-ы)

разд. — раздел (-ы)

РАН — Российская академия наук

РГ — «Российская газета»

Росрегистрация — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РПА — Российская правовая академия

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль (-и)

РФ — Российская Федерация

СЗ — Собрание законодательства

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья (-и)

США — Соединенные Штаты Америки

ТС — Таможенный союз

тыс. — тысяча (-и)

УИС — уголовно-исполнительная система

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов

ФФОМС — Федеральный фонд обязательного медицинского страхования

ч. — часть (-и)

Наши авторы

Аверин Михаил Борисович — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва), kafedra_teorii@list.ru

Бабенко Василий Николаевич — профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, доктор исторических наук, профессор (г. Москва), kafedra_teorii@list.ru

Борсученко Светлана Алексеевна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), bca38@mail.ru

Брыка Игорь Игоревич — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), iibr04@mail.ru

Будай Сергей Николаевич — профессор кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), bsn1902@yandex.ru

Вольдимарова Надежда Георгиевна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), woldimarova@list.ru

Воронова Оксана Сергеевна — аспирант кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России (г. Тула), voronova@tfrpa.ru

Гилязутдинов Ринат Камильевич — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Мин-юста России, кандидат юридических наук (г. Москва), grk65@mail.ru

Горбунов Михаил Александрович — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), kafedra_teorii@list.ru

Горемычкин Игорь Евгеньевич — соискатель кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, адвокат Московской коллегии адвокатов «Кривченков, Горемычкин и партнеры» (г. Москва), 5643387@mail.ru

Дробышев Максим Геннадьевич — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), drobyshev.mg@mail.ru

Иванов Айдар Лазаревич — первый заместитель прокурора Республики Саха (Якутия), кандидат юридических наук (г. Якутск), aidar-ivanov@yandex.ru

Никитин Павел Владиславович — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), nikitinP2007@yandex.ru

Огурцов Сергей Александрович — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), serg_wasp@bk.ru

Савельева Анна Викторовна — доцент кафедры общих проблем прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе Академии Генеральной прокуратуры РФ (г. Москва), kafedraon@mail.ru

Сапрыкин Кирим Николаевич — главный эксперт Правового управления ООО «Интер РАО — Инжиниринг» (г. Москва), nksmgs@mail.ru

Сибилёв Юрий Николаевич — помощник директора ФССП России — главного судебного пристава РФ, почетный работник ФССП России, действительный государственный советник юстиции 3-го класса (г. Москва), unsibilev@yandex.ru

Сушкова Ольга Викторовна — доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), ovsushkova@mail.ru

Федорченко Елена Вячеславовна — преподаватель кафедры общеобразовательных и юридических дисциплин, аспирант кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России (г. Москва), fedelena.fa@mail.ru

Чашкова Светлана Юрьевна — заведующая кафедрой международного права, адвокатуры и нотариата РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), svetlanach127@rambler.ru

Черепанова Инна Валерьевна — доцент кафедры общих проблем прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук (г. Москва), kafedraon@mail.ru

Чупрова Антонина Юрьевна — профессор кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), 3959400@mail.ru

Our Authors

Averin Mikhail Borisovich — the assistant professor of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kafedra_teorii@list.ru

Babenko Vasiliy Nikolaevich — the professor of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law (Moscow), kafedra_teorii@list.ru

Borsuchenko Svetlana Alexeevna — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), bca38@mail.ru

Bryka Igor Igorevich — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), iibr04@mail.ru

Buday Sergey Nikolaevich — the professor of the Organization and Management in the Prosecution Bodies Chair of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), bsn1902@yandex.ru

Chashkova Svetlana Yurievna — the head of the International Law, Advocacy and Notaries Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), svetlanach127@rambler.ru

Cherepanova Inna Valerievna — the assistant of the General Prosecutor's Supervision over the Implementation of Federal Legislation and the Participation of Public Prosecutors in Civil and Arbitration Proceedings Chair of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kafedraon@mail.ru

Chuprova Antonina Yurievna — the professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), 3959400@mail.ru

Drobyshev Maxim Gennadievich — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), drobyshev.mg@mail.ru

Ivanov Aydar Lazarevich — the first deputy prosecutor of the Republic of Sakha (Yakutia), PhD in law (Yakutck), aidar-ivanov@yandex.ru

Fedorchenko Elena Vyacheslavovna — the teacher of the General Education and Legal Disciplines Chair, the post-graduate of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), fedelena.fa@mail.ru

Gilyazutdinov Rinat Kamilievich — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), grk65@mail.ru

Gorbunov Mikhail Alexandrovich — the assistant professor of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kafedra_teorii@list.ru

Goremychkin Igor Evgenievich — the post-graduate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, lawyer of the Moscow Bar "Krivchenkov, Goremychkin and partners" (Moscow), 5643387@mail.ru

Nikitin Pavel Vladislavovich — the assistant professor of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), nikitinP2007@yandex.ru

Ogurtsov Sergey Alexandrovich — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), serg_wasp@bk.ru

Savelieva Anna Victorovna — the assistant professor of the General Prosecutor's Supervision over the Implementation of Federal Legislation and the Participation of Public Prosecutors in Civil and Arbitration Proceedings Chair of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation (Moscow), kafedraon@mail.ru

Saprykin Kirim Nikolaevich — the chief expert of the Legal Department of Inter RAO — Engineering LLC (Moscow), nksmgs@mail.ru

Sibilyev Yuriy Nikolaevich — the assistant of the Director of the Federal Bailiff Service of Russia — chief bailiff of the Russian Federation, honored worker of the Federal Bailiff Service of Russia actual state councilor of justice of the 3rd class (Moscow), unsibilev@yandex.ru

Sushkova Olga Victorovna — the assistant professor of the of Business Law, Civil and Arbitration Process Chair, PhD in law (Moscow), ovsushkova@mail.ru

Voldimarova Nadezhda Georgievna — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), woldimarova@list.ru

Voronova Oxana Sergeevna — the post-graduate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Tula), voronova@tfrpa.ru

Перечень статей и материалов, опубликованных в 2014 году

Название статьи	Номер	Страницы
Абрамов В. Г. Состав экологического преступления: понятие, особенности содержания, виды	1	39–42
Авсеницкая К. В. Границы деятельного раскаяния и их отражение в уголовном законе	1	43–47
Агапов С. В. Правовая сущность брака в Российской Федерации	3	77–81
Акимова Н. В. Влияние христианства на становление и развитие отечественного уголовного законодательства	4	41–44
Афанасьева Т. И. Перспективы применения безотзывных доверенностей в России	2	31–35
Бадыков Л. Ф. Стадии назначения и исполнения наказания в виде административного приостановления деятельности	3	60–64
Бойко Т. К. Вопросы отграничения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений и антиобщественную деятельность от некоторых смежных составов преступлений	4	45–48
Борсученко С. А. Проблемы законодательного регулирования правового статуса персонала исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций	4	49–51
Брыка И. И. Правовой анализ некоторых норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	4	52–56

Гвоздецкий Д. С. Правовой анализ юрисдикции и экстерриториальности применения норм дипломатической защиты, осуществляемой государственными органами внешних сношений	2	88–91
Гинц Е. М. Реквизиция имущества как основание возникновения обязательств по возмещению правомерно причиненного вреда	1	18–21
Горемычкин И. Е. Сравнительный анализ уголовного законодательства в области борьбы с преступной деятельностью групповых образований террористической направленности в России, Австрии и Федеративной Республике Германии	2	49–53
Гуков Р. В. О субсидиарной ответственности участников холдинга	2	36–39
Гушин В. В., Кирпичев А. Е. Предпринимательско-правовые аспекты планирования публичных закупок	1	22–25
Денисова А. В. Правоположения как элемент системоохраняющего механизма в уголовном праве	3	32–36
Добрякова Г. Э. Организационно-правовые проблемы деятельности систем — посредников в сети Интернет	4	32–33
Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2012 год	2	3–26
Долгополов К. А., Саруханян А. Р. К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против порядка управления	2	54–60
Дутковский Е. В. «Старшая Эдда» как отражение социальных норм догосударственного и раннегосударственного общества	2	27–30
Егошина Ю. А. Механизм реализации административно-правового статуса территориального органа Минюста России: понятие, структура, содержание	1	71–73
Еськов С. В. Негласные ограничения прав граждан в борьбе с преступностью: апология допустимости	2	61–65
Жулина М. Г. Организационные аспекты судебной защиты Федеральной службы судебных приставов	2	83–87
Заец А. М. Минимизация риска утраты права собственности, вызванного рейдерством, путем использования титульного страхования	1	26–29
Звягинцев А. Г. У истоков	1	3–10
Иванов А. Л. О соотношении мер уголовно-правового характера с мерами уголовной ответственности	2	66–72
Илюшина М. Н. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации и новеллы правового статуса обществ с ограниченной ответственностью	4	34–40

Карпова О. В. Региональная криминологическая характеристика личности женщин-преступниц, совершивших преступления повторно	1	48–53
Касьяненко Т. С. Охрана труда при производстве строительных работ	3	8–11
Козлова Е. Б. Договоры об установлении ограниченных вещных прав как основание для актуализации теории вещного договора	1	30–33
Козяйкин Н. Я. Преступления адвокатов в сфере профессиональной деятельности: постановка проблемы и задачи криминологического анализа	2	73–75
Колесова А. С. Тактические особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании насильственных преступлений в семье	1	54–60
Красиков В. И. Международное право в противодействии политическому насилию (к 65-летию Всеобщей декларации прав человека)	1	74–78
Красиков В. И. Норма и преступление как имманентные стороны общественной жизни	4	3–5
Кузнецова Н. И. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и требования, предъявляемые к ним	4	57–61
Кучин В. В. Критерии оценки выводов (суждений) судебно-медицинских экспертиз в уголовном процессе	4	62–64
Кучина М. С. Криминогенные дисфункции семьи	3	37–41
Мальков Б. Н. Мировоззренческие коллизии права (в лабиринтах справедливости)	1	11–17
Мальков Б. Н. Мотивы самосуда, мщения, политического насилия в деле Веры Засулич (по материалам воспоминаний Анатолия Федоровича Кони)	4	6–11
Миронов Д. В. Регулятивная роль принципов и гарантий трудовых прав	4	23–26
Миронова А. Н. Значение и роль трудового договора в условиях рынка в Российской Федерации	4	27–31
Мнацаканян А. А. Принудительная высылка иностранных лиц как мера административного принуждения в Российской Федерации и Республике Армении	3	65–68
Мороз Б. А. Обязательства из неосновательного обогащения: возникновение, трансформация, прекращение с учетом анализа материалов судебной практики в сфере наружной рекламы	2	40–43

Морозов А. А. Вопросы формирования Единого регистра нормативных правовых актов	1	61–65
Насимов Г. А. Неоконченные преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран	3	42–45
Никитин П. В. К вопросу о роли Народного комиссариата юстиции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в борьбе с голодом 1921 года	4	12–17
Никифорова Т. С. Человек на все времена (памяти Юрия Дмитриевича Северина)	1	83–89
Новикова Ю. В. К вопросу о сущности и классификации методов исследования элементов криминологической характеристики преступности (преступлений)	4	65–69
Огурцов С. А. Исследование вопросов о невменяемости, уменьшенной вменяемости и применения мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния, в англо-американском уголовном праве (часть II)	2	78–82
Огурцов С. А. Невменяемость: комплексный подход	3	46–50
Пархоменко С. В. Об уголовной ответственности юридических лиц	4	70–72
Полухина Д. М. Узуфрукт в системе вещных прав зарубежных государств	3	23–26
Порошкина Ю. О. Возможности использования медиации как альтернативного способа разрешения корпоративных споров и конфликтов	3	27–31
Починалина Л. Н. К вопросу об алиментарном содержании несовершеннолетних детей в рамках общего порядка уплаты и взыскания алиментов	3	69–72
Рычкова И. Н. Государственная услуга: процесс или результат	1	34–38
Ряховский К. Б. Влияние административно-правового статуса судебного пристава-исполнителя на образ Федеральной службы судебных приставов	3	73–76
Семенова Е. А. Законодательство о банкротстве в свете планируемых изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации	2	44–48
Соколова Т. В. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений научных работников	3	12–14
Сорокин Б. К. Эволюция правового регулирования труда работников в области медицины (историко-правовой аспект)	3	15–19
Торбин Ю. Г. Процессуальная трансформация статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (часть 1)	4	73–77

Фомиченко М. П. Особенности самоопределения народов в Российской Федерации	4	18–22
Химченко А. И. Глобальное информационное общество: правовые проблемы построения и подходы к пониманию и определению	1	66–70
Цитульский В. Ф. Правовые проблемы ответственности сторон социального партнерства	3	20–22
Чабукиани О. А. Институт предъявления обвинения нуждается в упразднении	3	51–54
Чумакова О. В. Дополнительные категории граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, установленные законодательством субъектов Российской Федерации	1	79–82
Чумакова О. В. Полномочия Правительства Российской Федерации в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью	4	86–90
Чупрова А. Ю., Ротков А. И. Законодательные основы практического применения телемедицины в Соединенных Штатах Америки	4	78–81
Шершнева-Цитульская И. А. Юридические аспекты принятия христианства в Древней Руси	3	3–7
Шишкин С. С. Особенности института представительства	4	82–85
Юлегина Е. И. Организационные и координационные полномочия Министерства юстиции Российской Федерации в области антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов	3	82–86
Яцеленко Б. В. Толкование уголовного закона как способ преодоления его неопределенности	3	55–59